

АСЯ ЛЕВИНА

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

**50 статей, написанных
для одноимённой колонки
берлинской газеты
«Русская Германия»
в 2002–2004 г.г.**

Мюнхен 2004

АСЯ ЛЕВИНА

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

**50 статей, написанных
для одноименной колонки
берлинской газеты
«Русская Германия»
в 2002–2004 г.г.**

Мюнхен 2004

ОБ АВТОРЕ

Ася Левина родилась в 1939 г. в Белоруссии, изучала русскую филологию, журналистику и философию в Кишинёве и Минске, четыре года преподавала диамат в Белорусском политехническом и технологическом институтах, затем – не сработавшись с «идеологическим фронтом» – была редактором и корректором в НИИ, преподавала эстетику в школе, работала в бюро социологических исследований и в институте научной организации труда.

С 1972 года – гражданка Государства Израиль. В Тель-Авиве 10 лет работала в русских журналах "Рассвет", Сион", "Круг", "Время и мы", а для зарплаты – бухгалтером (закончив курсы) и социологом (в бюро трудоустройства). В 1981-1982 годах сотрудничала как внештатный автор с "Радио Свобода", получила приглашение на постоянную работу в Мюнхен и более 13 лет была автором передач, редактором и старшим редактором, исполняя главным образом функции политического комментатора в Белорусской и Русской редакциях (псевдоним Ася Игнатёнок). В 1994 г. была спецкорром "Свободы" на конгрессе международного ПЕН-клуба и руководила её корреспондентским центром в Минске.

1 июля 1995 года вышла на пенсию в связи с переводом радиостанции в Прагу.

Отдохнув несколько лет, Ася вернулась к журналистике. Печатала проблемные статьи в журналах "Страна и мир" (Мюнхен), «22» (Тель Авиве), в газетах "Neues Leben" (Гемюнден), «Вести» и «Время» (Израиль).

В 2002 г. А.Левина предложила берлинской газете «Русская Германия» постоянную колонку комментатора «Особое мнение», ставшую вскоре популярной среди эмигрантов из СНГ. Статьи из неё собраны в этом сборнике.

Евг.Шидловский

СОДЕРЖАНИЕ

№ п/п	Название статьи	стр.
1	Можно ли критиковать евреев?.....	7
2	Нефутбольные игры.....	10
3	Кому она нужна – объединенная Европа?...	13
4	Против террора и антисемитизма.....	16
5	Америка: наш лучший враг.....	19
6	Мерлин Монро: жизнь после смерти?.....	22
7	Ирак: бить или не бить?.....	25
8	От чего зависят судьбы мира.....	28
9	Конец прекрасной эпохи.....	31
10	Последний маневр раиса.....	34
11	Кризис на кризисе.....	37
12	«Зелёные» братья.....	40
13	Двуликий Юрген.....	43
14	Беларусь.....	47
15	30 лет спустя.....	51
16	Зеркало европейских левых.....	55
17	Война под знаком пацифизма.....	58
18	Пара гнедых.....	63
19	Демократия и террор.....	67
20	«Железная леди» немецкой политики.....	71
21	Война за нефть.....	74
22	Йошка Фишер и новая Европа.....	77
23	Борьба за мир и европейский национализм.	80
24	Политика и мораль.....	83
25	Перед развязкой.....	86
26	Тупиковая политика.....	89
27	За что воюет Америка?.....	92
28	Война и мир.....	95
29	Германия и кризис гуманизма.....	98
30	Пацифисты.....	101
31	Из двух зол.....	104
32	От Робин Гуда до Бен Ладена.....	107

№ п/п	Название статьи	стр.
33	Хорошо забытое старое.....	110
34	Антиглобалисты.....	113
35	Смертоносные мифы.....	116
36	Европа оплачивает палестинский террор?.	119
37	Проблема последней рубашки.....	122
38	Кого сегодня травим?.....	125
39	Гримасы демократии.....	128
40	Уходить ли американцам из Ирака?.....	131
41	Четвёртая власть.....	134
42	Уроки аварии.....	137
43	ООН и террор в Багдаде	140
44	Жаркое лето в Берлине.....	143
45	Покой нам только снится.....	146
46	Германия и Ирак.....	149
47	Иракское досье.....	152
48	«Как это можно быть персиянином»?.....	155
49	Новый европейский антисемитизм.....	158
50	Суд идёт!	161

МОЖНО ЛИ КРИТИКОВАТЬ ЕВРЕЕВ?

В недавней дискуссии, связанной с Партией свободных либералов (ФДП), обсуждались, в частности, следующие вопросы: "можно ли критиковать евреев" и "антисемитизм в Германии вчера, сегодня, завтра", с понятной озабоченностью насчет завтра: как бы оно не оказалось слишком похожим на вчера.

Сама постановка вопроса «Можно ли критиковать евреев?» с самого начала показалась мне провокационной, ибо, несмотря на вопросительную форму, намекала на некие ограничения, существующие в этой области.

Неоднократное повторение фразы о долгожданном нарушении многолетнего табу на критику евреев убеждало рядового гражданина в том, что евреи в Германии целых 50 лет пользовались привилегиями, и это вызвало справедливое негодование: им, мол, что, все позволено? И слова сказать нельзя? Тогда "из толпы вышел дядька", Джамаль Карсли, советник Мёллемана, и произнес вполне уместную в сложившейся ситуации фразу о мировом сионистском заговоре. Всё сошлось: конечно, евреи командуют миром, вот их уже и критиковать нельзя. Тут антисемиты поняли, что снова настал их час; во многих других гражданах разыграло возмущение, и они воззвали к справедливости: никаких, мол, привилегий, критиковать можно всех! Таким образом, невинный вроде бы вопрос «Можно ли критиковать евреев?», на который любой еврей ответит, не задумываясь: "конечно, можно, что за чепуха?", сыграл в обществе роль катализатора антисемитизма, потому что это был не вопрос, а провокация.

А кто, интересно, этот вопрос повторял? Все, от Мёллемана до высокоинтеллигентного журнала „Der Spiegel“, журналистка которого на одном из круглых воскресных столов, передаваемых регулярно по первой телевизионной программе, говорила: «Но можно же иногда, немножко, слегка, чуть-чуть критиковать также и Израиль!». И в самом журнале совсем недавно удовлетворенно сообщалось, что вот наконец-то и в Германии нарушено табу и появились критики евреев. Это теперь журнал спохватился и в №23 резко критикует всю эту грязную кампанию, но, честно говоря, он, как и другие немецкие СМИ, внес немалую лепту в легализацию антисемитизма в Германии.

На самом деле, европейские государства в арабо-израильском конфликте, делясь до сих пор, почти всегда поддерживали арабов и критиковали Израиль. Так что вопрос «Можно ли критиковать евреев?» не только провоцирует юдофобию, но и подталкивает аудиторию к ложной оценке положения евреев в современной Германии, к знакомым антисемитским клише типа: "они всегда устраиваются".

Но существует и другая сторона вопроса. В течение последних двух лет (время так называемой второй интифады) критика Израиля усилилась. В сущности, почти любая статья на эту тему в „Suddeutsche Zeitung“ или в журнале „Der Spiegel“, любая передача по немецкому телевидению были пропалестинскими. И как-то очень естественно из проарабской эта кампания превратилась в антисемитскую по всей Европе: французская левая газета «Либерасьон» напечатала карикатуру на Шарона: маленький носатый еврей нападает на большой христианский крест; другой журнал, испанский, изобразил Шарона в виде свиньи; журнал „Der Spiegel“, используя гибель в перестрелке палестинского мальчика, задал сакраментальный вопрос, специально ли евреи убили арабского ребенка?, хотя неизвестно было, чья пуля в него попала: израильская или палестинская.

Трудно заподозрить журналистов этих атеистических левых изданий в незнании штампов антисемитской пропаганды. Так же трудно заподозрить их в сугубой приверженности религии, а ведь и крест, и свинья, и обвинение в ритуальном убийстве (кровавый навет) — все эти аксессуары взяты из христианских антисемитских запасников. Почему? Почему современные журналисты, которых трудно обвинить в юдофобии, обращаются к антисемитским штампам в своем желании критиковать... кого? Всё началось с недовольства политикой премьер-министра Шарона, вот и говорили бы о Шароне, предмет обсуждения вполне конкретный, при чем же тут "убиенные евреями младенцы"? Почему от Шарона мгновенно перешли к Израилю, от Израиля — ко всем евреям, а от них уж рукой подать до сионистского заговора и "Протоколов сионских мудрецов"? Все, что веками копилось в науке ненависти к евреям, что довело до диких преступлений нацизма, что было осуждено, похоронено и в могилу вбит осиновый кол, — всплыло и заиграло, как живое.

Ответ на эти вопросы может дать только история. Более двух тысячелетий законного, поощряемого властями и церковью антисемитизма сформировали культуру (если уместно так выразиться) отношения европейца к еврею. В ней, как в любой культуре, наработаны штампы, и они живут, пока их нечем заменить. Штампы эти антисемитские, потому что критика евреев в Европе всегда имела форму антисемитизма, и ничего другого в этом вопросе просто нет. 50 послевоенных лет – слишком малый срок для глобальной смены стереотипов. И поэтому современный политик в своем стремлении легализовать критику евреев воленс-ноленс реабилитирует антисемитизм; современный художник, пытающийся нарисовать карикатуру на еврея, поневоле придает ей антисемитскую окраску, а журналисту легче всего выразить свое недовольство евреями с помощью антисемитских клише: – они всегда под рукой.

Зато современный антисемит чувствует под собой очень хорошо унавоженную почву и культуру, богатую нужными ему традициями. Так что понятное желание навести справедливость и начать критиковать евреев произошло в точности по формуле: хотели как лучше, а вышло, как всегда. Вот и еще один ответ на вопрос «Можно ли критиковать евреев?».

Кстати, в газете "Suddeutsche Zeitung" за 22-23 июня сообщается, что Карсли опять повторил свои тезисы насчет мирового сионистского заговора. А так как он – советник Меллеманна, а Меллеманн – по-прежнему вице-председатель Партии свободных либералов, то заседание продолжится. Грузите апельсины бочках...

Ася Левина

**"Русская Германия" №26/314
за 1 – 7 июля 2002 года:**

НЕФУТБОЛЬНЫЕ ИГРЫ

В этот раз страсти по футболу проявлялись особенно бурно. Вопли разочарований и восторгов неслись из окон квартир, из парков, из проезжавших по улицам машин, украшенных национальными флагами. Канцлер Шредер старательно «болел»; Йошка Фишер сыграл в футбол с южнокорейским послом и победил с тем же счетом, что и немецкая команда в Сеуле: **1:0**; школьников отпускали домой раньше – посмотреть матч; на предприятиях в назначенный час работники собирались перед телевизорами. Невозможно было отделаться от впечатления, что происходит нечто исключительно важное, определяющее судьбы мира, вроде битвы при Ватерлоо или под Сталинградом. Причиной всего этого переполоха был, однако, футбол, сам по себе не тянущий на событие мирового ранга, и неадекватная реакция населения вызывала некоторое беспокойство: все хорошо в меру. Среди болельщиков слишком часто мелькали лица с наигранным, почти истерическим выражением – настроение толпы предписывало преувеличенно и напоказ страдать. Страдать по поводу футбола.

Потому что причина этой бурной реакции не в футболе. Сама по себе игра важна для профессионалов и разбирающихся в ней дилетантов. Для всех остальных она – символ. В России, в кругах, считавшихся интеллигентскими, «футболистом» называли человека спортивного, но недалёкого. Зато в народе футболистов любили, и суть этой любви однажды популярно объяснила мне моя домработница Зоя, когда мы заговорили о спортсменах и интеллигентах:

– А вот футболист твоему интеллигенту навтыкает, – сказала она, – тогда будешь знать, кто важнее!

Зоя, дочка ивановской ткачихи, исповедовала стихийный большевизм и интеллигентов не жаловала. Футболист же олицетворял собой тип народного героя, противоположный хлипкому очкарику; и неизвестно еще, что важнее в этой идеологии для ее сторонников: симпатия к футболисту или неприязнь к интеллигенту. Футбольная страсть часто камуфлирует скрытую агрессивность, и недаром именно футбол известен дикими драками своих болельщиков. Никакой другой вид спорта этим похвастаться не может.

Международные футбольные матчи – торжество демократии, когда высокие материи уступают место народному вкусу и простой человек чувствует себя приобщенным к важным мировым событиям. Свою приобщенность он радостно и шумно демонстрирует, болея за свою команду.

Команда – это "наше" общество в миниатюре на территории чужой страны, «наш» боевой отряд. Мирная спортивная игра становится средством самоутверждения или, в случае проигрыша, унижения для болельщиков – реакция, чреватая взрывом агрессивности. Это называется патриотизм.

В последние годы патриотизм в разных странах мира возрос, и социологи связывают это с процессом глобализации. Объединение Европы оживило националистические настроения на континенте; чемпионат мира по футболу четко их проявил. Оба эти процесса – глобализация и возрождение патриотизма и национализма – развиваются параллельно, и состав спортивных, в частности, футбольных, команд очень показателен: в списках участников последнего мирового чемпионата 736 человек из разных стран; из них 361 игрок зарабатывает свои деньги за границей ("Der Spiegel" №23). Толпы болельщиков в разных странах удивительно сходны: одежда, прически, выражение лиц. Телевизионные передачи – прямо-таки наглядное пособие по глобализации; только по раскосым глазам можно было догадаться, где происходит действие, – этого феномена глобализация пока не коснулась.

Футбол – не просто любимая многими спортивная игра, футбол – это общественный институт, чутко реагирующий на все важные социальные проблемы. Футболом занимается огромное количество людей, но только очень небольшую часть из них составляют сами спортсмены и их руководство. Рядом с ними располагаются фан-клубы – организованная поддержка национальных команд и одновременно коммерческие предприятия: они рекламируют игроков своей команды, выпускают майки, значки, кружки с соответствующими изображениями, содержат кафе и пивные и вообще активно ведут коммерческую деятельность. Одна из важных задач фан-клубов – будоражить общество, поддерживать интерес к футболу на высоком уровне любой ценой; легче всего – скандалом. На стадионе или в связи с очередным

матчем крутые парни затевают драку – и вот уже они (а с ними и футбол) в центре внимания всего мира. Культ силы, естественный для спорта, и культ личности игроков (или культ команды) способствуют укреплению в фан-клубах фашистских течений. Сами футболисты традиционно поддерживают со своими фанами хорошие дружеские отношения, что естественно: обе стороны слишком зависят друг от друга.

Дальше по кругу располагаются болельщики, их много, это уже народ, избиратели, и политики обязаны с ними считаться. Поэтому канцлер Шрёдер и кандидат в канцлеры Штойбер и полетели из Канады на другой конец света, в Японию, продолжать предвыборную кампанию на стадионе Йокогамы, хотя не исключено, что с гораздо большим удовольствием они посмотрели бы заключительный матч дома, по телевизору, в тишине и уюте. Но – noblesse oblige, как говорят французы: положение обязывает!

Сам по себе футбол, как всякий профессиональный спорт, есть экспериментальное исследование физических возможностей человека, и хороший футболист заслуживает не меньшего уважения, чем любой другой человек, добросовестно делающий свое дело. Для большинства футбол – захватывающее зрелище и причастность к армии болельщиков, что тоже греет душу: все же человек – существо социальное. Так что: ура, футбол!

Ася Левина

**"Русская Германия" №27/315
за 8 – 14 июля 2002 года**

КОМУ ОНА НУЖНА – ОБЪЕДИНЕННАЯ ЕВРОПА?

На карте мира Европа, небольшая и компактная, особенно по сравнению с соседней Россией, воспринимается как единая страна, разделенная на земли. Это географическое впечатление подтверждается исторической тенденцией, многочисленными попытками создать здесь одно государство, некое подобие Римской империи начала эры. Римская империя, частично расположившаяся тогда на территории Европы, оставила неизгладимый след в памяти народов и их лидеров. Ничего лучшего никто из них придумать уже не смог: мощное, богатое государство, культурное и престижное, и не такое уж зверское, бывали времена и похуже. Идея объединенной Европы не отрицала насилия: цель оправдывала средства. И хотя давно уже было известно, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку, европейцы без конца воевали, стремясь восстановить свое блестящее прошлое. Новым вариантам объединенной Европы давали претенциозные названия: Римская империя (XI век), Священная империя (XII век), Священная Римская империя (XIII век), Священная Римская империя германской нации (хоть и без Италии, XVI век). Европейцами явно владела навязчивая идея, которой, возможно, частично объясняются победы Наполеона и Гитлера: при всем различии в целях, методах и идеологии, оба лидера объединяли Европу.

С учетом всего сказанного, нынешнее объединение воспринимается как очередной шаг в том же направлении: через две тысячи лет со времени расцвета Римской империи, после многих провалившихся попыток, в Европе снова создается союз государств с единой валютой, парламентом, флагом и даже армией. Естественно отнестись к этому скептически и спросить: а зачем? Кому это надо?

Многим людям нравится жить в большой стране, им кажется это престижным. Хотя, по опросам общественного мнения, в Европе самые счастливые люди – датчане, жители маленькой страны; они объединя-ться не хотели; а одна из самых богатых стран на этом континенте – и вовсе Люксембург, и размеры этих двух стран не мешают ни счастью, ни зажиточности их граждан. Возможно, что другие

страны, менее счастливые, надеются принадлежностью к большой Европе компенсировать себе недостаток счастья или денег.

Идея объединения исходила от Франции и Германии, и каждая из этих стран имела на то свои, очень веские соображения. Франция веками считалась самой прекрасной страной Европы, Париж – красивейшим городом мира, Меккой художников и поэтов; французский язык был языком международным; лучшие театры, лучшая кухня, лучшая армия – во всяком случае, при Наполеоне; свобода, равенство и братство – в общем, *vive la France!* Вторая мировая война вдребезги разбила все это великолепие, и генерал де Голль, будущий французский президент, понял это одним из первых. «У Франции нет друзей, у Франции есть интересы», – сказал он, освободив тем самым французскую дипломатию от каких бы то ни было моральных обязательств. В соответствии с этим принципом сам де Голль пробыл некоторое время министром обороны в правительстве Петэна, полагая, что Гитлер победит и надо обеспечить Франции влиятельное положение в послевоенном мире. Но присмотревшись повнимательней к закулисной жизни нацистов и разуверившись в жизнеспособности их власти, он ушел в Сопротивление. Он боролся не за свободу, равенство и братство, а за то, чтобы Франция вошла в число стран-победительниц, и он своего добился. Но в послевоенные годы Франция потеряла колонии и с ними влияние в мире, зато приобрела комплекс неполноценности – он-то и привел её к идее объединенной Европы, в которой она надеется играть ведущую роль.

Германия – главный партнер Франции. Они никогда не были друзьями, но ведь "у Франции нет друзей, у Франции есть интересы". А интересы совпадали. Разгромленная, униженная и скомпрометировавшая себя Германия за то же время с помощью Америки превратилась в самую экономически мощную в Европе демократическую страну. Но политически она все еще ущемлена. Так что сочетание немецкой экономики с французскими политическими амбициями и возможностями полезно и приятно для обеих сторон.

Особняком и очень независимо держится Англия – этот

вечный конкурент прекрасной Франции, с точки зрения которой она не заслуживает названия «Великобритании». И в самом деле, небольшая кучка островов на карте выглядит несолидно. Но зрительное впечатление обманчиво: бывшие английские колонии – США, Канада, Австралия, Новая Зеландия – превратились в высокоразвитые современные государства, и старая метрополия поддерживает с ними истинно родственные отношения; на английском языке говорит весь мир. Колонии тоже надо уметь выбирать; Франции в этом деле повезло меньше.

Горячей сторонницей объединения выступила Бельгия; это – бюрократический центр Европы, ее отдел кадров, бухгалтерия и секретариат.

Сегодня Европа пытается делать то, ради чего она объединилась: конкурировать с Америкой. Экономическая конкуренция ей пока не по силам; политическая – тоже; но попытки продолжаются.

Между тем, проявляются негативные последствия объединения: беспрецедентное подорожание, связанное с новой валютой – евро – и рост влияния правых партий и националистических настроений в странах Европы, вызванный страхом утраты государственной независимости и культурной самобытности. Можно с уверенностью предсказать, что объединенную Европу в будущем ждет тяжелое испытание, связанное с позицией Англии: вряд ли англичане настолько доверятся Франции и Германии, чтобы отвернуться от США. Но развитие мировых событий может заставить Европейский Союз и вовсе отказаться от соперничества с Америкой и, как уже бывало, ждать от нее помощи и даже спасения. Такая перспектива делает позицию скептиков вполне оправданной, а вопрос "кому это надо?" – более чем уместным.

Ася Левина

**"Русская Германия" №29/317
за 22 – 28 июля 2002 года:**

ПРОТИВ ТЕРРОРА И АНТИСЕМИТИЗМА

12-го июля в Мюнхене состоялся митинг под девизом «Против террора и антисемитизма». В самом девизе кроется вызов европейской ближневосточной политике, разделяющей понятия «террор» и «антисемитизм». Террор – это насильственные действия, сопровождающие требования, не признаваемые мировым сообществом в качестве справедливых. Таков, скажем, террор организации «Эта» в Испании, требующей независимости для страны басков, или деятельность ирландских протестантов и католиков. Террор, таким образом, делится на дозволенный и недозволенный, на «плохой» и «хороший», как холестерин. Остается только сформулировать свои требования надлежащим образом, и Европа выдаст вам разрешение на убийства.

Отношение мирового сообщества к террору диктуется, конечно, не формулировками, а соображениями выгоды и идеологическими штампами, но ведь и террористы не лыком шиты: посмотрите, как Арафат ласково держит за ручку католического патера и провозглашает борьбу за мусульманские и (sic!) христианские ценности, оскорбленные еврейским завоеванием, – остается только объявить набор в очередной крестовый поход!

Террор палестинцев против Израиля считается в Европе справедливым явлением, о чем неоднократно заявляли все, начиная от министра иностранных дел Англии до арабских лидеров, навещающих своих европейских коллег. Оправданием этому террору служит, по их единодушному мнению, то, что борьба палестинцев есть национально-освободительное движение. И никого не смущает явная логическая неувязка: террор – это средство борьбы, а создание независимого палестинского государства – цель. Если признать, что цель оправдывает средства, тогда меняется вся система современных взглядов на общество, тогда и Гитлер прав по-своему, и Сталин, и Пол Пот, и вообще мы далеко уйдем по этой хорошо накатанной дороге. С другой стороны, постановка вопроса подозрительно напоминает знаменитый лозунг «бей жидов, спасай Россию!», над которым мы совершенно напрасно смеемся, – он совсем не бессмысленен. Ведь если бить жидов следует для спасения России (или палестинцев), то, во-первых, почему бы их

и не побить, – цель вполне благородная; а во-вторых, сопротивление упомянутых жидов, которые не дают себя справедливо убивать, достойно сожаления и осуждения. Вот Европа, руководствуясь такой логикой, и осуждает Израиль за сопротивление палестинскому террору.

Политика Арафата не считается антисемитской, что тоже логично: антисемитизмом называется несправедливое отношение к евреям, и оно в цивилизованном обществе осуждено. Но бывают ситуации, когда евреев убивать вполне допустимо, и тогда это не антисемитизм, поскольку евреи сами виноваты.

Таким образом, европейское мышление проповедует классический антисемитизм, и самыми горячими его сторонниками являются святые миролюбцы, готовые вступить за любую муху: «зеленые» и левые. Известно же, что певец мировой скорби и «слезинки ребенка» Ф.М. Достоевский даже не подозревал в себе антисемитизма: просто евреи были ему уж очень противны!

Недавно по телевизионной программе „Arte“ был показан документальный фильм о трех немецких женщинах, живущих со своими мужьями-палестинцами в секторе Газа. Ребенок одной из этих женщин ходит в палестинский детский садик, и по этому поводу мама ребенка говорит, что вернулась бы в Германию, потому что не хочет, чтобы ее ребенок впитал в себя идеологию ненависти. За этими словами следуют кадры занятий в детском саду: воспитательница скандирует, а дети повторяют: наша родина – Палестина, мы любим Палестину и т.д. Никакой идеологии ненависти не наблюдается. В чем же дело? В том, что фразу об идеологии ненависти редактор передачи по забывчивости и спешке пропустил, а кадры с антисемитскими лозунгами, вбиваемыми в трехлетних детей, старательно вырезал: нельзя же показать правду о палестинцах, нельзя рассказать об антисемитской пропаганде, которая начинается в детском саду и продолжается в школе, по радио и телевидению, в газетах и книгах. Мир в этом вопросе так заврался, что отступить уже некуда. Мода и выгода диктуют рисовать палестинца бедным, беспомощным, затравленным евреями, которых он иногда убивает при полной моральной и материальной поддержке всего прогрессивного человечества.

Выступающие на мюнхенском митинге отвергли приемлемость террора для достижения политических целей, отвергли деление террора на «плохой» и «хороший», а деятельность палестинских террористов назвали антисемитской, что было встречено дружными аплодисментами. Собравшиеся на площади поняли девиз митинга однозначно: **против террора и антисемитизма** – это значит, против палестинского террора в Израиле и против антиеврейского террора во всем мире. И когда на трибуну вышел представитель партии «зеленых» и стал обвинять Израиль, его дружно освистали. Ури Авнери, лидера израильского движения за мир «Шалом ахшав», на митинге не было, а жаль: на трибуне он, загорелый, со своими седыми волосами и в черной рубашке выглядел бы не менее "секси", чем на экранах немецких телевизоров. Но его бы тоже освистали, и за дело.

Представители разных направлений раздавали листовки: христиане-сторонники Израиля, интернационалисты, группа «Еврейско-палестинский диалог»; PDS – бывшие коммунисты, называющие себя социалистами; правые, листовка которых называлась «Без Аушвица не было бы Израиля»: и это тоже справедливо, не сказать ли спасибо Гитлеру?

В паузах играл Гиора Файдман, и еврейские мелодии сочетались с «Аве Мария». Был прекрасный солнечный день, и только присутствие полицейских, охранявших площадь, где проходил митинг, свидетельствовали о неблагополучии в этом королевстве.

Ася Левина

**"ВЕСТИ", Тель Авив, №2334
от 24 июля 2002 года:**

АМЕРИКА – НАШ ЛУЧШИЙ ВРАГ

Отношение сегодняшнего мира к Соединенным Штатам Америки напоминает коммунальную кухню, в которой все ревниво следят за успехами друг друга. И не дай Бог, если появится там человек удачливый, успешно делающий свою карьеру. Если он умный, немедленно будет объявлено, что «он считает себя умнее всех»; если красивый – особенно женщина – что «считает себя красивее всех»; если образованный – что «он хочет свою образованность показать»; что плохо воспитан, агрессивен, некультурен, провинциален и вообще, невыносим.

Причина этого благородного возмущения – не грехи удачливого соседа, (хотя он не ангел, как и все остальные), а обыкновенная пошлая зависть, проявляющаяся по-разному: один ограничится сплетнями, другой – скандалами, а третий, от невыносимого вида чужого успеха, возьмет и насыплет ему в борщ мышьяку...

В роли третьего выступает сегодня арабский фундаментализм, популистские лозунги которого импонируют населению стран ислама; остальные действующие лица – это Европейский союз, Россия и Китай. И если от Китая исходит пока только потенциальная угроза, он еще в стадии накопления сил, то Россия и Европа ведут свою игру открыто.

Говорят, что миром правят деньги, но не только: не в меньшей степени миром правит тщеславие. Соединенные Штаты, завоевавшие независимость более 200 лет тому назад, долгое время воспринимались европейцами в качестве хоть и освоенного ими, но все-таки второсортного материка. Главной причиной этой пренебрежительной оценки была непохожесть американской системы ценностей на европейскую: там, например, не было воспитанного христианством пренебрежения к деньгам и европейского преклонения перед знатностью. И чем больше богатела и набирала темп Америка, тем брезгливее кривила нос старая Европа и тем чаще в разговорах европейцев об Америке мелькало слово «культура». В точности, как сейчас в разговорах русских эмигрантов, уверенных в своем абсолютном культурном превосходстве над всем миром.

Европа, обедневший аристократ, смотрела на Америку, как на беспородного нувориша. Деловая Америка относилась к миру прагматично, понимая, что благополучие – достояние всеобщее, а зависть и злорадство до добра не доведут.

С победой нацизма из Европы в Америку переехало огромное количество деятелей науки и культуры, и заслугу за небывалый расцвет американской науки европейцы приписывают себе. Между тем, бегство интеллигенции из озверевшей Европы никак нельзя поставить последней в плюс, зато прием этих людей Америкой трудно переоценить: европейская интеллигенция прекрасно прижилась в Америке; в Европе ей грозило уничтожение. Всей европейской цивилизации грозило уничтожение, и Америка трижды спасла Европу: сначала от Гитлера, потом – от Сталина; в послевоенные годы – от бешеного натиска коммунистов, уже почти прорвавшихся к власти во Франции и Италии. Американская военная мощь действовала отрезвляюще на советских лидеров, готовых в любой момент переделать Европу на свой лад. Американские финансовые вливания в экономику разрушенной Европы позволили ей быстро ликвидировать разруху и частично нейтрализовать влияние своих компартий.

Но ни одно доброе дело не остается безнаказанным, и это понятно: тому, кто нас спасает, мы обязаны, а быть обязанным неприятно, это зависимость и от нее желательно избавиться. В то же время не хочется выглядеть неблагодарным, и наилучший выход из этой ситуации – объявить своего благодетеля недостойным благодарности, постоянно перечислять его мнимые и действительные недостатки, намекая на свои достоинства и на оправданность неблагодарности. В 1990 году, во время войны в Персидском заливе европейские левые, облитые томатным соком, выходили на митинги под лозунгами «Руки прочь от Ирака!» и «Не проливать кровь за нефть!». При этом имелась в виду кровь погибших от бомбардировок жителей Ирака; кровь американских солдат и кувейтцев, погибших по вине Саддама Хусейна, считалась пролитой правильно. Кувейт был освобожден, нефть продолжала бесперебойно поступать в Европу, но Саддам Хусейн остался недобитым и угрожает миру до сих пор.

Нападение на Нью-Йорк 11-го сентября прошлого года напугало Европу. Канцлер Шредер вспомнил, чем Германия обязана Америке; президент Франции Ширак, выступая в Вашингтоне, (небывалый случай!) заговорил по-английски; «зеленые» щебетали о гуманизме и выясняли внутрипартийные отношения; борцы за мир (оказывается, они еще живы!) заполнили улицы европейских городов. В итоге, воевала Америка и, как всегда, Англия, остальные их критиковали.

Европа и сегодня не хочет воевать ни с террористами, ни с Ираком. Россия, Китай и арабский мир ее поддерживают. Точно так же было и перед Второй мировой войной, когда Европа (кроме Англии), Советский Союз, Япония и арабский мир дружно поддерживали Гитлера. Сегодня Европа (кроме Англии), Россия, Китай и арабский мир противостоят Америке в ее борьбе с терроризмом. Недавно в Нью-Йорке состоялась встреча представителей США, России, ЕС и ООН по вопросу урегулирования ближневосточного конфликта. Все, кроме Америки, поддержали Арафата; только Соединенные Штаты требуют его отстранения.

Это – репетиция; так же будет решаться вопрос и насчет Саддама Хусейна, и насчет Бен Ладена.

Во всех серьезных политических конфликтах Соединенные Штаты не только остаются в одиночестве, не только вынуждены без помощи со стороны других стран проводить необходимые акции, но еще и подвергаются острой критике с их стороны. Такая политика по отношению к США естественна для арабского мира, для России и Китая. Но она совершенно безумна для Европы, благополучие которой неразрывно связано с гегемонией США. Страшно себе представить, что будет с Европой, если в мировом соперничестве на первое место выйдет одна из вышеперечисленных держав. Но если предположить, что выдержит и победит Америка, тогда — Европа ведет сегодня беспроблемную игру: Америка, в случае чего, выручит ее и спасет; она не только лучший друг, но и лучший враг.

Ася Левина

**"Русская Германия" №31/315
за 5 – 11 августа 2002 года**

МЕРИЛИН МОНРО: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

40 лет назад, 5-го августа 1962-го года американская кинозвезда Мерилин Монро была найдена мертвой в своем доме в Лос-Анджелесе; как установила медицинская экспертиза, она приняла дозу снотворного, достаточную для того, чтобы уснуть навеки. Неизвестно, что это было: самоубийство, борьба с бессоницей или ошибка выпивающей и привычной к таблеткам дивы, случайно взявшей не то лекарство.

Загадка стимулирует фантазию; заговорили об убийстве: то будто бы ее убрали по заказу братьев Кеннеди, Джона и Роберта, т.к. она знала слишком много тайн своих могущественных любовников; то будто бы мафия ликвидировала Мерилин, отомстив таким образом Джону Кеннеди за невыполненные предвыборные обещания; наконец, что она была шпионкой КГБ и понесла наказание неизвестно от какой из сторон. Не отвергая всего этого, пишущие о ней сходились и до сегодняшнего дня сходятся на том, что ее погубил Голливуд.

За время, прошедшее с тех пор, слава Мерилин Монро не потускнела, и для многих это является не меньшей загадкой, чем ее смерть.

Норма Джейн Мортенсон, таково настоящее имя актрисы, родилась в Лос Анджелесе 1 июня 1926 года. Был ли мистер Мартин Мортинсон в самом деле ее отцом, неизвестно; ее мать, психически неуравновешенная женщина, обремененная еще двумя детьми, отдала девочку на воспитание своей приятельнице, ставшей ее опекуной. Норме приходилось жить у разных людей, побывала она и в детском доме. В 16 лет опекунша выдала ее замуж за своего знакомого моряка. Шёл 1942 год, муж Нормы служил во флоте; она работала на военном заводе, где ее впервые заметили фотографы: под руководством Рональда Рейгана – в то время армейского офицера, создавалась серия снимков "высокоморальных хорошеньких девушек, работавших в важных для армии отраслях промышленности". На заводе она зарабатывала **20** долларов в неделю; став моделью, получила в пять раз больше.

Дело было не только в деньгах; трудно жить по соседству с Голливудом и не мечтать о сказочной карьере

кинозвезды. Она мечтала и – делала шаги в нужном направлении: сотрудничала с различными фотоагентствами, позировала, когда требовалось, обнаженной; одно время работала девушкой на парти, куда приходили известные голливудские деятели; в ее обязанности входило всестороннее обслуживание клиентов – от ресторанного до постельного.

На нее обратили внимание; стали предлагать небольшие роли в кино. В конце концов ей подправили грудь, нос, зубы, овал лица, выкрасили волосы в платиновый цвет, научили улыбаться, полуприкрыв глаза и полуоткрыв рот, и дали новое имя: хорошенькая простенькая девушка Норма Джейн Мортенсон превратилась в ослепительную секс-диву Мерилин Монро. Ей платили самые высокие гонорары, она стала любимицей всего мира, ее любовником был президент Соединенных Штатов, а её последним мужем – знаменитый драматург Артур Миллер; и чем выше она поднималась по социальной лестнице, тем меньше счастья оставалось в ее жизни: достигнув вершины, она захотела умереть.

Возвышение, как и неудачу, надо уметь пережить, не теряя головы; далеко не всем это под силу.

Мерилин Монро, став очень знаменитой и очень богатой, обнаружила изъяны в своей репутации: ее красота и сексапильность расценивались по высшему разряду, талант и интеллект – по низшему. Она находила это несправедливым и пыталась свести концы с концами: в порядке повышения квалификации, посещала театральную школу, читала хорошие книги и общалась с умными людьми. Результат был нулевой: актер и режиссер Оливер Оливье, с которым она собиралась сниматься, советовал ей оставаться «секси»; Артур Миллер, ее последний муж, написал для нее сценарий кинофильма; совместная работа закончилась разводом. Она была в отчаянии: никто не считал ее серьезной актрисой, никто не предлагал ей сыграть Грушеньку в «Братьях Карамазовых», о чем она так мечтала; никто не мог увидеть в ней то, чего в ней не было: ум и талант. Ее любили и очень хорошо платили за то, что в ней было: за красоту и сексапильность, но этого ей было недостаточно. Погоня за недостижимым превратила ее жизнь в ад, стала причиной комплексов и несостоятельных притязаний, заливаемых вином с неизбежными таблетками.

Это были 50-е годы, начало сексуальной революции, предлагавшей считать секс прекрасным даром природы, приносящим здоровье и счастье.

Похоже, что Мэрилин Монро, имидж которой прекрасно соответствовал новой идеологии, этого не понимала и по-старинке считала свою сексапильность дешевой, которая помогла ей пробиться в жизни, но от которой желательно было побыстрее избавиться.

Вряд ли счастье зависит от обстоятельств, разве уж обстоятельства совсем плохи. Ничто внешнее не даст устойчивого ощущения счастья, если нет внутренней готовности довольствоваться тем, что Бог послал. А ей он послал немало; она могла прожить долгую жизнь, на манер Брижит Бардо, ее французского двойника. Но сыграть серьезную трагическую роль она могла только одним способом – покончив с собой, и не в кино, а в жизни.

Именно поэтому наиболее правдоподобной кажется версия о самоубийстве; мертвая, она держала в руках телефонную трубку, возможно, в последнюю минуту раскаявшись в своем отчаянном поступке.

Смерть принесла ей бессмертие, чего она не могла ждать от жизни, но не исполнила ее мечты: никто не считает сегодня Мэрилин Монро интеллектуальной актрисой, как актриса она вообще никого не интересует; она стала символом революции взглядов, утвердившей идею естественности, а не греховности сексуальных отношений. Свою обольстительность она не ценила, считая ее второсортным качеством; парадоксальным образом, ее посмертная жизнь доказала обратное.

Ася Левина
5 августа 2002

(для "Русской Германии" №32)

ИРАК: БИТЬ ИЛИ НЕ БИТЬ?

Странный диалог наблюдаем мы в последнее время между Европой и Америкой. Америку беспокоит безудержное вооружение Ирака, наличие у него химического и биологического оружия и стремление создать атомную бомбу. Специалисты считают, что последнее вполне реально, и лет через пять Ирак получит эту престижную и опасную игрушку. Президент Ирака Саддам Хусейн ценит престиж, хотя понимает его довольно своеобразно: по его мнению, дорогой западный костюм хорошо сочетается с гаванской сигарой и пистолетом, а социализм и безграничная власть – с атомной бомбой. Возможно, он правильно понимает современную систему ценностей: теоретически можно отвергать силовые приемы, но на практике к ним приходится иногда прибегать. В молодости Саддам однажды провалил экзамен в университете; впредь он являлся к профессорам с пистолетом и телохранителями – и все сдавал на «отлично».

В 1990-91 гг. он провалил кувейтскую кампанию; будь у него атомное оружие, этого бы не случилось. В отсутствии логики и решительности иракского диктатора не упрекнешь; в нежелании расширить свои пределы – тоже. Методы его просты и убедительны, понятны любому феллаху, так что популярность в арабском мире ему обеспечена. И не только в арабском.

Обсуждая иракскую проблему, Америка и Европа исходят из разных посылок: Америка – из предположения иракской агрессии, нейтрализовать которую будет очень тяжело уже в ближайшее время; разрабатываются планы превентивного удара, который, по мнению военных, позволит решить проблему с меньшими потерями. Поэтому основной вопрос состоит в том, чтобы спланировать оптимальный вариант будущей военной операции.

Если Америку тревожат последствия возможной иракской агрессии, то Европу – негативный эффект обсуждаемого американского нападения на Ирак, непредсказуемость ответной реакции и угроза дестабилизации ближневосточного региона, который и без того постоянно находится на грани войны. Вариант агрессии со стороны Ирака европейцы не рассматривают вообще, в результате чего картина

мира радикально меняется, и агрессором представляется не Ирак, а Соединенные Штаты Америки.

Европейские СМИ весьма охотно упражняются на эту тему, называя Америку «мировым жандармом», упрекая ее в стремлении к мировому господству, а президента Буша – в совершенно необоснованной воинственности. И в самом деле: если Ирак – мирная овечка, тогда все американские планы – просто бред помешанного на войне государства, хотя опросы общественного мнения показывают, что большинство граждан страны поддерживает планы правительства в отношении Ирака.

Таким образом, для Европы главное – не Ирак, а Америка; не вооруженные до зубов современные деспотические режимы, а антиамериканская пропаганда. Не исключено, что вероятная военная акция против Ирака и, в случае успеха, укрепление престижа США, пугает европейских лидеров гораздо больше, чем военная мощь и амбиции Саддама Хусейна.

История Европы – это история войн и демонстрация культа насилия, от межгосударственных отношений до личных, где наиболее почетным способом разборок долгое время была дуэль – убийство, возведенное в ранг высшей добродетели. Последние 50 лет западная Европа исповедует пацифизм, проявляя в этом неумеренное рвение, как и всякий неофит: не так уж давно она усвоила старую истину о том, что худой мир лучше доброй ссоры.

Соперничество с великой заокеанской державой не позволяет Европе заглянуть даже в легко обозримое будущее. Канцлер Шредер чуть ли не каждый день призывает Америку решить иракскую проблему мирными средствами – даже наводнение не отвлекло его от этого благородного дела. Между тем, для развязывания войны достаточно одного участника; для заключения мира необходимы, как минимум, двое. Создание антииракской коалиции, возможно, и могло бы впечатлить Саддама Хусейна, особенно на фоне афганских событий; разобщенность мировых лидеров его поощряет. Он покупает Россию новыми нефтяными предложениями; Москва продает ему оружие; арабский мир и Европа выступают против американских планов. Вашингтон на коалицию не рассчитывает; в случае необходимости, он будет стараться обойтись собственными силами. Скорей

всего, поддержит Буша только Англия.

Кроме откровенного антиамериканизма, существуют и другие – скрытые – причины европейского нейтралитета по отношению к Ираку. С 1963 года Ираком правит БААС – Партия арабского социалистического возрождения. С помощью Советского Союза в стране были проведены реформы: национализация крупнейших промышленных (особенно, нефтяных) предприятий; перераспределение земли; созданы были также сельскохозяйственные кооперативы. Все это нравится европейским «левым» гораздо больше, чем американский капитализм.

Война – это всегда плохо и опасно; но если она неизбежна, еще опаснее закрывать на это глаза, как уже было в случае с Гитлером.

Понятно, зачем Саддаму Хусейну дворцы, машины и яхты; сидел бы он в своих хоромах с гаванской сигарой в усах, прилетали бы к нему братья-социалисты по бонусным билетам и резвились бы они на морских просторах, – и все, включая Америку, были бы довольны. Но трудно спать спокойно в условиях, когда усатый бармалей с осторожными повадками хищника подводит под земной шар гигантский заряд взрывчатки.

Ася Левина
19 августа 2002

"Русская Германия" №34/322
за 26 августа – 1 сентября 2002 года

ОТ ЧЕГО ЗАВИСЯТ СУДЬБЫ МИРА

(НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ)

Когда-то, в незабвенные советские времена, слово «выборы» означало обязательное голосование. Опустив бюллетень в урну, гражданин страны тем самым подписывал доверенность партии и правительству на ведение всех дел в государстве, а сам умывал руки. Таков был ритуал. Партия и правительство обошлись бы вообще без выборов и многие граждане – тоже. Таких граждан достаточно в каждой стране, они аполитичны, в частности, потому, что участие в общественной жизни – занятие обременительное и ответственное.

При демократической системе бюллетень есть акция на участие в управлении государством; от результатов голосования зависит благополучие страны и каждого из нас.

Избиратель, каким бы трезвым и даже циничным он ни был, сохраняет в душе некоторый романтизм по отношению к высокопоставленным государственным особам. Примеряя к себе руководящие должности, он невольно думает: «вот я бы на его месте...»; голосуя за определенную программу, он частично реализует свою мечту о том, что сделал бы он на месте, допустим, канцлера. Возможности главного лица в государстве преувеличиваются обеими сторонами: кандидат в канцлеры многое обещает, иначе его не выберут; избирателю эти обещания нужны, как воздух, иначе нет стимула голосовать. Невыполнимые обещания и надежды – залог успеха, но и будущих поражений и разочарований. Такова диалектика выборов.

В этот раз выборы в Германии особенно тяжелы и проблематичны. Кто бы ни стал канцлером на следующие четыре года, он не отменит подорожания, связанного с введением новой валюты – евро – и не повысит покупательную способность потребителей. Наоборот, чем меньше покупают, тем сильнее застой в экономике и тем выше цены. И никакая «зеленая» политика не в силах предупредить природные катастрофы; они находятся пока что в ведении иных, не земных, инстанций. Возможно, именно поэтому Герхард Шрёдер открыл свою предвыборную кампанию темой Ирака и особенно горячо клялся и божился,

что ни один немецкий солдат воевать с Саддамом Хусейном не будет. Он давал этим понять, что за европейскую экономику и природные катаклизмы он не отвечает, но мир с Ираком – может пообещать.

Избиратели искренне удивились: мир с Ираком – дело совсем не простое, и зависит оно не от немецкого канцлера и даже не от американского президента, а исключительно от Саддама Хусейна. И если завтра иракский диктатор нападет на кого-нибудь из своих соседей, Герхарду Шрёдеру придется взять свои слова обратно, не дожидаясь результатов выборов.

Его соперник, Эдмунд Штойбер, говорит, в основном, о безработице — ее он собирается понизить. Подтекст его обещаний понятен: даже упоминание о безработице – камень в огород Герхарда Шрёдера, который за прошедшие четыре года не сдвинул эту проблему с места ни на грамм. И впредь ничего сделать не сможет, даже если удержится на своем посту, потому что четырехмиллионная армия безработных – показатель кризиса социального государства, которое вынуждено взимать с работающих высокие налоги, чтобы безработные могли спокойно жить. При скромных доходах выгоднее быть безработным. Попытка реформировать эту систему наткнется на сильное сопротивление определенных слоев населения и особенно профсоюзов.

Любая партия, желающая изменить эту ситуацию, вынуждена будет проводить непопулярную политику, потому что популярная политика себя изжила. Немецкие предприниматели, уезжающие в Америку или Австралию, «голосуют ногами» за капитализм, за свободу от государства с его непомерным бюрократическим аппаратом, которому до всего есть дело. Моя знакомая американка, приехав в Германию, не смогла открыть свою фирму, потому что соответствующее ведомство не разрешило ей это сделать. "Мы выяснили, – сказал ей чиновник, – что предлагаемые вами услуги в нашем городе сбыта не найдут. Вы можете прогореть".

– "Это – моя проблема", – ответила американка, не имевшая опыта жизни в социалистическом государстве.

– "Напрасно вы так думаете, – ответил немецкий чиновник, – это и наша проблема: если вы прогорите, нам придется

платить вам пособие".

Эдвард Штойбер, баварский премьер-министр, поступает не совсем честно, считая нынешнего канцлера ответственным за уровень безработицы, высокие налоги, плохое школьное образование, возросшую криминальность и даже будто бы за потоп. Но не использовать эти козыри он не может, потому что именно в управляемой им Баварии все эти показатели – лучшие по стране, а Мюнхен – самый привлекательный город в Германии, настолько привлекательный, что квартиру в нем снять уже почти невозможно. Штойбер, консервативный и здравомыслящий политик, решительнее других выступает за экономические и социальные реформы, и если не станет канцлером, то, скорее всего, потому, что «Свободное государство Бавария» и так мозолит глаза жителям и лидерам других немецких земель своей независимостью и относительным благополучием.

Во время предвыборной кампании претенденты на высшую должность в государстве стремятся выглядеть как можно эффективнее – и достигают иногда противоположного результата. В минувшее воскресенье Эдмунд Штойбер, с отработанной легкостью взбегаая по ступенькам на сцену, споткнулся, и вынужден был коснуться рукой пола, чтобы не упасть. На трибуне он выглядел уже слегка потрепанным. Момент знаменательный. В самом деле, от чего зависят порой судьбы мира...

Ася Левина
2 сентября 2002

"Русская Германия" №36/324
за 9 – 15 сентября 2002 года

КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ

Во все времена человеческой истории существовали, как минимум, две противоположные точки зрения на то, как бороться со злом. Одна из них предлагала силовые приемы: преступников казнить, сажать в тюрьмы или наказывать каким-либо другим способом. В области наказаний люди проявили такую изобретательность, что оставалось только махнуть на все рукой и исповедовать философию безнадёжности: судьи часто ничем не отличались от преступников. Возможно, именно ужас перед садистскими наклонностями человека вызвал к жизни гуманистическую идеологию; она предлагала милостиво обращаться с преступившими закон, стараться их понять и, самое главное, жалеть: любой арестованный – жертва, так как с ним случилась беда.

Говорят, что понять – это наполовину простить. Никто ведь не совершает преступление без причины, а причиной часто является несовершенство социальной системы. Например, украл не из любви к искусству, а потому, что был голоден; или, чтобы накормить детей; или чтобы купить лекарство умирающей матери. Такой вор – не вор, а хороший человек; не преступник, а жертва социальной несправедливости, и судить надо не его, а общество, которое довело его до жизни такой. Современная гуманистическая идеология медленно, но верно подводит к утверждению, что злые деяния совершаются часто из добрых побуждений и что преступники в определенной степени лишь жертвы.

Любой телевизионный кадр, показывающий противостояние полиции и разъяренной толпы, демонстрирует нам также и этот опасный крен к всепрощению. Молодые люди, как правило, сильные и здоровые, швыряют в полицейских камни, бутылки с «коктейлем Молотова», бьют витрины, поджигают и уродуют чужие автомобили, а полиция, снабженная щитами, забралами и пуленепробиваемыми жилетами, в крайнем случае, разгоняет толпу водой из шлангов. Не дай Бог, если кто-то из хулиганов пострадает, если полицейский ударит кого-нибудь из них дубинкой! Стало уже нормой, что международные форумы и встречи в верхах происходят под усиленной охраной полиции, как будто на них собираются не законно избранные лидеры демократических

стран, а генералы оккупационных войск вражеских держав.

Полиция и толпы хулиганов олицетворяют противостояние государства и народа. Народ требует справедливости, и он всегда прав. Совершенно неважно, где происходит действие: в Пакистане, Аргентине или Германии; совершенно неважно, за какую идею сражаются уличные герои. Реакция общественности на такие события всегда одинакова: резкая критика правительства соответствующей страны и политики богатых западных государств. В этом есть, разумеется, свой резон; но сочувственный комментарий, сопровождающий кадры уличного бандитизма, воспринимается как признание права толпы на самосуд, а с этим согласиться уже трудно.

Особенно правы народы стран Третьего мира. Гуманистическая идеология десятки лет твердит о том, что во всех бедах этих стран виноват империализм, т.е. колониальная западная политика прошедших времен. Правда, обретшие независимость народы давно получили возможность наладить свое существование. Но их преследуют неудачи, надо их жалеть, а обвинять следует сильных — неважно, виноваты они в самом деле или нет. Лидеры слаборазвитых стран с удовольствием повторяют обвинения в адрес Запада. Еще бы: вся ответственность за низкий уровень жизни с них снимается, виноваты Англия, Франция, Америка, и, конечно, Израиль!

11-го сентября прошлого года удар был нанесен не только по башням Торгового центра в Нью-Йорке, но и по всему современному гуманизму. В первые дни еще слышались накатанные речи о том, что виноваты во всем американцы и англичане: Афганистан был когда-то английской колонией, и народ, мол, не забыл обиды; Соединенные Штаты бомбили Ирак в 1991-м году, вот теперь и откликнулось; ну и конечно, Америка поддерживает Израиль в его конфликте с палестинцами. Так что виноват кто угодно, только не мусульманские фанатики.

Но постепенно прояснялось не только небо над Нью-Йорком, но и ход мысли. Афганистан освободили от советской оккупации при помощи Соединенных Штатов; бомбили Ирак, чтобы освободить от него другую арабскую страну — Кувейт; а Израиль ко всем этим делам не имеет вообще

никакого отношения. А кроме того, Усама Бен Ладен — родом из Саудовской Аравии (ей Ирак угрожал не меньше, чем Кувейту), там живет и здравствует вся его семья — миллионеры-строительные подрядчики, близкие к трону. Почему же Бен Ладен так возненавидел Америку и вообще Запад? Почему его поддерживает большинство населения стран ислама? Гуманистическая идеология ответить на эти вопросы не может.

Приходится признать, что народ не всегда прав, и даже, если он прав, ему не все позволено. Не прав был немецкий народ, когда выбрал канцлером Адольфа Гитлера; итальянский, когда приветствовал Муссолини; российский, когда боготворил Ленина, Сталина и прочих великих вождей. Приходится признать, что народные герои — от Робина Гуда до Че Гевары и Бен Ладена — просто бандиты, творящие скорый и неправый суд, и их деятельность не имеет ничего общего с борьбой за справедливость.

Урок 11-го сентября заключается в том, что злобы, зависти и подлости в мире вполне достаточно для того, чтобы погубить всех в одночасье, и никакого оправдания этому быть не может. И очень опасно, если не преступно, закрывать на это глаза и учить овечку пастись в обществе львов, а Красную Шапочку — гулять по лесным тропинкам, не боясь волков. Отказ от сладких песен прекрасной гуманистической эпохи не означает возвращения к силовым методам. Хорошо бы обойтись без них, но и без утопической веры в идеальное общество и добренькое от рожденья человечество .

Ася Левина

**"Русская Германия" №37/325
за 16 – 22 сентября 2002 года:**

ПОСЛЕДНИЙ МАНЕВР РАИСА

В августе этого года главе Палестинской автономии Ясиру Арафату исполнилось 73 года; в сентябре его правительство вынуждено было подать в отставку. Пора подводить итоги.

Настоящее имя этого человека Мухаммад Абдер Рауф эль-Кудва эль-Хусейни. Он утверждает, что родился в Иерусалиме, но это не так: его родина – предместье Каира, а в Иерусалиме жил его дядя, муфтий Амин эль-Хусейни; во время Второй мировой войны он выступал за союз арабов с гитлеровской Германией и за джихад против англичан. Очевидно, дядя сильно повлиял на юного Арафата, который в 19 лет вступил в фундаменталистскую арабскую организацию «Мусульманские братья».

В 1956-м году Арафат закончил строительный факультет Каирского университета и обучение в террористическом лагере; у него был выбор: обеспеченная жизнь инженера или полная опасностей деятельность террориста. Некоторое время Арафат совмещал то и другое: работал в Кувейте в строительной компании и активно участвовал в создании диверсионной группы «Эль-Фатх»; став её лидером, он оставил работу инженера: его больше привлекала общественная деятельность, и не созидательная, а разрушительная.

Имя Ясир означает «легкий». Он и в самом деле с необыкновенной быстротой и легкостью, как смерч, перемещался из страны в страну и действовал, не обращая никакого внимания на местную власть. В 1967-м году, после Шестидневной войны, Арафат со своими отрядами появился в Иордании. Сюда стали прибывать угнанные им самолеты европейских авиакомпаний; с территории страны совершались набеги на Израиль; в Амман, как к себе домой, съезжались нужные Арафату люди со всего света.

В 1970 г. Арафат поднял путч против короля Хуссейна; в сентябре того же года иорданская армия разбила его отряды и выгнала их за пределы страны. В память об этом событии была создана террористическая организация "Черный сентябрь", на счету которой, в частности, убийство израильских спортсменов на Мюнхенской олимпиаде в 1972 г.

Изгнанные из Иордании боевики осели в Ливане, где

история повторилась: за считанные годы мирная и благополучная страна превратилась в ад; началась гражданская война, палестинцы Арафата воевали с правительственной армией и были вытеснены на юг Ливана, к израильской границе; бесконечные налеты на северные еврейские поселения вынудили Израиль принять свои меры; в конце концов Арафат бежал в Тунис, а его люди – в разные исламские страны.

В 1993 г. после подписания договоренностей в Осло, Арафат разместился в Газе и на Западном берегу реки Иордан – здесь была создана палестинская автономия, основа будущего государства. Жители автономии работали, в основном, в Израиле; Арафат в качестве главы правительства должен был организовать экономическую и политическую жизнь территорий.

Но именно такая деятельность была не для него. Запущенная и бедноватая провинция стала в бешеном темпе превращаться в террористический лагерь. Деньги со всего мира, уставшего от палестино-израильского конфликта, потекли рекой. Началось неслыханное воровство и такая коррупция, что даже левая европейская пресса забила тревогу. Автономия имела право на легко вооруженную полицию в количестве 20 тысяч человек. Арафат набрал 50 тысяч; они ездят на украденных в Израиле автомашинах и вооружены пулеметами, гранатами, автоматами Калашникова. Параллельно были созданы и другие вооруженные группировки, спецслужбы и «гражданские» формирования армейского типа – всего более 150 тысяч человек.

Полностью реформировалась вся жизнь территорий. Средства массовой информации начали работать только на Арафата и против Израиля; критика властей абсолютно невозможна. В системе воспитания и образования, начиная с детского сада, главной темой стал антисемитизм. В прошлом году на Рождество семилетняя палестинка на вопрос, чего она хотела бы в Новом году, ответила: убить всех евреев! Кукла в наряде террористки-самоубийцы сделана тоже здесь. О террористических актах в Израиле можно не вспоминать – они известны.

Безработица в автономии достигла 32%: отношения с Израилем испорчены, а своих рабочих мест нет, об этом Арафат не заботится. Весь народ борется – за что?

Два года тому назад израильский премьер-министр Барак, под давлением правительства Клинтона и левых сил внутри Израиля, согласился выполнить все требования Арафата, кроме одного: вернуть в Израиль три миллиона арабских "беженцев". В ответ Арафат поднял восстание – «вторую интифаду».

В этом году Совет Безопасности ООН, президент США Буш и Совет Европы неоднократно предлагали Арафату создать Палестинское государство, прекратить террор и начать переговоры с Израилем. Арафат снова, как в молодости, должен был выбирать: мирную созидательную деятельность или ставшую привычной жизнь террориста. Он предпочел второе.

Как это ни странно, но весь мир уже более сорока лет считает Арафата борцом за палестинское государство, в то время как вся его биография свидетельствует об обратном.

Арафат ни в коем случае не хочет создания Палестинского государства; его единственное желание – иметь территорию (неважно, где: в Иордании, в Ливане или на занятых Израилем землях), на которой он может разместить обширный и подчиненный одному ему лагерь террористов. И воевать. Мирное строительство ему не по силам, да и поздно переучиваться.

То же диктует ему и тщеславие. Долгие годы он был на виду только потому, что от него зависел покой в регионе. В качестве главы тихого палестинского государства он мало кому будет интересен и не сможет конкурировать с лидерами Египета, Ирана или Саудовской Аравии.

В Палестинской автономии имеется, надо думать, достаточно людей, сохранивших трезвость мысли даже в безумной атмосфере арафатовского правления. Правительство «раиса» (президента) ушло в отставку, очередные выборы назначены на 20-е января следующего года. Со стороны Арафата это – очередной маневр; со стороны его министров – начало борьбы за возвращение к нормальной жизни. Будем надеяться!

Ася Левина.
16 сентября 2002

**"Русская Германия" №38/326
за 23 – 29 сентября 2002 года**

КРИЗИС НА КРИЗИСЕ

Предвыборная кампания в Германии прошла под знаком внешней политики, потому что внутренних проблем слишком много и решать их некому. Выборы продемонстрировали не только неуверенность власти в своих действиях, но и неуверенность народа в своих политиках.

Тон задал канцлер Шредер, открыв предвыборную кампанию темой Ирака и пообещав, что при нем Германия воевать не будет ни при каких обстоятельствах – даже если Совет Безопасности ООН поддержит президента Буша. Он не оправдывал Саддама Хусейна, но своей позицией развязывал ему руки: мол, делай, что хочешь, мы не вмешаемся.

Американские намерения Шредер назвал «авантюрой», добавив загадочную фразу о том, что желает сохранить традиционно дружеские отношения с заокеанской державой. Йошка Фишер горячо поддержал своего патрона, заявив в Нью-Йорке, что позиция правительства по Ираку принципиальна и никак не связана с имеющими быть выборами. Разумеется, ему никто не поверил.

Новая политическая линия привлекла на сторону правительства разнообразную публику: крайне левых, пацифистов, преданных мусульман, антисемитов и антиамерикански настроенных граждан Германии.

Ситуация внутри страны неожиданно вышла из-под контроля; в атмосфере разрешенного антиамериканизма стал возможен инцидент с министром юстиции Германии Хертой Дойблер-Гмелин, заявившей, что американский президент затевает войну с Ираком для того, чтобы отвлечь внимание американцев от внутренних проблем, и что именно так поступал Адольф Гитлер – выступление, продиктованное эмоциями, которым в нормальной обстановке сдержанная и разумная дама никогда бы не дала воли.

Мутная волна вынесла из-за кулис темную фигуру политика и предпринимателя, вице-председателя Партии свободных демократов (FDP) и председателя Общества немецко-арабской дружбы Юргена Меллемана; он продолжил свою любимую тему – нападки на Израиль.

Предвыборная кампания в Германии превратилась в крикливый безалаберный марафон; впереди всех неся сам канцлер, демонстрируя безудержное желание сохранить свой

пост любой ценой: обещаниями, скандалами, разрушением внешнеполитических связей и внутренней стабильности, а потом – хоть потоп!

Потоп и был, в самом конце первой каденции Шредера и в начале предвыборной кампании. В старые времена жрецы истолковали бы его как предостережение свыше – не выбирать Герхарда Шредера! Но в наше время действуют иные стереотипы.

Его противник, премьер-министр Баварии Эдмунд Штойбер, не поддавшись всеобщей истерике, сохранял приличный тон и трезвость мысли. Он говорил о делах насущных: о необходимости экономических реформ, о проблемах безопасности, о международных обязательствах и новой ситуации в мире, исключая бездумный пацифизм. Его политические идеи подкреплялись ситуацией в Баварии, вполне благополучной по сравнению с другими немецкими землями. Почему же его не выбрали?

Потому, что если в спокойные времена любой стране достаточно хорошего хозяина, то в кризисные – ей нужен лидер, обладающий смелостью и умом. Но именно смелости Эдмунду Штойберу и не хватает, так же как, впрочем, и его противнику, которого даже нельзя назвать победителем, настолько незначителен был перевес голосов в его пользу.

Германская экономика, здравоохранение, система образования, демографическая политика, внутренняя безопасность – все требует реформ. Даже гордость страны – система социальной защиты – трещит по всем швам.

Забавно было наблюдать вновь избранного шведского премьер-министра, приехавшего в Германию поддержать канцлера Шредера: он особенно напирал на социальную защиту, которой будто бы компенсируются высокие налоги. А мне припомнился случай с кинорежиссером Ингмаром Бергманом, который покинул Швецию, когда налоги, взимаемые с него, составили 112 процентов от его доходов!

Решиться на серьезные реформы в сегодняшней ситуации означает отказаться в определенной степени от идеологических табу. Для социал-демократов это – двинуться в сторону свободного предпринимательства и ограничения системы социальной защиты, иначе армия безработных и социально защищенных превысит в конце концов

количество работающих граждан. В результате незащищенными окажутся все. Сюда же примыкает и пересмотр иммиграционной политики, которая учитывала бы в первую очередь реальные нужды государства, а не одни общегуманистические принципы. Это означало бы изменение идеологии, сложившейся в послевоенные годы и объявленной вечной и лучшей на все времена. Но если времена меняются, а господствующая идеология – нет, наступает кризис.

То же самое наблюдается и в противоположном лагере. И там идеология, но – консервативная и частично националистическая, затормозит реформы, если христианские демократы и ЦСУ придут когда-нибудь к власти с традиционным набором своих идеологических догм.

Требуется лидер, который не побоялся бы изменить подход к идеологии, сделал бы ее рабочим инструментом, способным к совершенствованию, а не своего рода религией, как это имело место до сих пор; требуется партия здравого смысла и элементарной порядочности. Возможно, в будущем Германия начнёт выбирать канцлера вне связи с его партийной принадлежностью.

Результаты выборов свидетельствуют в пользу этих соображений. Канцлера Шредера и кандидата в канцлеры Штойбера поддержало одинаковое количество избирателей, что говорит не о поляризации в обществе, а, скорее, об отсутствии приемлемого варианта: оба кандидата не соответствуют желаниям избирателей. Кризис власти в сочетании с экономическим кризисом – явление опасное и чреватое непредсказуемыми последствиями.

Ася Левина.
23 сентября 2002

**"Русская Германия" №39/327
за 30 сент. – 6 окт. 2002 года**

«ЗЕЛЕННЫЕ» БРАТЯ

Последние выборы стали триумфом партии «Зелёных»; благодаря им социал-демократы получили большинство в парламенте Германии.

На экране телевизора лидеров этой партии узнать нетрудно – они похожи на постаревших подростков; некоторая детскость в выражении их лиц настораживает, но и вызывает симпатию.

Успех этой сравнительно небольшой и совсем молодой партии объясняется, в частности, непопулярностью Шредера и Штойбера – лидеров двух крупнейших конкурирующих партий Германии, имеющих сходные центристские программы. В такой ситуации выбирать тяжело и даже скучно, и многие проголосовали за «зеленых», потому что у них привлекательные идеи и симпатичный лидер.

События последних лет благоприятствуют «зеленым»: то «коровье бешенство» потрясло Европу, то все искали радиоактивные вещества, содержащиеся будто бы в боеприпасах натовских войск, – история, напоминающая чем-то кочующие из века в век разговоры об «отравителях колодецев»; а перед выборами случился потоп, в полном соответствии с пословицей «не было бы счастья, да несчастье помогло» – «зеленые» преподнесли его как доказательство срочной необходимости новой экологической политики.

Идеология «зеленых» существовала всегда и в общем виде отразилась в крылатой фразе «Назад, в пещеры!», выражающей протест против новшеств и присущий людям сентимент к прошлому.

Для многих «зеленые» -- борцы за чистый воздух, хороший климат и мирную жизнь, и эти лозунги действительно присутствуют в их программе. На их плакатах хорошо бы нарисовать голубую корову Милку на альпийском лугу и с колокольчиком на шее. Но с одними такими идеями в политику не пойдешь, надо что-то повесомее. И оно у партии «зеленых» есть.

«Зеленое» руководство имеет в своем прошлом опыт активной политической борьбы с существующим порядком вещей. Взять хотя бы таких известных и уважаемых людей, как министр иностранных дел Йошка Фишер, министр внутренних дел Отто Шилли, бывший член этой же партии, или

депутат европарламента и лидер французских «зеленых» Даниель Кон-Бендит – все они прошли через увлечение марксизмом и революционную деятельность; через левацкие тусовки и уличные стычки так называемой «студенческой революции» 60-х – 70-х годов; их друзьями и соратниками были террористы, группировавшиеся вокруг известного Ильича Рамиреса Санчеса по кличке Карлос, отбывающего сейчас пожизненное заключение во французской тюрьме.

Два года тому назад прошлое своего министра иностранных дел обсуждала вся Германия; 1968-й год запомнился многим – и по обе стороны «железного занавеса»: Западная Европа помнит, в основном, дикие уличные бунты, а мы – Пражскую весну и советскую интервенцию в Чехословакию. Здесь боролись за коммунизм, там – за свободу, и происходило это одновременно, и только сейчас это кажется не случайным.

За годы, прошедшие с тех пор, «зеленые» изменились, но остались типично левыми с их манией немедленно осчастливить человечество. Секрет счастья на этот раз состоит в отказе от атомных станций и от езды на машинах; в том, чтобы жить в ладу с природой, не нарушая ее законов. Следует также отказаться от насилия, хотя в природе насилие – абсолютная норма.

Нетрудно увидеть в учении «зеленых» знакомую схему: какая разница, почему люди несчастны: от того, что экономика развивается неправильно и виноваты капиталисты, или от того, что этнически общество построено неправильно и виноваты евреи, или от того, что наука и техника развиваются неправильно и виноваты... кто? владельцы автомобилей? ученые-атомщики?

Нет, бить «зеленые» никого не призывают, совсем наоборот, они исповедуют пацифизм. Но пацифизм, как всякая крайность, может сходиться с воинственностью – по принципу: «будем бороться за мир, пока камня на камне не останется».

В качестве левых «зеленые» питают симпатию к братьям по духу, например, к ливийскому диктатору Каддафи, которого они считают «настоящим европейским социал-демократом». В одной из передач тележурнала «Факт» сообщалось о регулярных визитах видной «зеленой» дамы Анджелики Беер к восточному владыке. Она настаивала на

том, что навестила коллегу всего один раз, но продемонстрированные зрителям документы засвидетельствовали обратное. Да и Йошка Фишер в молодые годы ездил с делегацией на съезд палестинцев и голосовал за уничтожение Израиля.

Несмотря на демонстративный отказ от насилия, «зелёные» – не христиане, они атеисты и считают, что человек имеет право сам решать, что в обществе нужно изменить, а что нет. Позиция тоже знакомая исторажаивающая. Они уверены в своей способности организовать общественную жизнь так, чтобы стало возможным отменять и стихийные бедствия, стоит лишь сократить количество машин и закрыть атомные станции; хотя и при царе Горохе, когда ни о каких машинах не слыхивали, а передвигались исключительно на ишаках и верблюдах, потоп был еще почище. «Зеленые» действовали и тогда: старый Ной, например, построил ковчег и собрал в него «всякой твари по паре», чтобы сохранить фауну земли.

Сейчас «зеленые» на взлете. Они уже пятый год делят власть с социал-демократами и, похоже, не готовы расстаться со своими креслами. Для сохранения позиций они идут на жертвы: например, откликнулись на призыв своего шефа Йошки Фишера и не протестовали против двух последних войн – в Косово и в Афганистане. Их сегодняшняя практическая деятельность бесконечно далека от революционной патетики 30-летней давности. Но в их программных документах все еще присутствуют невнятные фразы об экономическом неравенстве как причине всех войн и революций, о необходимости народного самоуправления и гражданского неповиновения – отголоски былых увлечений теориями Карла Маркса и новейших левых философов.

Жизнь по-разному сложилась у этих людей, требовавших от нее невозможного: одни сидят в тюрьме, другие – в министерских креслах. Лидер «зеленых» Йошка Фишер ознаменовал свое вступление в должность весьма красноречивым заявлением: «Внешняя политика, -- сказал он, -- не может быть «зеленой», она должна быть германской!». Это обнадеживает.

Ася Левина

**"Русская Германия" №40/328
за 7 – 13 октября 2002 года**

ДВУЛИКИЙ ЮРГЕН

Вот уже более полугода имя Юргена Мёллемана не сходит со страниц газет и журналов; он заработал себе репутацию скандального политика бескомпромиссной критикой Израиля, которая единодушно расценивается его противниками как антисемитизм.

И не только противниками, но и сторонниками: только одни его осуждают, а другие – одобряют.

Многие высказывают удивление непримиримостью Мёллемана в этом вопросе и ищут причину в его политической деятельности, в желании популистскими приёмами повысить рейтинг партии Свободных демократов; будь Мёллеман только политиком, такой подход казался бы правильным. Но он не только политик, он еще общественный деятель и бизнесмен, и не учитывать этого было бы ошибочно.

Мёллемана-политика все знают как человека, любящего удивлять и эпатировать общество, грубо шутить и держаться агрессивно и наступательно. Когда его стали обвинять в антисемитизме, он заявил, что его противники наделали в штаны и теперь им все кажется черно-коричневым. Когда его принудили уйти с поста вице-председателя партии, он сказал, что его противники еще пожалеют об этом – не то угроза, не то бахвальство.

Но существует еще Мёллеман-бизнесмен, и трудно поверить, что это один и тот же человек. Насколько политик речист и громогласен, настолько бизнесмен тих, незаметен и молчалив.

Его бизнес – фирма в Дюссельдорфе – формально, занимается консультациями немецких и зарубежных клиентов при составлении проектов строительства аэропортов и прокладки трубопроводов. Его клиенты за рубежом – Сирия, Ливия, Палестинская автономия, Дальний восток и страны СНГ; он уверяет, что на Ближний Восток приходится только четверть его заказов; чем он торгует, точно не известно, но он утверждает, что не оружием. Обозреватели сходятся на том, что дела Мёллемана абсолютно закрыты для окружающих, и только иногда просачивается некоторая туманная информация. Так, известно, например, что у него хорошие дружеские связи в арабском мире; что, открыв в 1994 году

свою фирму, Мёллеман взял в качестве доверенного лица некоего Клауса Геердтса; мотивировал он свой выбор тем, что Геердтс будто бы очень хорошо знал язык, только непонятно, какой: немецкий? английский? арабский? Перед приходом в фирму Мёллемана Геердтс был военным атташе немецкого посольства в Саудовской Аравии, находился в близких отношениях с королевской семьей и в 1990-м году вел переговоры о возможных поставках в Риад немецкой военной техники, в частности, бронемашин типа «Fuchs» – заказ, вначале Бонном не утвержденный.

В 1991-м году Юрген Мёллеман стал министром экономики ФРГ, и вскоре Германия неожиданно одобрила поставку 36 бронемашин этого типа в Саудовскую Аравию. Вдохновленный успехом, Мёллеман обратился с секретным письмом к тогдашнему министру иностранных дел и члену своей партии Геншеру с предложением продолжить поставки оружия в кризисный регион.

В связи с операцией «Fuchs» всплывает имя еще одного предпринимателя, Рольфа Вегенера, имеющего бюро в Дюссельдорфе и проживающего в Монте Карло, – он заработал на этом деле гонорар в размере около 9 миллионов немецких марок. Дело о поставках «Фухсов» в Саудовскую Аравию до сегодняшнего дня до конца не расследовано; есть подозрение, что сделка связана с крупными взятками.

Впрочем, Мёллеман утверждает, что с господином Вегенером у него общих коммерческих интересов нет. Но знакомы они, как минимум, с середины 80-х годов, и есть информация, что они вместе вели дела на нефтяных предприятиях в Туркменистане. Известно также, что в 1994-м году Вегенер пожертвовал 300 тысяч немецких марок на нужды Партии свободных демократов.

Связана ли коммерческая деятельность Мёллемана с его политическими выступлениями? Пока доказать что-либо определенное трудно, так как Мёллеман в этом вопросе хранит гробовое молчание; о его бизнесе известно только то, что скрыть уже невозможно: все знают, например, что Мёллеман имеет привычку использовать служебное положение в личных целях – дважды это стоило ему карьеры: в середине 80-х годов он потерял должность министра по иностранным связям земли Северный Рейн-Вестфалия; в 1993 году – должность министра экономики ФРГ.

Общественная деятельность Юргена Мёллемана тоже окрашена совершенно определенно: он председатель общества германо-арабской дружбы, что вполне совпадает с его бизнесом на Ближнем Востоке и основным тезисом его политических выступлений: защитой палестинцев и оголтелой антиизраильской пропагандой. Понять его можно: видный политический деятель Германии, вице-председатель третьей по величине немецкой партии, он вполне может оплачивать ближневосточные заказы своей фирме пропалестинской кампанией в Германии. Это, конечно, не доказано, но предположение такое имеется как в самой партии Свободных демократов, так и в стане противников Мёллемана – красно-зеленой коалиции.

Тем более, что и политические его демарши кажутся все чаще подчиненными одной определенной цели: возбуждению антиизраильских и антисемитских настроений в обществе. Еще в 1995 году Мёллеман, лидер фракции Свободных демократов в парламенте земли Северный Рейн-Вестфалия и глава местной СвДП, настоял, чтобы в партию приняли Ямала Карсли, его друга и депутата, сирийца по происхождению, известного своими антисемитскими выступлениями. Не исключено, что идея предвыборной кампании партии, заявившей претензию на 18 процентов голосов, тоже исходила от Мёллемана по вполне понятным причинам: очередной опрос общественного мнения показал, что в Германии имеется от 18 до 20 процентов людей с антисемитскими настроениями. Почему бы их не подобрать?

За неделю до выборов Мёллеман, которого резко критиковали за его «убеждения» и сторонники, и противники, вдруг совершенно неожиданно вновь выступил с нападками на Израиль и его правительство, вызвав этим резкую реакцию со стороны своего шефа, председателя партии Вестервелле, не желавшего во время предвыборной кампании увеличивать негативный имидж партии. Есть мнение, что Вестервелле вёл нечестную игру; но Мёллеман играл свою роль честно и успех партии интересовал его явно меньше, чем успех бизнеса.

В последние дни тучи над Мёллеманом сгустились: Вестервелле возложил на него ответственность за провал партии на выборах и назначил на 8-е октября специальный

съезд по делу своего строптивного лидера. Тот, однако, сдаваться не собирался; его выступление с лозунгом «Юрген – бороться!», повторенным несколько раз, странно напоминало выступление Арафата, провозглашавшего с трибуны и с тем же жестом «Джихад! Джихад! Джихад», что означало также борьбу. Однако накануне съезда – в воскресенье – Мёллеман скоростижно заболел и съезд отложили.

Странное поведение политика Мёллемана, его никому не доступные коммерческие секреты привели к тому, что социал-демократы и «зеленые» хотели провести в качестве обязательных новые правила об открытости внеполитической, в частности, коммерческой, деятельности депутатов парламента. Но по неизвестным причинам этот билль так и не приняли.

Ася Левина.
7 октября 2002

"Русская Германия" №41/329
за 14 – 20 октября 2002 года

БЕЛАРУСЬ

Получив независимость с распадом СССР, Советская социалистическая республика Белоруссия превратилась в Республику Беларусь, самостоятельное государство. Быть самостоятельным тяжело, но приятно; многим бывшим российским колониям стремление к свободе помогает преодолевать трудности. Но Беларусь идет другим путем.

Этот путь наметился с первых дней существования РБ, подавляющее большинство населения которой не желало отделяться от России, потому что не считало себя отдельным народом. И даже более того: эти люди стеснялись своего белорусского происхождения, не знали и не желали знать свой язык и свою историю; налицо были все признаки «национального нигилизма». По-разному можно оценивать это явление, но не учитывать его в реальной политике нельзя, потому что сразу возник вопрос «кем быть?»: русской страной? белорусской? или пусть граждане сами определяют свою культурную ориентацию, а правительство занимается вопросами экономики, внешней политики и внутренней безопасности, а главное, укреплением суверенитета? Возможно, такое решение и было бы оптимальным.

Однако давление со стороны националистически настроенной оппозиции вынудило белорусских лидеров принимать непопулярные законы: белорусский язык стал государственным, а националистическая пропаганда – надрывной и безграничной; ситуацию усложнили естественные в переходный период экономические трудности; правительства менялись, недовольство росло, и наконец к власти пришел тот, кто сказал: «Я знаю, что надо делать!». Ему поверили. Это был председатель одного из белорусских совхозов, нынешний президент Александр Лукашенко – за него проголосовало в 1994 году 75 процентов избирателей.

С его приходом белорусская политика изменилась: как и большинство народа, он тянется к Москве; в качестве главы государства он стремится вести вроде бы независимую политическую линию; как человек, не имеющий опыта в управлении государством и боящийся потерять должность, он ведет себя на манер лидеров стран третьего мира: стремится укрепить свою личную власть и подавить оппозицию.

Первой заботой президента стали внутренние разборки: судят и сажают в тюрьмы неугодных журналистов; некоторые из них исчезают; принят закон об оскорблении государственных лиц; в настоящее время идет суд над адвокатом Юрием Аксёничком, его обвиняют в клевете на Генерального прокурора Республики, которого адвокат считает ответственным за исчезновение в 2000м году оператора ОРТ Дмитрия Завадского. Председатель Комитета госконтроля выиграл недавно суд у независимой газеты «Наша свобода» – он обвинил ее в подрыве своей деловой репутации. Моральный ущерб позволил оштрафовать газету на такую сумму, что она закрылась. Преследуемые и запрещенные писатели, такие как Василь Быков и Светлана Алексиевич, вынуждены были покинуть страну.

Экономические реформы практически не проводятся, а если и намечается приватизация каких-либо предприятий, она тщательно скрывается от общественности; профсоюзы также попали в разряд подозрительных организаций. В общем, под следствием сейчас находится более 700 человек.

Белорусская ситуация оценивается западными странами однозначно: Республика Беларусь даже не принята в Совет Европы, в который входят представители всех 44-х государств континента; в 1997-м году она потеряла статус специального приглашенного гостя в этой организации – позицию более чем скромную; в этом году сессия Парламентской Ассамблеи Европы закончила свою работу принятием резолюции о положении в Беларуси: какой-либо официальный статус при Совете Европы ей в ближайшем будущем не светит. Беларусь стала «государством-изгоем».

В ответ внутри страны иницируются антизападные акции: в августе этого года МИД Беларуси потребовал от посольства США в республике разъяснений насчет финансирования оппозиционных СМИ. Речь идет о газете «Свободные новости»; сам президент выступает с заявлениями о том, что вся белорусская оппозиция служит Западу и что их выступления – заказные провокации. Лукашенко подписал также мстительный указ о закрытии шести ресторанов «McDonald's» и предложил создать национальные закусовые, что естественно: антизападные настроения с легкостью необычайной перерастают в национализм.

Потерю престижа на международной арене белорусский президент пытается компенсировать укреплением культа своей особы внутри страны: в его деревне создается музей Александра Лукашенко; сам он иногда выступает в костюме генералиссимуса; все чаще звучат фразы типа «я сам проконтролирую» – уборочную кампанию, или издание школьных учебников, или выпуск нового фильма; он играет в хоккей – этаким супермен и отец народа.

Отвергнутый Западом, Лукашенко ищет партнеров среди себе подобных. Приглашен в гости генсек Вьетнамской компартии; побывала в Минске делегация во главе с председателем Высшего Совета обороны Ливии – их принимали на высшем уровне: президент, премьер и секретарь Совета безопасности Беларуси. Независимых журналистов на встречу не допустили. По мнению оппозиции, наличие военных в делегации свидетельствует о том, что продавать Ливии будут оружие. Бывший замминистра иностранных дел Беларуси Андрей Санников считает, что руководство страны во всех отраслях, в том числе и военной, сотрудничает с такими странами как Ирак, Ливия, Иран и Сирия.

Что касается Ирака, то Беларусь уже несколько лет старательно протестует против западной, особенно, американской, антииракской политики. Еще в 1998-м году Лукашенко принимал вице-преьера, он же министр финансов, Ирака в своей резиденции. Было создано Общество белорусско-иракской дружбы – правда, речь, в основном, шла о торговых соглашениях.

Два года тому назад Белоруссия вместе с Украиной была заподозрена в поставках Ираку станций радарного слежения «Кольчуга»; Беларусь, возможно, готовила кадры иракских ракетчиков. Пока это расследовалось, Минск решил выручить соседское правительство: сообщается, что ночью 11-го октября три вагона с деталями радарных установок «Кольчуга» были ввезены из Беларуси в Украину и размещены на территории соответствующей военной части; в этот же день Украина должна была проинформировать США о том, что все украинские «Кольчуги» находятся на месте и ни в какой Ирак не вывозились. Если эта афера подтвердится, и Украине, и Беларуси грозят крупные неприятности.

Тот же хаос и неопределенность царят в отношениях Беларуси с Россией. С одной стороны, Лукашенко желает объединиться, с другой стороны, путинское ясное предложение войти в состав России на правах, скажем, Татарстана его не устраивает, и даже объединение по типу Евросоюза – тоже нет. Ходили слухи, что Лукашенко метит на должность Председателя Союза обеих стран, но этого ему не видать. Выбор у Александра Лукашенко все-таки есть: он может остаться президентом независимой Республики Беларусь и лучшим другом Саддама Хусейна и, при надлежащем ведении дел, продержаться довольно долго; он может и войти в состав России, получив гарантии от президента Путина ни при каких обстоятельствах не выдавать его Международному суду.

Кстати, более половины населения Беларуси одобряет полное включение в состав Российской федерации.

Ася Левина.
14 октября 2002

для "Русской Германии" №42/330
на 21 октября 2002 года
(не принята по теме)

30 ЛЕТ СПУСТЯ

После 11-го сентября прошлого года режим дня многих людей изменился: проснувшись утром, они сначала включали новости, и только удостоверившись, что земля еще вертится, принимались за обычные свои дела. Но время шло, ничего особенного не происходило, и постепенно возникла надежда на то, что ситуация как-нибудь стабилизируется. Последние события показали, что проблема терроризма не исчезла и проявиться может самым неожиданным образом.

Для понимания современных террористов интересно и поучительно взглянуть в события 30-тилетней давности, ибо «лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии».

В 60-70-х годах в Европе бушевала студенческая революция; молодые люди из достаточно обеспеченных семей объявили войну обществу – они считали его несправедливо устроенным и желали ввести советскую систему и марксистско-ленинскую идеологию; кроме того, они ненавидели Соединённые Штаты, требовали прекратить войну во Вьетнаме, поддерживали арабов против Израиля. Как в свое время российские большевики, они сбивались в банды и занимались террором. На территории Западной Германии действовало несколько таких банд; самая крупная из них – Фракция Красной Армии – известна под названием РАФ, Rote Armee Fraktion; руководил ею Андреас Баадер.

В группе Баадера было 20 человек; они грабили банки, устраивали взрывы, убивали всех неугодных и угоняли самолеты; некоторые из них живы до сих пор и, отсидев своё, стали вполне законопослушными гражданами.

Андреас Баадер и Ульрике Майнхоф покончили с собой в тюрьме, как и другие их соратники.

На кинокадрах и фотографиях того времени запечатлён вожак группы: симпатичный парень совсем не злодейского вида, наоборот: у него пухлые щеки и губы, большие глаза и выражение лица человека, которому некуда себя девать.

Он и в самом деле не знал, чем заняться; школы не кончил, работать не хотел, любил свежие рубашки и хорошую еду; возможно, это была поза, желание компенсировать отсутствие образования будто бы аристократическими

манерами. Марксистской идеологии, по утверждению его старых знакомых, он не знал и не чувствовал к ней никакого интереса. Что же он делал в этих кругах? Для него полубогемное-полуразбойничье существование было наиболее подходящим образом жизни; что до целей и лозунгов, то они его не занимали: какая разница, под чьими знаменами жить так, как хочется?! Его соратница Ульрике Майнхоф была журналисткой и пацифисткой, что не помешало ей активно заниматься террором – между провозглашаемыми лозунгами и реальными поступками прямая связь, по-видимому, необязательна.

Прогрессивная европейская общественность симпатизировала молодому террористу; Генрих Белль делал выговоры немецкой прессе за неадекватное освещение деятельности Баадера и его друзей; сам Сартр приезжал к нему в тюрьму и критиковал немецкие власти за негуманное отношение к узнику. Да и немецкая публика не скрывала своего позитивного отношения к бунтарям: опросы общественного мнения той поры показывают, что каждый пятый немец одобрял деятельность РАФ, а каждый десятый был готов приютить террориста на ночь, т.е. фактически – укрыть от властей. Один из друзей Баадера, пытаясь определить секрет его привлекательности, говорит, что молодой человек «был физическим воплощением радикальной идеи об иной жизни». Так оно и было, наверно, хотя слова «иная жизнь» можно понимать по-разному: для Андреаса Баадера они означали полную приключений и неожиданностей, своевольную жизнь бандита; возможность привлекать к себе внимание и нравиться женщинам; казаться значительной и загадочной личностью – и все это получить с легкостью, стоит только решительно выступить против существующего порядка вещей. Для сторонников РАФ, ведущих нормальный образ жизни, террористы являлись, по-видимому, романтическими героями, посмеявшимися нарушить рутину будничного скучного существования; следить за их деятельностью – всё равно что смотреть интересный приключенческий фильм с продолжением; чувства этих людей мгновенно сменились бы на противоположные, пострадай они сами во время взрыва.

Сейчас говорят о международной террористической организации как о новой форме борьбы против современного

западного общества – как будто в 60-70-х годах эти группы действовали изолированно друг от друга. Между тем, германские террористы солидаризировались с Ирландской республиканской армией, с Че Геварой и Фиделем Кастро, с палестинцами и исламскими фундаменталистами в Иране – в общем, компания, действующая на международной арене до сегодняшних дней.

К концу лета 1972-го года власти Германии получили наконец возможность расслабиться: почти все активисты РАФ или сидели в тюрьмах, или отказались от своего желания немедленно переделать мир. Но их сторонники в других странах не собирались складывать оружие: 5-го сентября, во время Олимпийских игр в Мюнхене, палестинские террористы захватили заложниками 11 членов израильской спортивной команды и потребовали взамен освободить из тюрем членов РАФ. Чем это закончилось, хорошо известно, но до сих пор не совсем понятно, какими соображениями и пристрастиями руководствовались тогда немецкие власти и полиция.

3-го марта 1973 года палестинские террористы казнили в Хартуме (Судан) двух американских дипломатов, взятых заложниками в посольстве США в Саудовской Аравии; угонщики требовали освободить Сирхана Сирхана, убийцу Боба Кеннеди, некоторых палестинцев из тюрем Иордании и – всех членов РАФ!

27-го июня 1975 года французский самолет, летевший в Тель-Авив, угнан в Энтеббе, Уганда, страну президента Иди Амина, диктатора и людоеда, принимаемого, впрочем, с большими почестями в Европе, особенно, в Елисейском дворце; руководил операцией знаменитый Карлос; среди его требований – освобождение членов РАФ.

Этих фактов достаточно для уяснения тесных контактов между тогдашними террористическими группировками во всем мире; они помогают также понять всю нелепость нынешних споров о том, связаны ли между собой современные исламские террористические организации разных стран и континентов. И тогда, и сегодня имеется достаточно людей, для которых наиболее предпочтительным занятием является война. Но господствующей идеологией постепенно становится пацифизм, и что же делать этим прирожденным

солдатам в мире, где войн становится все меньше? Только одно: устраивать самодеятельные войны, войны против общества, т.е. заниматься террором. И так же как разные государства заключают между собой союзы и пакты, террористические организации негласно объединяются, чтобы действовать эффективно и согласованно. Пацифизму они противопоставляют собственную идеологию: 30 лет назад это был марксизм, сегодня – ислам; тогда их использовала в своих целях коммунистическая империя; сегодня это делает мусульманский фундаментализм.

На громких процессах 70-х годов, посвященных банде Баадера–Майнгоф, для оправдания подсудимых их адвокаты – среди них был и Отто Шилли, нынешний министр внутренних дел Германии – стремились доказать, что террористы имели право на разбой, потому что выступали против нарушений прав человека Соединенными Штатами во Вьетнаме. Так была пущена в ход идея о существовании двух видов террора – хорошего и плохого, вполне успешно используемая для оправдания палестинских набегов на Израиль.

При желании можно извлечь некоторые уроки из истории. Тем более, что она имеет скверную привычку повторяться – и чаще всего как трагедия, а не как фарс.

Ася Левина.
21 октября 2002

"Русская Германия" №43/331
за 28 октября – 3 ноября 2002 года

ЗЕРКАЛО ЕВРОПЕЙСКИХ ЛЕВЫХ.

Рудольф Аугштайн, основатель и бессменный, на протяжении десятилетий, шеф-редактор гамбургского журнала "Дер Шпигель" ("Der Spiegel"), умер в начале ноября на 80-м году жизни. Умер не внезапно; тяжело болел, но до конца, уже полупарализованный, выступал в публичных дискуссиях на актуальные темы. Его журнал был одним из самых влиятельных в Германии и, судя по всему, полностью соответствовал натуре и убеждениям своего владельца, пристрастного, противоречивого и очень опытного профессионала.

Тираж «Шпигеля» составляет 600 тысяч экземпляров; темы освещаются разнообразные – от мод и любовных коллизий до научных открытий. Но какая бы тема ни обсуждалась на страницах журнала, она всегда теснейшим образом связывается с общественно-политическими проблемами; журнал считается «левым», так оно и есть, и непредсказуемость левого мышления, выплеснутая на страницы «Шпигеля», временами озадачивает читателей даже сходной с ним политической ориентации.

Пик популярности «Шпигеля» приходится на 1962 год. Канцлером Германии в то время был Конрад Аденауэр, представитель Христианско-демократической партии, а наиболее влиятельной фигурой в его правительстве – Франц-Йозеф Штраус, баварский лидер, по многим прогнозам – будущая звезда немецкой политики.

Первым условием популярности печатного издания в свободном мире является его антиправительственная настроенность; этим объясняется, в частности, тот факт, что во всех демократических странах пресса всегда совершенно беспардонно критикует правительство; для народа это – свидетельство ее независимости, для власти – постоянное напоминание о том, что она, власть, не единолична. И журнал «Шпигель» безбожно критиковал Аденауэра и, в особенности, Штрауса, откровенно «правого», талантливого политика, нечистого на руку, эмоционального человека, любимого народом, прощавшим ему все его грехи.

Штрауса Рудольф Аугштайн ненавидел бескомпромиссно, и тот отвечал ему взаимностью, называл заодно уже всех журналистов «крысами», «навозными жуками» и искал повода ударить по «Шпигелю» посильнее.

Случай вскоре представился: журнал опубликовал в своем очередном номере засекреченные данные о недостатках немецкой армии, выявившихся на очередных маневрах НАТО. Штраусу, занимавшему в то время пост министра обороны ФРГ, эта публикация была особенно неприятна, тем более, что Рудольф Аугштайн наотрез отказывался назвать источник информации. 26-го октября 1962 года в редакции журнала, а также в домах Аугштайна и четырех его сотрудников был произведен обыск, изъяты некоторые документы, а сам Аугштайн арестован и препровожден в тюрьму. Его обвинили в измене родине; он просидел в предварительном заключении 102 дня, и это были дни его наивысшего журналистского и политического успеха. Журнал не выходил всего 30 дней.

1962-й год – начало студенческой революции в Европе. В Германии особенно активным был Социалистический союз студентов; на улицы вышли тысячи молодых людей; они несли транспаранты с надписями "Смерть «Шпигеля» – это смерть свободы слова", портреты Аденауэра и Штрауса, украшенные свастиками, и, конечно, красные знамена с серпами и молотами в качестве символа свободной прессы. Чувствуя себя в роли защитников справедливости, они громили все, что попадалось под руку, в особенности, если попадались полицейские: ощущение своей безусловной правоты далеко не всегда способствует миролюбию.

Авторитет Аденауэра был подорван, Франц-Йозеф Штраус через несколько месяцев ушел в отставку; журнал «Шпигель» заработал себе репутацию самого престижного и смелого издания в Германии. Эта репутация сохранилась до сих пор; правда, в последние пару лет он делит ее с журналом «Фокус».

Вряд ли вся эта история не повлияла определенным образом на Рудольфа Аугштайна; возможно, она укрепила его приверженность рискованным шагам и темам, к нарушению всех и всяческих табу и – к прямым провокациям.

Поднятый на щит ультралевыми кругами, Аугштайн сохранил им верность на всю жизнь. Не так уж много надо, чтобы считаться сильно левым: надо исповедовать антиамериканизм, антисемитизм, который сегодня существует в форме антиизраильских выступлений, и выражать постоянную и горячую любовь к противникам Америки или Израиля:

когда-то – к Вьетнаму, сегодня – к палестинцам и Ираку. И будь Рудольф Аугштайн человеком простым и поверхностным, он бы так и поступал – и очень быстро превратил бы свой журнал во второразрядное издание.

Но Аугштайн понимал, что все хорошо в меру, а мера должна быть крутой, потому что смелость города берет – смелость не только высказывать самые резкие суждения, но и вовремя сменить пластинку и дать материал с противоположным подтекстом. «Кто действует так, как американцы в Афганистане, – писал он в одной из своих статей, – тот не подавляет террор, а только содействует его распространению. ЦРУ и Пентагон вновь недооценили противника. После распада СССР американские политики явно охвачены манией безоглядных действий».

В статье «Мировой жандарм» – естественно, о Соединенных Штатах, – вышедшей уже в этом году и касающейся Ирака и всей «оси зла», сказано, что «американский президент – это сумасшедший человек с бредовыми идеями, который проводит политику гонки вооружений»; нетрудно заметить, что на старости лет Аугштайн воспользовался лексикой своей «левой» молодости: словосочетание «гонка вооружений» сейчас уже подзабыто.

Эти бескомпромиссные высказывания совершенно не мешали Аугштайну печатать в своем журнале материалы, резко критикующие арабский мир, исламский фундаментализм и, конечно, афганских талибов. Логичным было бы, ввиду явной преступности афганского, например, режима солидаризироваться с Америкой, но Аугштайн в своей работе руководствовался не логикой; он стремился занять позицию, которая обеспечивала бы успех и максимальную свободу высказываний, т.е. возможность безжалостно критиковать всех, поскольку у всех есть промахи и недостатки. Особенно хороша эта позиция была тем, что под видом объективности позволяла дать волю своим действительным чувствам; главным требованием при этом оставался высокий профессионализм и аргументированность утверждений.

Таким образом, журнал «Шпигель» отвечал самым разным вкусам и убеждениям – и работающих в нем журналистов, и читателей; последнее обеспечивало коммерческий успех, а все вместе создавало Рудольфу Аугштайну реноме весьма успешного, хоть и циничного, предпринимателя.

И все же в его работе случился прокол, связанный именно с желанием найти самую выгодную и неуязвимую позицию, что по определению невозможно. Не только безудержный антиамериканизм разливался по страницам «Шпигеля», но и не знающие предела обвинения в адрес Израиля: даже намеки на ритуальное убийство детей. К статье о гибели палестинского мальчика в перестрелке прилагалась схема расположения палестинцев и израильтян, из которой следовало, что мальчик мог быть убит любой случайной пулей, но никак не специально. Это не помешало «Шпигелю» задать сакраментальный вопрос, не специально ли евреи убивают арабских детей, и высказать убеждение, что расследование по этому поводу в Израиле, конечно же, проведено не будет.

Вряд ли можно найти хоть один номер журнала «Шпигель» за последние несколько лет, в котором не велась бы односторонняя критика Израиля и не воспевался бы палестинский террор. Действуя в своей обычной манере, журнал критикует и палестинцев: публикует в одном из последних номеров обширный материал о тесных связях между немецкой марксистской бандой «Фракция Красной армии» (RAF), действовавшей в 70-е годы, и палестинскими террористами; а в другой статье, написанной лично Рудольфом Аугштайном, сравнивает Ариэля Шарона с Гитлером. Кстати, и самого Гитлера Аугштайн не обошел вниманием; еще в 70-м году в статье о Гитлере он писал, что «Гитлер был последним воплощением классического великого политика». С этим можно было бы и согласиться, если бы не одно маленькое обстоятельство: словосочетание «великий политик» звучит в любом языке со знаком «плюс», как одобрение, а не как порицание. Ничто не мешало Аугштайну написать «великий злодей»; в других номерах журнала можно найти и такое определение Гитлера.

Один из постоянных сотрудников «Шпигеля» Йоахим Фест в своей книге о Гитлере утверждал следующее:

«Феномен великого человека – всегда эстетического порядка: крайне редко его интересует моральный порядок».

Интересно, какую эстетику увидел г-н Фест в Голокосте? Журнал «Шпигель» при Рудольфе Аугштайне, видимо, также не интересовался моральным порядком. Не исключено, что именно таким образом покойный шеф-редактор выражал

свою претензию на величие и подпольную солидарность с фюрером. Он не проповедовал фашизм, наоборот, обрушился на него с яростью и негодованием; с такой же яростью все европейские левые ставят в один ряд и отвергают Гитлера, Сталина, Буша и Шарона, но приветствуют Маркса и Мао; они высказываются против террора, но признают Че Гевару и Арафата; выступают за мир и защищают Саддама Хусейна. И всегда они очень уверены в своей незыблемой правоте.

Журнал «Шпигель» («Зеркало») был при Рудольфе Аугштайне зеркалом европейских левых. Есть мнение, что таким он и останется.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №46/334
за 18 – 24 ноября 2002 года**

ВОЙНА ПОД ЗНАКОМ ПАЦИФИЗМА

Два месяца, прошедшие после выборов, не внесли разрядки в американо-германские отношения, но определили позиции сторон: США демонстрируют насмешливую снисходительность и недоверие, а Германия старается доказать свою расположенность к дружбе с заокеанским партнером. Заверяя всех и вся в неизменности своего отношения к Америке, канцлер Шредер как бы предлагает не принимать всерьез его предвыборный антиамериканский демарш – это, мол, только для сохранения места. По-человечески его можно понять; вся беда, однако, в том, что место это – не простое, а золотое, и от поведения занимающей его особы зависит многое, в том числе и репутация страны на международной арене.

Репутация эта, охватываемая формулой «при мне Германия воевать с Ираком не будет», оказалась подпорченной; возвращаясь из Вашингтона, куда он ездил наводить мосты, Йошка Фишер сказал: «Самое главное в этой поездке было то, что она вообще состоялась». Из этого следует, что в немецких правительственных кругах послевыборная эйфория сменилась унынием и готовностью к американскому гневу. Можно предположить, что президент Буш в результате стал относиться к канцлеру Шредеру как к человеку, которому в серьезных делах доверять нельзя. В этом смысле немецкой дипломатии на весь срок каденции Шредера нанесен непоправимый ущерб; речь идет не о Германии, трезвые американцы понимают, что роль Германии – влиятельной страны, члена Европейского Союза и НАТО – не изменилась.

Возможно, канцлер Шредер и переиграл бы иракскую пластинку, если бы его победа на выборах не была такой относительной и не продемонстрировала бы его зависимость от пацифистских и проарабских кругов внутри страны. В сложившейся ситуации правительство Германии вынуждено решать сложную задачу: сохранять пацифистскую платформу для внутреннего употребления и налаживать отношения с Америкой для сохранения роли Германии в мире.

Визит немецкого министра обороны Петера Штрука в Вашингтон подавался им самим и всем немецким правительством как полное восстановление дружбы с Америкой;

чем настойчивее звучали эти односторонние заверения, тем яснее становилась озабоченность Берлина реальным состоянием дел. С лица сурового, а la Бисмарк, Петера Штрука во все время его пребывания в Америке не сходила улыбка; видно было, что с непривычки у него уже скулы сводит, но долг превыше всего; несколько снисходительное поведение его американского коллеги Рамсфелда относилось не к самому Штруку, а к канцлеру, которого он представлял, и, возможно, к ситуации в целом: проявив неуместную независимость от США в иракском вопросе, Германия попала в гораздо большую, чем раньше, зависимость от Вашингтона и вынуждена теперь добиваться тех самых нормальных отношений, которые до выборов не подвергались сомнению.

Теперь их предстоит заслужить. За своё дружелюбие США заставят Германию заплатить и церемониться будут гораздо меньше, чем раньше, ибо раньше Германия была надежным партнером, а теперь она в роли провинившегося школьника. Американский представитель в НАТО Николас Барнс уже высказался в том смысле, что Германия должна выделить больше денег на перевооружение своей армии; от нее требуют увеличить финансирование вооруженных сил НАТО – до 40 миллиардов евро, в то время как министр финансов Айхель и теперешние 24,4 миллиарда хотел бы еще сократить.

Кроме того, Америка ждет немецкой поддержки в вопросе расширения НАТО: не только приглашения в Северо-Атлантический союз семи новых членов из Восточной Европы (Румынии, Болгарии, Эстонии, Литвы, Латвии, Словении и Словакии), но и в вопросе о привлечении в Союз некоторых бывших советских республик – от Кавказа до Узбекистана. Цели президента Буша определяются его борьбой с терроризмом: чем больше государств будет в НАТО, тем меньше их останется с бен Ладеном. Все идет к тому, что член НАТО Германия всё-таки должна будет воевать – правда, не обязательно при канцлере Шредере. Сегодняшний Берлин выражает по поводу этих планов некоторый, не очень решительный, скептицизм.

Силы НАТО тоже планируется модернизировать, чтобы можно было их быстро и легко перебрасывать в любую точку земного шара. Американцы явно освоили идею о необходимости длительной и серьезной борьбы с терроризмом,

в то время как Европа охвачена амбициозными размышлениями о собственном пути в этой борьбе, а Германия и вовсе пытается сочетать войну с пацифизмом. Чтобы лучше справиться с этой задачей, Йошка Фишер и Петер Штрук готовят новый закон под названием «Закон об участии парламента», который должен ограничить влияние бундесрата на принятие военных решений и дать в этих вопросах больше власти правительству. Немецкий парламент, кстати, уже, чтобы не осложнять отношения с США, отказался принимать специальную резолюцию в поддержку правительства по вопросу Ирака.

Будет война с Ираком или не будет, пока не ясно; немецкие танки и части радиологической, химической и бактериологической разведки находятся в Кувейте и, как сказал Штрук, останутся там при любом развитии событий, но лишь для охраны американских и кувейтских учреждений; количество немецких войск в Афганистане будет увеличено и их пребывание там продлено на год; все это происходит, по заверениям немецких политиков, в рамках международной антитеррористической операции, но не войны. Между тем, в современном мире война приняла форму терроризма и борьбы с ним, и Германия не может не участвовать в этих акциях хотя бы потому, что уклонение от важных дел чревато потерей влияния.

Внутри страны пацифистские и антиамерикански настроенные круги видят в политике канцлера миролюбие и – вызов Вашингтону. Впервые за все время после Второй мировой войны, считают они, Германия показала пример неподчинения, проявила самостоятельность и решимость отстаивать свой путь. При этом миролюбцев особенно уязвляет тот факт, что сильнейшая в мире страна – Америка и что все решает именно она. Трудно сказать, что привлекает их больше – пацифизм или стремление щелкнуть по носу сильного; иными словами, чего у них больше в душе – миролюбия или агрессивности? желанья жить в дружбе или конкурировать с Америкой? Сторонники канцлера Шредера склонны даже видеть в нем защитника европейских интересов в соперничестве с Соединенными Штатами; пацифизм оказывается идеологией, пограничной с национализмом и ревнивыми претензиями на командирское место. И пока канцлер Шредер вынужден заниматься не проблемой Ирака,

а налаживанием отношений с Америкой, в Германии, под знаком пацифизма напрягается национальное самолюбие и ищет выхода давнишняя обида на самих себя и на своё прошлое.

Мог ли канцлер Шредер предвидеть последствия своей предвыборной кампании? Не мог. Но должен был.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №47/335
за 25 ноября – 1 декабря 2002 г.**

ПАРА ГНЕДЫХ

Юрген Меллеман – в Германии человек известный, его фотографии уже почти 4 года не сходят со страниц печатных изданий и экранов телевидения. Перед выборами 1998-го года этот крепкий, напористый человек агитировал за свою Партию свободных демократов, опускаясь с парашютом прямо на площади городов; люди были в восторге. Партийные товарищи тоже радовались оригинальным выдумкам своего друга, радовались так сильно, что даже забыли поинтересоваться, откуда он брал деньги на такое довольно-таки дорогостоящее развлечение (по разным оценкам, от 50 тысяч евро до четверти миллиона. «Мы считали само собой разумеющимся, – говорит сейчас один из партийных активистов, – что Меллеман, конечно же, платил за эти прыжки из собственного кармана».

По правде говоря, доверие даже и к четырехлетней давности Юргену Меллеману не совсем понятно: все знают о его аферах, стоивших ему в середине 80-х годов должности министра по иностранным связям земли Северный Рейн-Вестфалия и в 93-м году – должности министра экономики ФРГ.

Эти аферы не помешали ему сделать карьеру в Партии свободных демократов и даже стать заместителем ее председателя. Правда, председатель этот, Гвидо Вестервелле, был тоже креатурой Меллемана.

Началась эта детективная история в мае 2000-го года, когда Юрген Меллеман на общегерманском съезде партии выступил с очередной инициативой: он потребовал от шефа Партии свободных либералов Вольфганга Герхардта уступить место адвокату доктору Гвидо Вестервелле. Тот вёл себя скромно и даже заявил, что сам он ничего против господина председателя не имеет и выступать против него не будет, это всё, мол, инициатива снизу. Через год Вестервелле стал председателем партии, признавшись, что всегда хотел этого, а Меллемана сделал своим заместителем, т.е. отблагодарил; схема их сотрудничества с тех пор не изменилась: неуёмный Меллеман изобретал способы повысить рейтинг партии, а тихий Вестервелле одобрительно улыбался и на критику в адрес своего друга и заместителя не реагировал. До поры до времени.

Партия свободных демократов всегда была небольшой, но весьма пристойной; в ней до сих пор состоят такие люди как граф Ламсдорф, Ханс-Дитрих Геншер и Клаус Кинкель; она была партией образованных и обеспеченных людей, стремившихся поднять материальный, образовательный и профессиональный уровень общества – именно эти цели намечены в ее программе. Стеснительный вундеркинд от политики Гвидо Вестервелле мечтал сделать ее всенародной, т.е. большой и влиятельной, а изыскать пути к достижению этой цели поручил Меллеману. Изобретательный заместитель, которого немецкая пресса считает наделённым «огромным криминальным потенциалом», обратился к старому и проверенному способу привлечения широких народных масс – к антисемитизму.

Первый гром грянул летом этого года, когда разразился скандал, вызванный нападками Меллемана на премьер-министра Израиля Шарона и на вице-президента Центрального Совета евреев Германии Мишеля Фридмана; известность Меллемана возросла, и он, казалось, радовался своей славе; Вестервелле его журил, но не отстранял; ведь именно Меллеман настоял на том, чтобы впервые в истории

Партия свободных демократов выставила своего председателя кандидатом на пост канцлера Германии; именно Юрген Меллеман разработал «Проект-18», имевший в виду достижение партией 18-ти процентов голосов на парламентских выборах 22-го сентября; именно Меллеман осуществил дерзкий план с антисемитскими листовками, предлагавшими избирателям выбор: Юрген, свой в доску, или – Шарон с Фридманом! Яснее не скажешь.

И все было так прекрасно и завлекательно, что опять никто не поинтересовался, откуда Меллеман взял деньги на изготовление и рассылку листовок. Их было 8,4 миллиона; запакованные в картонные ящики, они весили 3 тонны; с почтой о рассылке листовок договор был заключен 29 июля; 27-го августа Меллеман договорился об их печатании с владельцем типографии; 10 сентября в типографию привезли 33 тонны бумаги для изготовления листовок; 17-го сентября, за пять дней до выборов, их рассовали по почтовым ящикам земли Северный Рейн-Вестфалия. Обошлось это примерно в 1 миллион евро.

О том, что эта акция готовится, знали очень многие; Меллеман не таился, наоборот, рассказывал всем своим друзьям и знакомым, говорил об этом на собрании Немецко-арабского общества, председателем которого он является; друзья и знакомые, в свою очередь, тоже распространяли слухи о том, какую необыкновенную акцию готовит Партия свободных демократов; люди звонили в Центральное бюро партии; одна из немецких газет, „Leipziger Volkszeitung“, еще 9-го сентября сообщала, что Меллеман собирается провести выборы под девизом «я или Фридман» и готовит прорыв для партии; в Центр партии шли факсы с требованием остановить Меллемана, – в общем, шум был большой. И единственным человеком, который не знал ну абсолютно ничего, был председатель партии Гвидо Вестервелле.

Так он утверждает. Между тем, общественный интерес с понятной фигуры Меллемана перемещается к странноватому поведению Вестервелле и к вопросу о «черных» счетах партии. Вспоминают, что партия всегда жила не по средствам; что Вестервелле не мог не знать о планах своего помощника выпустить антисемитские листовки, потому что ему сообщали об этом письменно; что он должен был поинтересоваться вопросами финансирования акции и ещё

задолго до выборов потребовать у Меллемана прекратить свои скандальные выступления. В конце концов, Вестервелле признался, что знал о листовках, но только с 16-го сентября, когда, мол, было уже поздно, и что он «получил шок». Сотрудницы его бюро написали для прессы служебные объяснения: они, мол, конечно, факсы насчет Меллемана получали, но «ни устно, ни письменно» шефу о них не сообщали.

Через три месяца начнутся парламентские выборы в землях Гессен и Нижняя Саксония; в случае неуспеха партии карьера Вестервелле будет закончена.

Что касается Меллемана, то речь идет уже не о карьере, а о судебном расследовании. Его обвиняют в том, что он самовольно воспользовался партийными деньгами (а Вестервелле опять же ничего не знал!), уклонялся от уплаты налогов, подделывал подписи и вообще совершенно безудержно нарушал юридические и моральные нормы. По мере развития скандала он терял свои должности: заместителя председателя Партии свободных демократов, председателя ФДП в земле Северный Рейн-Вестфалия и главы фракции ФДП в земельном парламенте. Он лишен депутатского иммунитета, и будет исключен из партии, в которой состоит с 1970-го года, – об этом уже заявил Вестервелле, добавив, что Меллеман сможет покинуть партию добровольно. Только в обществе Немецко-арабской дружбы ему ничего не грозит.

Пока что он отсиживается в своем доме на Гран Канария, поправляет здоровье. Судя по обвинительному докюменту, он может получить три года тюрьмы. Если не открутится.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №48/336
за 2 – 8 декабря 2002 года**

ДЕМОКРАТИЯ И ТЕРРОР

Каждый день программа новостей приносит сообщения о несчастьях в разных местах нашей планеты; в общем-то, идет нормальная жизнь, и количество всякого рода аварий и катастроф по сравнению с прежними годами если и увеличилось, то незначительно. В этом смысле мало что изменилось; изменились мы сами и наше восприятие событий: после 11-го сентября в нас больше страха и подозрительности, и мы не исключаем, что многие из аварий, взрывов или пожаров стали следствием террористических акций.

Террор, как эпидемия, распространяется по земле. Одни видят в нем возможность быстрого решения общественных проблем, другие личных. Иной человек с неустойчивой психикой в другое время, возможно, пришел бы домой и спокойно повесился – тоже не праздник для окружающих; а сейчас он приобретает оружие и стреляет в прохожих или совершает что-нибудь другое, столь же героическое. Такая теперь мода.

Ввели эту моду террористы; устами своего вождя бен Ладена они сформулировали третье на нашем веку идеологическое откровение: убивайте всех неверных, т.е. не мусульман; мы будем править миром, потому что так велел Аллах. Мусульман они тоже убивают: не согласных – как врагов, согласных – как святых мучеников, обязанных отдать жизнь за общее дело. И не слышно в их стане споров и разногласий, не мучаются они проблемами гуманизма и законности, и огромное большинство населения стран ислама с восторгом внимает их речам и подвигам.

Их вызов принят; можно сказать, что Третья мировая война уже началась и обеим сторонам ясно, за что они воюют: как сказал бен Ладен, его организация «Всемирный исламский фронт» воюет против христиан и иудеев; нам навязывают религиозную войну с ее фанатизмом, жестокостью, беспрекословным повиновением; правила ведения этой войны отработаны в веках, особенно, в средних. Запад защищает свободу и демократию – общественный уклад, сложившийся совсем недавно; и ему приходится сочетать законы свободного общества с войной, какой еще не бывало. Успехов на нашей стороне пока что не много.

Это и не удивительно. Наши противники готовились к войне давно и тайно; западные разведки знали об этом недостаточно и уж во всяком случае не подозревали масштабов готовящегося нападения. При расследовании событий 11-го сентября выяснилось, например, следующее: один из агентов ФБР, Уильямс, в июне 2001 года заметил, что сотни молодых арабов, подозреваемых в принадлежности к радикальным исламским группировкам, учатся в США в летних школах; выяснилось также, что они откровенно ненавидят Америку. Предложение Уильямса расследовать личности подозрительных курсантов его начальство игнорировало.

Не было также разрешено в свое время прослушивать телефон и проверять компьютерную картотеку другого террориста, Закариуса Муссауи; правда, его в конце концов арестовали, и в акции 11-го сентября он не участвовал.

Причиной этих и многих других ошибок в деятельности разведки и полиции является, чаще всего, необходимость соблюдать закон. Пока не доказано, что человек виноват, нельзя его задерживать; с другой стороны, доказать стопроцентно вину можно только тогда, когда преступление уже совершено, когда погибли и невинные люди, и сам преступник, поскольку в большинстве случаев используются камикадзе-самоубийцы. Как же быть? Вот первая задача, которая стоит перед западным обществом: разработать такую систему слежки за подозрительными людьми, при которой свобода личности никак не была бы ущемлена, но и не было бы попустительства преступникам. То есть предлагается не только вести войну, но и совершенствовать правосудие, в то время как чаще всего на время войны правила расследования и борьбы с преступностью упрощаются. Правительства многих западных стран все же ввели законы, позволяющие прослушивать телефоны и отслеживать компьютерную почту подозреваемых – при условии, что имеется достаточно улик, подтверждающих необходимость таких действий.

Правозащитные организации буквально глаз не спускают с правительственных инстанций; тем приходится вводить самоцензуру, иначе любой чиновник, самого высокого уровня, может разрушить свою карьеру; спасая ее, многие упускают преступников.

Разумеется, ничего похожего нет в террористических организациях: там господствуют совсем иные правила игры,

в которых человеческая жизнь ничего не стоит; на Западе же она – главная ценность. Террористы этим пользуются; указание бен Ладена (в его книге «Энциклопедия терроризма») – убивать любыми методами «максимальное количество людей» направлено на эту чувствительность Запада к человеческой жизни; таким образом можно посеять страх, панику и, как он пишет, «доказать всему миру, что армия джихада непобедима».

Нет у террористов и непокорной прессы. Сообщается, что задолго да 11 сентября ЦРУ разработало систему прослушивания спутниковой телефонной связи бен Ладена. Случайно об этом узнала пресса, а из газет – люди бен Ладена; они немедленно отключили связь и лишили американскую разведку главного источника информации. СМИ свободных стран ничего не скрывают, наоборот, для журналистов главное – раскопать информацию, и чем она секретнее, тем лучше. Чем обернется это для общества – думать не принято. В прошлом году в аэропорту Дубая (Объединенные Арабские эмираты) был задержан некий Джамель Бегхаль, обладатель двух паспортов – алжирского и французского. Он рассказал о парижской группе радикальных исламистов: они готовили нападение на американское посольство в столице Франции. Секретную информацию об этом деле узнала и напечатала газета «Монд», что заставило полицию немедленно арестовать тех террористов, за которыми планировалось наблюдать для выявления их сообщников. Газета не пострадала, ее даже не оштрафовали; не был поднят вопрос об ответственности прессы перед обществом.

Разумеется, в стане наших сегодняшних врагов существует полная секретность, и они знают о нас гораздо больше, чем мы о них. Террористы прекрасно осведомлены о всех передвижениях западных лидеров, но ни одна западная разведка представления не имеет о том, где находится бен Ладен и вообще, жив ли он. Это касается не только политиков; австралийцы считали спокойным и безопасным местом остров Бали, израильяне – Кению; те и другие ошибались. Сообщается, что за день до взрыва на Бали американская разведка предупредила Индонезию о возможной опасности, но Джакарта решила, что США просто хотят лишний раз опорочить ислам. Эта проблема – гласное или

негласное сотрудничество различных стран с террористами – только начинает возникать; нетрудно предположить, что реальность превосходит самые смелые ожидания. Уже известно, что с «Аль-Каидой» активно сотрудничает Иран; недавно иранские самолеты перевезли в Судан золото этой организации, вырученное за торговлю наркотиками. Иран же готовится активно участвовать в будущей войне Америки с Ираком, разумеется, на стороне Саддама Хусейна, но опосредствованно: через террористическую группу «Хизбалла», активно орудующую в Ливане.

Война с терроризмом осложнена для западных стран их стремлением соблюсти законность, что понятно: воюя за свободу и демократию, нельзя от свободы и демократии отказываться. Но как быть, если враг не сдается?

Ася Левина.

**"Русская Германия" №49/337
за 9 – 15 декабря 2002 года**

«ЖЕЛЕЗНАЯ ЛЕДИ» НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИКИ

Слабость нынешнего правительства Германии очень оживляет ситуацию в оппозиции; надежды на грядущую победу крепнут, борьба за лидерство обостряется, и вопрос: «кто у нас главный?» обсуждается вполне откровенно.

Вопрос не праздный: тот, кого союзные партии ХДС и ХСС изберут своим лидером, через четыре года, на очередных выборах, будет претендовать на должность канцлера Германии. Одна из наиболее вероятных кандидатур – Ангела Меркель, председатель партии Христианских демократов и глава фракции оппозиции в парламенте: полноватая женщина с незатейливой стрижкой и усталым лицом; ничего от лидера и любимицы масс; с виду – вроде советской служащей или провинциальной учительницы, замученной работой, проверками тетрадей и тяжелым бытом.

Она и хотела стать учительницей, причем, русского языка, но помешало социальное происхождение: ее отец был священником, жили они в ГДР, и дочери классово чуждого элемента власть не могла доверить преподавание языка метрополии. Родители о новых порядках говорили дома откровенно, иллюзий у Ангелы не было, большого выбора – тоже; она сделала то, что по канонам советского времени считалось беспроегрышным и престижным: выучила ядерную физику, защитила диссертацию и получила работу в институте физической химии Академии наук ГДР. А как только запахло свободой, она бросила науку и занялась политикой.

Скромная внешность Ангелы удачно камуфлировала сильный характер и развитый интеллект; жизнь в тоталитарном обществе приучила ее к скрытности, развила наблюдательность и умение разрешать безвыходные ситуации. В 1990-м году Ангела стала заместителем пресс-секретаря последнего премьера ГДР Лотара де Мезьера и вступила в ХДС, партию Гельмута Коля. Коль, мечтавший войти в историю в качестве объединителя всей Германии, с удовольствием принял молодую способную женщину с Востока; она стала для для него символом этого объединения; он называл ее «моя девочка» и сделал своим заместителем по партии; в его правительстве она занимала последовательно

должности министра по делам семьи и молодежи и министра по охране окружающей среды. Ближайший соратник Коля, Вольфганг Шойбле, считал ее самым интеллигентным человеком среди известных ему политиков; после падения кабинета Коля Шойбле стал шефом партии Христианско-демократический союз, а Ангелу Меркель сделал генеральным секретарем. Затем разразился скандал, связанный с «черными» кассами ХДС; главным виновником считался Гельмут Коль, но и Шойбле, и вся партия оказались в невыгодном положении; никто не знал, как быть. В разгар дебатов в газете «Frankfurter Allgemeine» появилась статья, автор которой предлагал партии «освободиться» от Коля, отрешиться от него и двигаться дальше, не оглядываясь: партия не должна брать на себя ответственность за грехи одного из своих членов, пусть даже и главного. Автором статьи была фрау Меркель; многие понимали, что для спасения ситуации следует пожертвовать старыми иконами, но ни у кого не доставало мужества произнести это вслух. Тихая Ангела оказалась человеком, свободным от всяческих табу, в том числе и моральных. Оба ее благодетеля – Коль и Шойбле – выбыли из игры; место председателя партии совершенно спокойно заняла она сама.

В принципе, она готова была на последних выборах выставить свою кандидатуру на должность канцлера ФРГ, но партийные лидеры посчитали, что у баварского премьера Эдмунда Штойбера шансов на победу больше: она, во-первых, женщина, да еще с востока; по образованию – физик, а не юрист или историк, как это желательно для политика; опыта в управлении государством, хотя бы на земельном уровне, у нее нет. Ангела согласилась и свою кандидатуру на должность канцлера отвела – за известную компенсацию, конечно: возместить ущерб должно было место главы фракции ХДС в парламенте страны; оно было, правда, занято, но разве это проблема? занимавший его Фридрих Мерц так быстро вылетел из своего кресла, что даже заболел от неожиданности.

Сегодня Ангела Меркель – самая могущественная женщина в истории ФРГ. На следующих выборах, в 2006 году, она будет баллотироваться в канцлеры и, если выиграет, станет первой женщиной – канцлером Германии. Ее быстрый подъем и умение манипулировать людьми настораживают

окружающих; каждый из видных партийцев чувствует себя ее потенциальной жертвой, но никто из них пока не смог помешать Ангеле в реализации ее планов. При встречах одни клцают каблуками и целуют ей ручку; другие, например, ее главный соперник, премьер-министр земли Гессен Роланд Кох, никогда не упоминают даже ее имени, особенно, к ночи; они крайне осторожны и ждут. Чего? Промахов с ее стороны, и она это знает.

Между тем, промахов у нее пока нет; не потому что она так уж хитра: хитростью заменяют ум, когда его нехватает. Ангела Меркель пожаловаться на недостачу ума не может, зачем же ей хитрить? Она работает, как хирург, смело взрезающий нарывы и точно знающий, когда и как это нужно сделать; ее считают бездушной; она старается успокоить обиженных: переставляя их с места на место в желательном ей порядке, бросает им «мозговые косточки»: одному просторный кабинет – больше, чем у нее самой; другому, например, тому же Фридриху Мерцу, – должность своего заместителя, чтобы не только не обижался, но и был ей благодарен...

В партии она одинока; выступать перед журналистами не любит, и никто не может с уверенностью сказать, кого она приблизит, а кого оттолкнет, когда станет канцлером. В одном из редких интервью ("Der Spiegel" №51, 16.12.02) она совершенно откровенно ответила на вопрос о том, «кто в ХДС/ХСС №1?»: «В качестве председателя партии Христианских демократов, – сказала она, – и главы фракции оппозиции в парламенте, лидером №1 являюсь я».

В Германии наблюдается кризис власти. Необходимо провести реформы чуть ли не во всех областях жизни страны; инициатором реформ может быть только лидер, выдвинутый одной из партий на должность канцлера; но чтобы стать лидером, надо чтить дух и традиции партии и не вводить новаций. Получается заколдованный круг; прорвать его может только очень умный и решительный человек, умеющий подчинить себе партийную верхушку. Не исключено, что эту роль судьба отвела именно Ангеле Меркель, «железной леди» немецкой политики.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №02/341
за 9 – 15 января 2003 года**

ВОЙНА ЗА НЕФТЬ

Пропагандистская кампания против войны в Ираке набирает силу; все больше людей марширует по улицам под лозунгами «Остановить войну!», «Не проливать кровь за нефть!» или даже «Буш – террорист!», и руководствуются эти люди не одним только миролюбием: за благочестивыми формулировками четко просматривается антиамериканизм, а человеколюбие отлично уживается с ненавистью. Никто в Европе не оправдывает Саддама Хусейна, наоборот, опросы общественного мнения показывают, что Ирак остается для европейцев самой нелюбимой страной. И тем не менее общественное мнение в этом вопросе помогает Ираку: если удастся предотвратить войну, диктатор останется на троне.

Канцлер Шредер, возглавляющий эту кампанию, постоянно призывает решить иракскую проблему мирными средствами и действует очень энергично, но не против Ирака, а против Америки. Он договорился с Францией, созвонился с Путиным, направил Йошку Фишера на Ближний Восток – все с одной целью: сколотить антиамериканскую коалицию, изолировать президента Буша, ослабить его позиции и, как следствие, уберечь от беды Саддама Хусейна. О каких либо санкциях против Ирака речь не идет. Немецкие средства массовой информации поддерживают Шредера; клеймо агрессора на статуе Свободы всех устраивает; фраза «они воюют за нефть!» как бы разоблачает американцев: с точки зрения левых, воевать стоит исключительно за идеалы, например, за коммунизм. К пацифистскому движению против войны в Ираке присоединилась католическая церковь, настроенная антиамерикански, особенно в последнее время, когда именно в Америке начались разоблачения святых патеров, десятилетиями насилующих детей своих добрых прихожан, на что Ватикан всегда смотрел сквозь пальцы.

Между тем, нефть – дело серьезное, но как раз Ирак никогда не был главным поставщиком нефти для Америки. Еще в 1920 году в Сан-Ремо Франция и Англия подписали соглашение о разделе нефтяных месторождений Ирака, а Штаты сделали ставку на Саудовскую Аравию; есть у них и своя нефть, а еще они покупали ее в разное время у Ирана, у Мексики и у Канады. Сейчас ведут переговоры с Россией.

За последние 30 лет ситуация в мире изменилась. Ещё

в 1973 году, после войны Судного дня, арабские страны впервые использовали нефть в качестве оружия: они сильно сократили ее добычу, желая наказать Вашингтон, а с ним и другие страны за поддержку Израиля. Европа осталась без отопления, ее экономика пережила тяжелый шок, и продлились это состояние дольше, вся западная цивилизация оказалась бы на грани гибели. В 1979 году в результате иранской исламистской революции нефтяной шантаж повторился. Тогдашний канцлер Германии Гельмут Шмидт предвидел: «Скачки вокруг нефти и газа могут привести к войне».

В 1990 году Ирак напал на Кувейт и попросил Америку не вмешиваться. Кувейт считался прозападным государством, его нефтяные запасы огромны; рядом с ним находится Саудовская Аравия – «бензоколонка мира», как ее называют. Президент США Джорж Буш-старший, отец нынешнего, сказал тогда, обращаясь к ООН: «Наша экономика, наш образ жизни, наша свобода и свобода дружественных нам стран на всей земле – все это пострадает, если контроль над обширными нефтяными ресурсами попадет в руки Саддама Хусейна». ООН не возражала; припертый к стенке Саддам Хусейн поджег свои нефтяные поля – без оглядки на экологию и беды своих граждан.

Буш-старший говорил тогда о марше на Багдад, его генералы – о 48 часах, необходимых, чтобы занять город; но – побоялись потерь, понадеялись на иракскую оппозицию. Да и левые уже выводили на улицы свои полки, уже начинались истерические запевы на тему «второго Вьетнама», уже Европа маршировала в пользу Саддама Хусейна и скандировала, как сейчас, «Не проливать кровь за нефть!» – и американский президент сдался. Война осталась неоконченной, проблема – нерешенной; нынешний кризис – ее продолжение

За последние 20 лет потребление нефти увеличилось: в Америке – на 20%, в Европе – на 10. Соответственно выросла в арабских странах популярность исламского фундаментализма; население Саудовской Аравии ненавидит своих коррумпированных принцев, а те откупаются от государственного переворота огромными пожертвованиями террористическим организациям. И все же конец «королям пустыни» может наступить в любой момент, и в любой момент страна может превратиться в очередной Афганистан при талибах.

Иран и Ирак уже потеряны; рухнет Саудовская Аравия, рухнут и Кувейт, и эмираты, нефть окажется в руках диктаторов и террористов, рвущихся к мировому господству. Диктовать условия западным странам будут тогда Саддам Хусейн и бен Ладен, независимо от того, сотрудничают они сегодня между собой или еще нет. Именно такое развитие событий предвидят американцы, когда требуют немедленно вмешаться и в первую очередь сбросить Саддама Хусейна.

И в этом контексте бездумное осуждение войны за нефть вызывает, мягко говоря, недоумение. Война идет не за нефть, война идет за жизнь.

Сейчас Америка лихорадочно ищет новых поставщиков нефти: Россия, регион Каспийского моря, западная Африка. Эти планы, если и реализуются, то не скоро. И неизвестно еще, сколько это будет стоить. Другое дело – Ирак с его огромными запасами. Превращение Ирака в прозападную страну выгодно всем, и в первую очередь, самому Ираку.

Европейские правительства хорошо всё понимают, но разница между их позицией и американской состоит не в том, что они миролюбцы, а американцы – агрессоры. Разница в том, что Америка – действительно сверхдержава и в этом качестве проводит трезвую и ответственную политику; нефть – это жизненно важно, и бороться за нее не стыдно и не позорно, тем более, что и Ирак от этого только выиграет. По мнению политологов, весь Ближний Восток может выиграть в результате успешной военной акции в Ираке.

Канцлер Шредер и президент Ширак считаются больше не с глобальными, а со своими местными и личными интересами. Германии и Франции грозят санкции со стороны ЕС за слишком высокий бюджетный дефицит; экономика трещит по всем швам; безработица растет. Им надо спасать свои кресла, чем они и занимаются, но признаваться в этом и уступать Америке не желают. Жить в мире хотят все – дешевая популярность Шредеру обеспечена; он еще постарается организовать себе Нобелевскую премию мира, если какой-нибудь мальчик не воскликнет вовремя, что король-то голый! А спасать демократию от новой угрозы в который раз за последние 100 лет снова будет Америка.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №05/345
за 3 – 9 февраля 2003 года**

ЙОШКА ФИШЕР И НОВАЯ ЕВРОПА

С провалом на парламентских выборах в землях Гессен и Нижняя Саксония у красно-зеленой коалиции возникает много проблем; одна из них – дальнейшая карьера самого популярного немецкого дипломата Йошки Фишера.

Проблема эта определилась уже на сентябрьских выборах в парламент Германии; формально выбирали будущую правящую партию, в действительности – голосовали за будущего канцлера; впервые в истории страны парламентские выборы персонифицировались и из противостояния партий превратились в личное соперничество Герхарда Шредера и Эдмунда Штойбера. Не было никаких сознательных попыток изменить избирательную систему, она изменилась сама, естественным ходом событий, и закон должен был бы теперь утвердить то, что уже свершилось *de facto*. По результатам социологических опросов, три четверти избирателей предпочли бы прямые выборы главы правительства. Победил, как известно, Герхард Шредер, но с помощью «зеленых», а точнее, с помощью их лидера Йошки Фишера, потому что многие голосовали именно за него лично, а не за партию «зеленых чайников».

С тех пор как Фишер в 1998 году стал вице-канцлером и министром иностранных дел Германии, его участие в партийных делах минимально, особенно теперь, когда чувствительную пухленькую Клаудию Рот, каждую неделю меняющую цвет волос, на посту председателя партии «зеленых» сменила холодная, ведущая свою тайную кошачью жизнь Ангелика Беер. Фишер числится в партии «зеленых», но скорее как почетный член; при внутри- и межпартийных разборках, как правило, молчит; лицо его выражает боль, и кажется, что трещина мировой скорби проходит прямо через его сердце. Когда-то он являлся в парламент в фирменных джинсах и кроссовках, главным средством воздействия на публику был тогда эпатаж. Сегодня весь его облик излучает смирение и сочувствие; ему бы очень подошли сутана пастора и белый воротничок; его рейтинг среди политиков Германии самый высокий. Это неудивительно: теперь в моде тип политика-проповедника и друга животных.

Перечисленный набор качеств делает Йошку Фишера единственным в Германии политиком, соответствующим по всем параметрам требованиям времени.

Пока что Йошка Фишер смиренно держится на втором плане; на приемах – слегка позади канцлера, демонстрируя субординацию; далеко не во всем их позиции совпадают. В первом номере журнала «Der Spiegel» за этот год напечатано интервью с Фишером, в котором он говорит, что всеми средствами следует бороться за мирное разрешение иракского кризиса, но что надежды на это остается все меньше и что «в экстремальной ситуации не исключено военное вмешательство». Интервью было дано перед Новым годом, когда канцлер Шредер находился с официальным визитом в Китае, откуда и раздался громкий окрик в адрес осмелевшего вице: никаких экстремальных ситуаций и никакой войны! Спорить с очевидной бессмыслицей Фишер не стал.

Резкое падение популярности социалистов всего через четыре месяца после их победы на сентябрьских выборах предсказывает закат их правления; к власти на следующих выборах придут, скорее всего, снова христианские демократы со своими союзниками; возможно, что к ним присоединится и партия «зеленых». Что ждет в таком случае Йошку Фишера, с его фактической беспартийностью, склонностью к самостоятельным действиям и идеальным соответствием имиджу современного политика? Он может остаться в партии «зеленых», но место председателя там уже занято, а столкнуть Ангелику Беер будет не так-то просто; да и унижительно Фишеру, после мировой арены, драться за место в успешной, но все же маленькой немецкой партии.

Возможно, консерваторы предложат ему остаться на посту министра иностранных дел, хоть желающие занять эту ключевую позицию найдутся, да и сработаться ему с новым канцлером (Ангелой Меркель или Роландом Кохом) будет практически невозможно. Его положение в международных политических кругах, его возраст (в апреле будет 55 лет), а главное – вся его жизненная практика диктуют иное: сделать очередной рывок и заняться другими делами – не партийными и не германскими.

Через два года расширенная Европа соответственно расширит свой чиновный аппарат; канцлер Шредер и президент Франции Ширак предлагают создать в руководстве континента две ключевые позиции: президента Европейской комиссии и президента Европейского Совета. Но даже и два лидера не справятся одновременно со всеми проблемами;

им нужен министр иностранных дел. Сейчас эти функции выполняют два человека: от европейского Конвента внешними связями занимается англичанин Крис Паттен, а от Европейского Совета – представитель Испании Ксавьер Солана. В будущем на место министра иностранных дел объединенной Европы знающие люди прочат Йошку Фишера; сам он пока молчит, но никто не сомневается в том, что он с удовольствием согласится; международная арена – место, подходящее для него больше всего; он даже разработал свою концепцию новой Европы как союза национальных государств, в котором им (государствам) не грозит ущемление национальных интересов. Кандидатуру Фишера в качестве европейского политического деятеля поддерживают Франция, Греция и новые восточноевропейские государства. Параллельно расширению в Европе растёт бюрократический управленческий аппарат, требуются новые люди, и в желающих недостатка нет; здесь может образоваться настоящая школа не национальной, а международной дипломатии. Разумеется, это только планы и предположения, о которых, прочем, говорят уже вполне серьезно.

Более чем серьезно и даже плачевно выглядит в этом свете будущее канцлера Шредера; впрочем, он неплохо освоил новую специальность – борца за мир, глядишь и заработает себе Нобелевскую премию мира на манер бывшего американского президента Джимми Картера; Картер, правда, уже в возрасте, а Шредер еще молод и полон энергии; он возглавит оппозицию, будет по-прежнему выступать в парламенте, женится в пятый раз – без дела не останется. Но на данном этапе уход Йошки Фишера может привести к крупным переменам на политической сцене Германии и в первую очередь – к развалу всей красно-зеленой коалиции.

Ася Левина

**"Русская Германия" №07/347
за 17 – 23 февраля 2003 года**

БОРЬБА ЗА МИР И ЕВРОПЕЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ.

На наших глазах происходит развал всей западной системы союзов, созданных после войны; держалась эта система страхом перед СССР; сейчас, по мнению некоторых политиков, бояться больше нечего и можно дать волю своим старым амбициям и претензиям.

Говорят, что в молодости Герхард Шредер, уже будучи депутатом Бундестага от оппозиционной Социал-демократической партии, вцепился однажды в решетку ограды ведомства федерального канцлера в Бонне и закричал: «Пустите меня туда!». Прошло много лет – и его впустили; как отмечают немецкие политические обозреватели, в деятельности канцлера до сих пор не просматривается ничего, кроме желания оставаться на своем посту.

К сожалению, этого недостаточно; в стране накопилось много проблем, решить которые социал-демократы не в состоянии. И канцлер нашел выход из положения: используя иракскую карту, он возглавил антиамериканский поход. Идея исходила от Йошки Фишера; обсуждая ситуацию в стране летом прошлого года, он сказал канцлеру, что «надо на предвыборной кампании выставить иракскую тему, иначе выставят нас!».

Сегодня рейтинг канцлера чрезвычайно низок: только 27 процентов избирателей остались ему верны; его бывший друг, а ныне злейший враг Оскар Лафонтен, чуя слабость Шредера, заявил, что возвращается к политической деятельности; оппозиция готовится поставить на голосование в парламенте вопрос о доверии к канцлеру; его союз со своим вице и министром иностранных дел Йошкой Фишером трещит по всем швам. И чем хуже положение Шредера внутри страны и партии, тем сильнее нажимает он на борьбу за мир в споре с Америкой. В этом пункте население Германии его поддерживает, во всем остальном – нет.

Затевая эту борьбу, он, разумеется, не предвидел всех ее последствий; но, как сказал поэт, «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется»; чем выше социальный статус человека, тем сильнее резонанс от его слов и действий и тем непредсказуемее реакция общества. Борьба канцлера за свое место под солнцем неожиданно вызвала

всплеск немецкого патриотизма; партийные и государственные лидеры проповедуют откровенный антиамериканизм: мы слушались вас с 1945 года, говорят они, теперь все, мы будем поступать так, как считаем нужным мы, а не вы; несколько министров участвовали в демонстрации за мир в Берлине; председатель Бундестага Вольфганг Тирзе призвал Европу к большей самостоятельности в отношениях с Америкой; первый телевизионный канал ARD 13-ого февраля в программе «Монитор» обвинил США в стремлении создать «американскую империю». Канцлер, таким образом, неожиданно превратился в фюрера, призванного вернуть своему униженному народу гордость и независимость. Знакомый стереотип.

Главным союзником Шредера в Европе является Франция. Президент Ширак, убежденный голлист, давно стремится сделать Европу, во главе с Парижем, разумеется, не менее влиятельной в мире, чем Соединенные Штаты; Франция до сих пор болезненно переживает падение своего престижа и не оставляет надежд на его восстановление. Сделать это самостоятельно она уже не в силах, но в рамках объединенной Европы и на плечах Германии – почему бы и нет? Тем более, что Германия, которую называют экономическим гигантом, но политическим карликом, сама предложила Франции антиамериканский союз. Эта идея так взволновала обоих лидеров, что, не посоветовавшись с остальными членами ЕС, они – Шредер и Ширак – выступили со своей инициативой мирного решения иракского вопроса. Инициатива была убогая: те же инспекторы, только числом поболее, плюс военная охрана; идеи никого не вдохновили, но поведение Франции и Германии возмутило многих и 8 стран – Италия, Великобритания, Испания, Португалия, Дания, Польша, Венгрия и Чехия – выступили с заявлением в поддержку Соединенных Штатов в иракском вопросе. Европа раскололась, ибо стали очевидными претензии Парижа и Берлина на руководящую роль в Европейском Союзе и, возможно, даже во всем мире. Раскололась и НАТО, чего следовало ожидать; НАТО – этот военный союз Европы с Америкой – Франция еще в 60-х годах пыталась расколоть и даже вышла из него; она до сих пор не является членом военной комиссии Северо-атлантического союза. Антиамериканские настроения диктуют создание собственной армии

о чем в Евросоюзе давно уже ведутся разговоры.

Итак, опять борьба за мировое господство; возможно эту европейскую традицию и имел в виду министр обороны США Рамсфелд, когда говорил о «старой Европе»; в Париже и Берлине его поняли и обиделись.

Любой большой поход нуждается в идеологии; сегодня на вооружение взят пацифизм, или «национал-пацифизм», как назвала это движение немецкая газета «Die Welt»; постоянная составляющая тут – «национал», добавка может быть любая, по ситуации: социализм, коммунизм, религия, любовь к ближнему или борьба за мир; совсем недавно по Европе прокатилась антисемитская кампания под лозунгом защиты прав палестинцев. Все эти движения суть проявления европейского национализма, очень старого. Когда-то европейцы устраивали крестовые походы, пытались завоевать Ближний Восток, но, разумеется, воинственность преподносилась как святое дело – освобождение Гроба Господня. А сегодня – как борьба за мир.

Странное впечатление производят бесчисленные толпы миролюбцев на улицах европейских городов; люди несут антиамериканские лозунги и транспаранты, но ни одного – антииракского, хотя европейские СМИ старательно и постоянно разъясняют злобедность и антидемократичность режима Саддама Хусейна. Церковь всегда с народом; она подчеркивает свою симпатию к иракскому диктатору: его навестил и сердечно с ним побеседовал кардинал от Ватикана; Папа Римский принял министра иностранных дел Ирака; оно и понятно, ведь надо любить ближнего. Кстати, толпы немцев, приветствовавших когда-то Гитлера, тоже излучали не агрессивность, а исключительно любовь, особенно, толпы женщин. Явная проиракская направленность борьбы за мир насторожила даже такого безукоризненно левого человека как Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан; он резко предупредил Саддама Хусейна, чтобы тот, в расчете на общественное мнение Запада, не пытался повернуть ситуацию в свою пользу. Не исключено, что именно эти сомнительные демонстрации отрезвят некоторых западных политиков.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №08/348
за 24 февраля – 2 марта 2003 года**

ПОЛИТИКА И МОРАЛЬ

В связи с иракским кризисом мир неожиданно погрузился в дискуссию на темы морали и религии; душевспасительные беседы ведутся на всех уровнях – от улицы до Совета Безопасности ООН; прямая опасность, исходящая от государств-изгоев, игнорируется, и даже наоборот: человечество снова готово всю свою любовь и всепрощение обратить именно на них. Сегодня это называется нравственностью в политике.

Существует мнение, что политика – по определению дело грязное. В таком случае нечего от ее представителей требовать нравственного поведения – поскольку упразднить политику невозможно, следует смириться с ее заведомой безнравственностью. Но логика не всегда помогает при решении этических задач: как бы безобразно ни вели себя человек или группа людей, они оправдывают свои поступки обязательными ссылками на некую моральную необходимость. Это хорошо иллюстрируют криминальные хроники: в одной из них на вопрос психолога, почему он убил случайного прохожего, преступник ответил: я, мол, шел со своей девушкой, а он (прохожий) оскорбительно на нее посмотрел; я как человек чести должен был отомстить. Случай экстремальный; тем ярче он выявляет потребность человека в моральном оправдании своих действий.

Политика – не исключение. Обсуждая иракский вопрос, государственные и общественные деятели так часто употребляют слово «мораль», что рядовому гражданину война с Ираком может показаться отвлеченной теоретической проблемой, из-за которой совершенно незачем воевать. В схеме, предложенной «партией мира», американцам отведена роль безумных агрессоров, какими их рисовала когда-то советская пропаганда; напротив, Франция, Германия, Россия и Китай не желают воевать, по-видимому, в силу своего врожденного миролюбия. Восставшее из небытия движение за мир, как и в добрые советские времена, присвоило себе монополию на высшую нравственность, а тот, кто прав, тому все позволено. Даже и откровенная безнравственность.

Этим, наверно, и объясняется выходка французского президента Жака Ширака по отношению к странам восточной Европы, которые поддержали США в споре вокруг Ирака.

Страны эти – кандидаты на вступление в Европейский Союз; они, по словам Ширака, еще только стучатся в этот дом, и поэтому должны вести себя поскромнее и во всем соглашаться с хозяином, а то ведь можем и не впустить!

– «Вы плохо воспитаны!» – добавил хорошо воспитанный Ширак, делая выговор независимым странам за то, что они, открыто выражая свое коллективное мнение, не испросили на то разрешения у Брюсселя. Что же до ЕС, то себя французский президент уже сегодня чувствует единоличным владельцем этого "дома", от чего поежились даже и западные коллеги Франции. Немецкие газеты предупредили канцлера Шредера о неуместности имперских амбиций официального Парижа; восточноевропейцы возмутились. Ширак, разумеется, не извинился; возможно, откровенный подхалимаж, вранье, притворство и соображения выгоды – это то, чему он перед всем светом учит своих будущих партнеров по Евросоюзу, и что является, с его точки зрения, высшим достижением в области морали; недаром неистребимая фальшь въелась в морщины его лица и в размашистые театральные жесты.

Второй урок «высокой нравственности» Франция, Германия и примкнувшая к ним Бельгия преподали миру в НАТО: этот военный союз, созданный в апреле 1949-го года для защиты от возможной (в то время – советской) агрессии, на наших глазах собирался отказать в помощи Турции в случае, если на нее нападет Ирак. Франция с Германией мотивировали свое предложение опять же борьбой за мир: защищая Турцию, они будут воевать, война же – это плохо; а предавая Турцию, – соблюдут святость пацифизма.

Теперь понятно, почему Европа не сопротивлялась Гитлеру: исключительно из любви к добру и миру. В 1939 году Советский Союз провёл шумную кампанию борьбы за мир – против обвинений СССР и Германии в подготовке войны – она завершилась мирным договором Риббентропа – Молотова и десятками миллионов жертв второй мировой войны. Впрочем, пацифистов это не впечатлило; в 1949 году борьба за мир возобновилась; в Москве был создан Постоянный Комитет Всемирного конгресса сторонников мира; начиналась «холодная» война; десятки тысяч добровольцев боролись за разоружение Запада перед лицом вооруженных до зубов советских войск, стоявших в Европе. «Мы просто

«мы просто не хотели, чтобы НАТО вооружалось», – вспоминают теперь ветераны этого безобидного движения.

В 1991-м году, во время войны «Буря в пустыне», борьба за мир возобновилась; правда, в малых дозах: Москва к тому времени махнула рукой на мировое господство, ей было не до жиру; пацифистам явно не хватало денег, но всё же они вышли на улицы с антиамериканскими лозунгами – теми же, что и сегодня; антииракских мотивов не наблюдалось, хотя Ирак в то время захватил Кувейт и зверствовал, прививая его населению любовь к Саддаму Хусейну.

Сегодня, спустя всего 10 лет, история повторилась: миролюбцы снова ни единым звуком не протестуют против иракского диктатора; их ряды сильно пополнились, карманы – тоже; интересно, откуда дровишки?

На фоне всемирной пацифистской кампании разворачивают свою дипломатию страны и континенты; её моральный уровень вполне соответствует движению за мир; лидирует Франция: под шумок она направила войска в свою бывшую колонию Берег Слоновой Кости; Жак Ширак с большой помпой принял в Париже президента Зимбабве диктатора Мугабе, обвиняемого в бесчисленных преступлениях против своего народа, изгнании из страны белых фермеров и фальсификации выборов; Бельгия, объявившая себя стражем мировой справедливости, не возражает; министр иностранных дел Франции де Вильпен в одном из своих интервью повторил, что Франция ни в коем случае не проводит антиамериканскую политику, просто ей жаль людей, которые могут погибнуть в иракской войне. Из этого следует, что сторонникам войны с Саддамом Хусейном людей не жаль.

Что происходит: создается новая политическая мораль или разразилась очередная «холодная» война, на этот раз – между Европой и Соединенными Штатами? Что нравственнее: бороться со злом всеми средствами, включая насилие, или насилие не применять ни при каких обстоятельствах, даже если половина мира над такими правилами смеется?

Политика и мораль – вещи разные; смешивать их нужно осторожно: коктейль может оказаться взрывоопасным, что и произошло. И, в любом случае, стоило бы помнить старую истину: благими намерениями вымощена дорога в ад.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №10/350
за 10 – 16 марта 2003 года**

ПЕРЕД РАЗВЯЗКОЙ

Сегодня мир находится в состоянии «холодной» войны: Америка воюет с Ираком, Европа, Россия и Китай – с Америкой. При этом Соединенные Штаты готовы решать проблему своими силами: членство в международных организациях не лишает страну права на собственную внешнюю политику. Их противники не могут решить проблему самостоятельно: без американского военного давления присутствие инспекторов в Ираке было невозможным. Чем ближе война, тем уступчивее Саддам Хусейн; в последнее время он ведет себя поразительно: уничтожает недозволенные ракеты «Аль-Самуд», открывает места захоронения бомб, начиненных микробами сибирской язвы и ботулизма, готовит отчет об отсутствии у него нервно-паралитического газа – тонны этого газа исчезли бесследно несколько лет назад; иракские ученые неожиданно согласились беседовать с инспекторами ООН без свидетелей.

Уступки Багдада Франция и ее союзники записывают на свой счет. Это, мягко говоря, подтасовка фактов: Саддам Хусейн боится войны и уступает перед американской военной угрозой; достижения американской стратегии Франция и компания, не стесняясь, присваивают; впрочем, Франция точно так же поступила и в конце Второй мировой войны, затесавшись, с разрешения США, в ряды победителей.

Нехотя, сквозь зубы, Йошка Фишер и Доменик де Вильпен, министр иностранных дел Франции, признают необходимость американского военного давления для «мирного» решения иракской проблемы. С точки зрения их российского коллеги Игоря Иванова, «аргументация тех, кто выступает за применение силы в отношении Ирака, меняется по мере того, как активнее работают инспекторы». Таким образом, более чем скромные успехи инспекторов Россия не связываются с американским силовым давлением: Иванов, видимо, считает, что у Саддама Хусейна прорезалась совесть. Он выступил даже против смены в Ираке режима Саддама Хусейна и его правительства: «На этот счет сказал Иванов, – нет резолюций ООН». И, правда, – нет; а почему?

Но большинство членов СБ ООН не протестует против силового давления на Багдад; оно считается действенным.

В таком случае, почему бы к войскам США на границах

Ирака не присоединить войска НАТО? Не для того, чтобы воевать: совместное давление США и Европы впечатлило бы Саддама Хусейна; пытаясь использовать конфликт Евро-союза со Штатами, он уже призвал Совет Безопасности отменить санкции, так как «Ирак уже выполнил все требования ООН, а мотивация США была разоблачена перед всем миром»; он предложил также осудить США и Великобританию как «лжецов» и взяться за Израиль. В этой ситуации Западу для пользы дела следовало бы продемонстрировать если не единство, то хотя бы стремление к компромиссу в спорных вопросах.

Нынешняя ситуация вокруг Ирака, при всей ее серьезности, несколько комична: европейские пацифисты обвиняют Соединенные Штаты в желании командовать миром, требуют именно от них этот конфликт решить и обязательно мирными средствами. Если бы войска НАТО встали на иракской границе, Европа приняла бы на себя долю реальной ответственности; но сегодня ответственность возложена на Америку; самое замечательное в этой ситуации – то, что никто, кроме США, ничего не требует от Ирака.

В действительности все зависит только от Саддама; выскажись на эту тему кто-нибудь в Совете Безопасности, и обсуждение вопроса пошло бы по совершенно другому руслу. Почему бы не потребовать соотца уступок со стороны Багдада? Одна такая попытка состоялась: диктатору полуофициально предложили уйти в изгнание; он отказался – не в последнюю очередь потому, что надеялся на защиту пацифистов; совершенно неизвестно, как он реагировал бы, если бы Запад выступил в этом вопросе жестко и единогласно.

Следующим шагом могла бы стать угроза оккупировать Ирак объединенными силами Америки и НАТО с предложением (фактически ультиматумом) Саддаму Хусейну – не сопротивляться. Для войны нужны, как минимум, две стороны; в противостоянии США – Ирак пацифисты требуют от Америки отказа от военных действий; а почему бы не потребовать этого от Ирака? Ведь все признают багдадский режим опасным и агрессивным. Партия мира твердит, что она защищает не Саддама, а мирных жителей, которые страдают от военных действий; вот пусть бы миротворцы и надавили на своего подопечного и потребовали от него сидеть

тихо, дать возможность войскам НАТО и США почистить и проверить страну на предмет неконвенционального оружия и некоторой последующей демократизации? Ведь тогда бы мирное население не пострадало, а только выиграло.

Недавно в кулуарах ООН было распространено письмо послов Саудовской Аравии и Пакистана с призывом к народу Ирака восстать против Саддама Хусейна; чиновникам, сотрудничавшим с инспекторами ООН, обещается амнистия. Вот и Саддаму можно гарантировать амнистию и даже оставить ему дворцы и некоторую символическую власть. Вместо того, чтобы усугублять разногласия и отстаивать крайние позиции войны или мира, дипломаты в Совете Безопасности могли бы попытаться договориться о компромиссе по типу «не война и не мир» и выработать совместный образ действий. А уличные шествия прошли бы очень успешно под лозунгами типа «Саддам, не сопротивляйся, пожалей свой народ!».

Одни лишь мирные инициативы не помогают, а мешают решению иракской проблемы; все больше политических деятелей поддается влиянию дешевой пропаганды и старается создавать себе популярный имидж борца за мир. Даже глава инспекторов Ханс Блик утаил в своем последнем докладе очередной порочащий Ирак факт: наличие в арсеналах Багдада запрещенных ООН беспилотных самолетов, о чем сообщила газета «The Times»; информацию об этом самолете можно найти в длинном, на 173 страницах, отчете инспекторов; он был распространен после заседания СБ ООН и на принятие решений не повлиял.

Невероятно, но факт: западные союзники не ищут компромисса в своих разногласиях, иначе они бы его давно уже нашли. В этой ситуации вопросы общей безопасности становятся нерешаемыми.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №11/351
за 17 – 23 марта 2003 года**

ТУПИКОВАЯ ПОЛИТИКА

В тот день, 19-го марта, когда Соединенные Штаты и Великобритания отказались от дальнейших дебатов об Ираке в ООН, картина мира резко изменилась. Франция, Россия и Германия созвали Совет Безопасности; представители разных стран заняли свои места, попили водички – и вдруг поняли, что говорить больше не о чем. Обсуждать дальше перспективы мирного разоружения Ирака не имело никакого смысла: ввиду предстоящей войны инспекторы ООН оттуда уже уехали; их место займут войска США и Великобритании. Делегаты этих стран на заседание не явились; спорить не с кем; самое же главное и обидное было в том, что Франция и Германия не могли больше ни участвовать в событиях, ни влиять на них. Поезд ушел. Долго и терпеливо, как маленьких детей, их уговаривали ехать вместе; теперь они растерянно топтались на платформе, повторяя сами себе одни и те же аргументы и понимая, что остались не у дел. На следующий день, когда война в Ираке уже началась, эту горькую истину преподнес телезрителям один из журналистов немецкой программы ARD: на вопрос ведущего, что может теперь предпринять Германия, он, усмехнувшись, ответил: «Теперь они уже ничего сделать не могут». Порвав с Америкой, Париж и Берлин выпали из глобальной политики, и лицемерные объятия с российскими, китайскими или африканскими лидерами ситуацию не спасут.

Пока объединенные нации дрались в Совете Безопасности, как коты на крыше, за мировое господство, мир казался им многополярным; стоило Америке выйти из игры, как все ее противники потеряли приятное ощущение собственной преувеличенной значимости. Выступая 20-го марта в Бундестаге, Йошка Фишер долго и темпераментно говорил о пропавшей возможности разрешить иракский кризис мирными средствами, но закончил свое выступление неожиданным призывом к многополярному миру, т.е. пожелал, чтобы власть с Америкой делила Европа. Это и есть первая страшная тайна лидеров Европейского Союза; не успев еще объединиться как следует, создать европейское правительство и упорядочить экономику, они бросились в бой с Америкой, используя иракскую карту и агрессивный популизм.

Америка на сегодняшний день действительно единственная сверхдержава и в этом качестве ведет себя соответствующим образом: всех выслушивает, уговаривает, за сотрудничество платит или благодарит, соглашается или нет, но никому не подчиняется. Это раздражает; раздражение оформилось в пожелание, многожды повторенное лидерами разных стран: «мир должен быть многополярным», т.е. Америка не должна быть единственной великой державой; так считают некоторые политики, общественные деятели и частные лица.

С ними можно было бы согласиться, если бы на должность великой державы назначали или выбирали; например, в Совете Безопасности председательствуют по-очереди все страны-участницы: сегодня Испания, потом – Камерун или Уганда, и никому не обидно. Но статус великой державы – не должность и определяется не бюрократической процедурой, а «гамбургским счетом», тут уж ничего не поделаешь. Перефразируя Козьму Пруtkова, можно сказать: «Хочешь быть великим, будь им!». Желающих – много, великих – увы!

Между тем, решить иракский кризис можно было без излишнего драматизма, если бы Европейский Союз продолжал традиционное сотрудничество с Соединенными Штатами; отсутствие межатлантических разногласий подтолкнуло бы Саддама Хусейна к большим уступкам; наличие их – ободрило. «Весь земной шар за нас!», – радостно сказал он на заседании Революционного Совета, про себя удивляясь непроходимой глупости человечества. Угроза совместного военного выступления Америки и НАТО, возможно, вынудила бы иракского диктатора уйти в изгнание. Именно партнерство с Америкой, а не «холодная» война с ней привело бы к мирному решению проблемы и заодно обеспечило бы Европе роль одного из лидеров, наряду с США; мир и превратился бы в многополярный, но полюса сотрудничали бы между собой, а не воевали. Такой вариант Европа отвергла; это выдает вторую её страшную тайну: однополярный мир ее устраивает вполне, но во главе не с Вашингтоном, а с Парижем.

Сокрушаясь теперь по поводу **упущенных возможностей** мирного решения иракского кризиса, европейские лидеры лукавят; множественное число тут неуместно – мирная возможность была лишь одна, называлась она "инспекторы"

и реализовалась с помощью американских штыков и военной угрозы; без этих условий Саддам Хусейн на возвращение инспекторов не соглашался. Только наличие сотен тысяч американских военнослужащих на границах Ирака заставило Багдад пойти на некоторое условное разоружение; можно было этот процесс продолжать; Америка в этом случае должна была бы держать огромную бездеятельную армию на Ближнем Востоке неопределенно долгое время – ситуация для нее смешная и издевательская. У США был выбор: уйти, вернуть свои войска в Америку, или начать войну. Первое означало бы победу Саддама Хусейна, немедленное изгнание инспекторов и непредсказуемые последствия для всего мира; оставался единственный реальный вариант – война.

Двухтысячелетняя история европейского континента – это история беспрерывных войн и популистских идеологий; сегодняшние лидеры Франции и Германии представляют собой старую школу европейской политики; министр обороны США Рамсфельд не оговорился, помянув недобрым словом «старую Европу», которая все еще решает проблемы не на деловом уровне, а на уровне самолюбия. Сейчас, оказавшись не у дел, развалив основные международные союзы западных стран, европейские политики вынуждены решать сложную проблему: как быть дальше? Им очень хотелось бы проводить самостоятельную политику, без участия Америки, но они понимают, что это нереально. Президент Франции Ширак уже сделал два противоречивых заявления: Франция, сказал он, не пропустит в СБ ООН утверждения американо-британской резолюции о послевоенном устройстве Ирака. Т.е., по мнению Ширака, в иракском восстановлении должен участвовать и Европейский Союз. Одновременно Франция, по словам Ширака, не будет участвовать в восстановлении Ирака, который был разрушен Штатами, – вот они, мол, пусть и восстанавливают. Франция, таким образом, опять загоняет себя в тупик. Уютное местечко! Но будем надеяться, что остальные европейские страны за ней не последуют.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №13/353
за 31 марта – 6 апреля 2003 года**

ЗА ЧТО ВОЮЕТ АМЕРИКА?

На вопрос «за что воюет Америка?» ответов много; это не удовлетворяет и вызывает естественное недоверие; интуиция и житейский опыт подсказывают, что главный ответ должен быть один, а все остальные – лишь сопутствующие ему соображения. Большинство заинтересованных людей, не получив разъяснений от СМИ, пытается разобраться в проблеме самостоятельно; их мнения отражают уровень их компетенции и политическую ориентацию, но не способствуют решению задачи, которая таким образом все больше запутывается; не исключено, что недовольство этой войной питается, в частности, раздражением от непонимания ее причин.

Американский президент Буш, гос.секретарь Пауэлл и министр обороны США Рамсфельд в своих выступлениях неоднократно говорили: мы воюем для того, чтобы ликвидировать тиранию и установить в Ираке демократический режим; мы помним 11-е сентября и стремимся устранить угрозу терроризма, поддерживаемого Ираком; наша задача – ликвидировать оружие массового уничтожения, которое завел у себя Саддам Хусейн в нарушение резолюций СБ ООН. В ответ противники войны резонно замечают, что оружия массового уничтожения у Ирака, возможно, и нет; что связи Саддама с террористами, во всяком случае, с бен Ладеном, пока не доказаны; что к событиям 11-го сентября 2001 года Ирак отношения не имеет и вообще, режим в Ираке социалистический, безбожный, по-своему даже враждебный исламскому фундаментализму; и отсутствие демократии в Ираке – не повод для иностранного военного вмешательства; пускай иракцы разбираются сами; диктатур на свете много, «всех не переброешь!», как сказано в известном анекдоте. И все это правильно, спору нет.

Несогласные предлагают свое объяснение американской политики: Америка воюет, чтобы наложить лапу на иракскую нефть, чтобы колонизовать Ближний Восток; «Буш – террорист!» – в этом все дело, и даже: «Буш – Гитлер!», как было обозначено на одном транспаранте 22-го марта во время «мирной» демонстрации в Дюссельдорфе; Америка – агрессор, она всегда воюет, (вспоминают Вьетнам); Америка воюет, чтобы провести испытания нового оружия; Буш хочет

уничтожить иракский народ – с таким заявлением выступил министр иностранных дел Ирака; существует мнение, что война ведется по заданию американских фармацевтических фирм: им, мол, от людских страданий прямая польза; другие придерживаются выверенной в веках точки зрения насчет всемирного еврейского заговора – человеческая душа жаждет страшного и таинственного. Американская политика, таким образом, кажется многим агрессивной, бессмысленно-воинственной или даже абсурдной. Все вышеизложенные соображения не дают удовлетворительного ответа на вопрос, почему Америка, демократическая страна, которой война будет стоить, и уже стоит, многих жизней и денег, всё же настаивает на ее проведении?

Современный Ближний Восток – пороховая бочка: не только потому, что на протяжении последних десятилетий бесконечные конфликты сотрясают этот регион, скорее, наоборот, конфликты – результат общей нестабильности. Здесь в 21-м государстве проживает более 100 миллионов арабов и добывается две трети необходимой миру нефти; экономически от арабских стран Ближнего Востока зависят и Америка, и Европа; политически же – с ними считаются мало.

Сочетание экономического могущества и политической слабости вызывает у арабов протест, представляется им несправедливостью, навязанной Западом, а в основном – Соединенными Штатами.

Чувство это подкрепляется славным прошлым арабского мира; в средние века Арабский халифат был огромным просвещенным государством, в него входили Испания и часть Франции; его культурные достижения неоспоримы; прошлое используется сегодня как довод в борьбе за мировое господство.

Мусульманские страны Ближнего Востока не знают демократии; огромными доходами от продажи нефти распоряжаются здесь короли и диктаторы; жизненный уровень в большинстве этих стран – низкий, законы – часто средневековые. Недовольство народа своей жизнью оформляется в ненависть к Западу; об этом заботятся не только политические, но и духовные, религиозные лидеры. Ислам из религии превратился в мощную идеологию, которая объединяет и разъединяет людей по религиозному признаку под лозунгом типа «Мусульмане всех стран, соединяйтесь!».

Цели таких движений всем хорошо известны; в 20-м веке мир пережил две такие пандемии – коммунизма и нацизма; они обошлись в десятки миллионов жертв, но для некоторых до сих пор не утратили своей притягательности.

Таким образом, сегодня на Ближнем Востоке сложилась вполне классическая ситуация: диктаторские режимы, воинственная идеология и общество, униженное своей фактической принадлежностью к Третьему миру. На этой хорошо унавоженной почве выросли и пользуются колоссальным успехом террористические организации, призывающие начать с Западом войну за мировое господство; фанатизм и возможность приобрести оружие массового уничтожения делают это движение смертельно опасным для западной цивилизации, что вполне подтвердилось 11-го сентября 2001 г.

Что делать? Как и в 1917-м, и в 1933-м годах, сегодня существуют по крайней мере две возможности. Первая: постараться путем уступок, требований и умеренного дружелюбия сработаться с опасными режимами и мирно сосуществовать с ними до тех пор, пока они не отомрут сами по себе. Именно такой путь избрали когда-то западные страны по отношению к коммунистической России, а затем – к нацистской Германии. Чем это закончилось, хорошо известно. Вторая возможность, видимо, и определяет сегодняшнюю политику Соединенных Штатов: не ждать, пока ситуация станет неуправляемой, тем более, что нефтяная зависимость и неконвенциональное оружие обостряют конфликт до крайней степени.

Говорят, что история не имеет сослагательного наклонения; это не мешает нам им пользоваться: если бы коммунизм был задушен в первые дни своего существования, вполне возможно, что мир избежал бы очень многих бед. Во всяком случае, миролюбие по отношению к фанатичным режимам себя не оправдало, и было бы глупо на нем настаивать.

Видимо, в этой плоскости и следует искать ответ на вопрос: за что воюет Америка? Война – это плохо; но иногда это единственная возможность предотвратить еще худшее.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №15/355
за 14 – 20 апреля 2003 года**

ВОЙНА И МИР

Иракская война прошла не только по Ираку, но и по Западу; проявились политические и социальные проблемы, накопившиеся за последние 50 лет. Политики – тоже люди; в трудных ситуациях они прибегают к привычным, заученным приёмам. Ностальгия по двуполярному миру, в котором канцлер Шредер и президент Ширак прожили много лет, подтолкнула их к действиям, в результате которых опять воссозданы и двуполярный мир, и вражда в нём. На одном полюсе – всё та же Америка, на втором – вместо покойного СССР – Франция, Германия и примкнувшая к ним Россия. Все их лидеры – люди XX века. И Шредер с Йошкой Фишером, крайне левые бунтари 60-х, и профессионал Путин – привычны к «борьбе за мир» против империалистов США; а Ширак – обиженный французский националист, мечтающий вернуть своей родине роль великой державы (как, впрочем, и Путин); и все они работают по старинке, не понимая реалий 21-го века.

Одна из этих реалий: мир между народами, независимо от числа «полюсов», держится не на вражде, а на взаимовыгодном сотрудничестве. Так было, пока существовал европейско-американский альянс. Россия, хоть с отступлениями, тоже придерживалась прозападного курса. В результате **борьбы за мир** в пользу очередной диктатуры – на этот раз иракской – вражда восстановлена. По-видимому, Шредер, Ширак и Путин чувствуют себя в этой привычной обстановке уютнее – хоть и бессмысленная, а всё же деятельность, активность..

Встреча в Петербурге 11-го апреля подтвердила приверженность Германии, Франции и России курсу на противостояние, на «холодную войну», хотя именно сейчас, после перелома в иракской кампании, у них появилась возможность, не теряя лица, помириться с Америкой: сопротивление войне было продиктовано, по их словам, не антиамериканизмом, а исключительно соображениями гуманизма и заботой о мирном населении. Участие в восстановлении Ирака, т.е. работа в пользу этого самого мирного населения, примирила бы с Америкой, утешила бы и пацифистов, и оппозицию, все три страны получили бы выгодные заказы и инцидент был бы исчерпан.

Этого, однако, не вышло; напротив, президент Путин заявил, что Россия не будет участвовать в восстановлении Ирака до тех пор, пока, как он сказал, «в Ираке продолжается война и оккупация». Европа снова завела разговоры о создании своей, отдельной от НАТО, армии; 12-го апреля министр обороны Германии Штрук произнёс странную для пацифиста фразу: «Мы не можем, – сказал он, – сидеть и безучастно наблюдать за военными конфликтами в разных частях света». Европа отказалась участвовать в иракской кампании на стороне Америки; уж не планирует ли она с Америкой воевать?

Европа воевала всегда, ее история – это история беспрерывных войн; европейская агрессивность была укрощена силой американского оружия после 2-й мировой войны; умом все понимали, что это правильно и хорошо, но рациональные соображения и эмоции часто находятся в разладе – вечная причина социальных и тема литературных трагедий. В Европе американцы проделали то, что теперь собираются повторить в Ираке: кнутом и пряником научили людей нормально жить. Правильно, но обидно: к хорошей жизни привыкли и перестали ее ценить; обиду таили и культивировали; иракский кризис ее проявил. Это урок для всех, в том числе и для США: нельзя недооценивать национальное самлюбие; в Ираке американцы пытаются этой ошибки избежать, насколько это возможно в военных условиях.

Гораздо бóльшую тревогу вызывает ситуация в Европе. Попытка США привить европейским лидерам прагматический подход к политическим событиям пока не удалась, а это одно из важнейших требований нового времени, понятое некоторыми европейскими странами и немецкой оппозицией. Какие бы личные цели ни преследовали политики, они вынуждены учитывать фактор экономический; сегодня это – слияние мировой экономики, т.е. глобализация. У неё уже есть свои бескомпромиссные противники, но она идет полным ходом, мир объединяется, и каждый ответственный политик обязан учитывать в своих действиях глобальные интересы в долгосрочной перспективе. Пренебрежение ими не только заводит в тупик, но и становится опасным.

Иракский кризис показал, что германские и французские политики отстали от времени; они все еще живут в 60-х – 70-х годах 20-го века; в Европе все еще "борются за мир" и

соблазняют народ утопическими лозунгами и теориями; по-прежнему в упор не видя смертельной опасности, угрожающей человечеству. Да, разумеется, ему куда лучше было бы без войны, но ведь смотря какой ценой. Подчинение Гитлеру стоило бы жизни многим миллионам; та самая мораль, о которой столь пекутся пацифисты и церковники, дважды в 20-м веке была объявлена устаревшей и выброшена на свалку вместе со своими институтами и приверженцами. Мир любой ценой ведет к вырождению; непотворение злу – к его, зла, победе. Единственной ценностью остается жизнь. Когда-то в Европе, готовя себя к подчинению Германии, а затем – Москве, говорили: «Лучше быть коричневым, чем мертвым!» или «Лучше быть красным, чем мертвым!»; ужас в том, что, став даже коричневым или красным, любой человек и в любую минуту может стать и мертвым, его безопасность уже ничем не обеспечена. В 1938 году толпы европейских пацифистов приветствовали политиков, сдавших Гитлеру Чехословакию, и только Черчилль понимал, чем это кончится: «Мы проиграли, – сказал он тогда, – теперь будет война!»; его слова вызвали бурное возмущение в Европе.

20-й век был веком утопий: от «все люди равны» до «суперменов» и «недочеловеков»; от «кто был ничем, тот станет всем» до газовых камер; где «бывшие всем», становились ничем, дымом, уходящим в небо; от «не убий!» до убийства как универсального средства решения всех социальных проблем; от бессмысленных войн до столь же бессмысленного пацифизма; от «мы свой, мы новый мир построим» до «не до жиру, быть бы живу!». Человечество бросалось в крайности, истина, как водится, где-то посредине.

В этой войне Америка утвердилась в своей роли мирового лидера: она сделала очередной шаг в борьбе с терроризмом и оказалась единственной державой, способной решать мировые проблемы. Она воюет с учётом современных требований к военным действиям, в том числе и требований гуманности. А Франция и Германия проиграли. «Итак, американцы в Багдаде, – сказала 9-го апреля ведущая тележурнала «Кон-трасты» (ARD), – а где Европа?». Ответ напрашивается сам собой.

Ася Левина

**"Русская Германия" №16/356
за 21 – 27 апреля 2003 года**

ГЕРМАНИЯ И КРИЗИС ГУМАНИЗМА

Выступая 9-го апреля с разъяснением политики правительства в иракском вопросе, канцлер Шредер был мрачен. «Мы рады, – сказал он, – что война быстро закончилась, – и считаем, что восстановление Ирака должно проходить под эгидой ООН». Это означало, что налаживать партнерские отношения с Америкой Германия не собирается, антиамериканизм остается основным направлением ее внешней политики настолько, что, как заявил Шредер в другом своем выступлении, Германия откажется от участия в восстановлении Ирака, если командовать парадом в этом деле будет не ООН, а Америка. В Германии тяжелая экономическая ситуация; отказ от выгодных иракских заказов означает, что антиамериканизм для Шредера важнее решения экономических проблем.

Все обозреватели согласны с тем, что иракская тема и пацифизм были использованы Шредером во время предвыборной кампании в личных целях: у него не было другого столь же выигрышного лозунга, без Ирака он бы на выборах провалился. Выступая против США летом прошлого года, Шредер не уставал заверять мир в своей дружбе с Америкой и президентом Бушем; все помнят, что он и действительно старался совмещать критику политики США в иракском вопросе с постоянными попытками проявить дружелюбие; это наводило на мысль, что, выиграв выборы и укрепившись у власти, он помирится с Америкой.

Но у власти он не укрепился; наоборот, его рейтинг необычайно низок; единственным пунктом, по которому его поддерживает народ, является опять же иракский вопрос, а шире – антиамериканизм и пацифизм; с экономическими проблемами правительство социалистов справиться не может; следовательно, чтобы сохранить свой пост, канцлер не должен менять внешнеполитический курс.

И тут проявились проблема, о которой пока еще не решаются говорить вслух политики и комментаторы: Германия, крупнейшая страна Европы, экономический гигант континента является политическим карликом уже полвека и дальше терпеть такое положение не желает. Ей выгоден союз с Францией, за счет которой она приобретает политический вес; выгодно создание европейской армии, в которой

немецкие генералы, безусловно, найдут себе применение; ей выгоден иракский кризис, благодаря которому она снова стала влиятельной страной на мировой арене. Трудно поверить в то, что все 57 лет, прошедшие после 2-й мировой войны, Германия действительно ничего не хотела, кроме того, чтобы под американским крылышком спокойно есть и пить. Личные интересы канцлера Шредера, разрешаемые через антиамериканизм, совпали с антиамериканской настроенностью масс.

Униженность всегда сопряжена с агрессивностью, которая копится и в конце концов так или иначе вырывается наружу в формах, привычных данному обществу. В Германии в течение последнего года прошли три весьма красноречивые кампании. Первая из них формально была вызвана израильско-палестинским конфликтом; антисемитизм так быстро дозрел до знакомых кондиций, что испуганные политики вынуждены были принять радикальные меры: открытые антисемиты были исключены из Партии свободных демократов (FDP); встал вопрос о запрете Национал-демократической партии Германии (NPD); освещение израильско-палестинского конфликта в СМИ несколько приблизилась к объективности.

Затем, в связи с Ираком, вспыхнул яростный антиамериканизм, спровоцированный и поддержанный правительством Шредера. И наконец в СМИ параллельно пересматривалось отношение к политике союзников в конце Второй мировой войны: речь идет о бомбардировках немецких городов, признанных теперь недопустимо жестокими.

Союзников, как известно, было четверо: СССР, США, Великобритания и Франция; в излишне жестоких бомбардировках обвиняются сегодня Америка и Англия, т.е. тема актуализируется, становится злободневной и, надо думать, имеет успех. США и Великобритания подаются уже не как освободители, а почти как военные преступники.

Во второй половине XX века господствующей идеологией стал безусловный гуманизм; главные его тезисы: мир, а не война; права человека и толерантность. Особенно истово приняла эту идеологию Германия; чувство вины за развязывание двух мировых войн, ужасы Голокоста и последующее поражение в войне – всё склоняло эту страну к смирению и пацифизму. Но, во-первых, всегда есть несогласное

меньшинство, например, люди, которым нравится не просто война, но именно абажуры из еврейской кожи; такой у них вкус, а ведь о вкусах не спорят; во-вторых, и это самое главное, миролюбие и демократия были принесены в Германию на американских танках; в качестве идеологии, противоположной нацистской; гуманизм укрепляет ощущение вины и совершенно естественно вызывает чувство противоречия; политическая ущемленность Германии на международной арене в течение полувека представляется и в самом деле затянувшимся наказанием. Таким образом, создалась ситуация, требующая совместить принципы гуманистической идеологии с не всегда гуманными порывами.

Такое совмещение удалось на славу: антисемитизм преподносился как борьба за права человека, в данном случае, палестинцев; антиамериканизм – как пацифизм, конкретнее – движение против войны с Ираком; критика бомбардировок немецких городов – как проявление сочувствия к мирному населению. Да и мрачность канцлера Шредера по поводу быстрой победы США в Ираке тоже понятна: он ведь обещал сотни тысяч жертв, затяжную войну, усиление террора и дестабилизацию всего Ближнего Востока. Его прогнозы не сбылись, с чего же ему радоваться?! Вот если бы в результате этой войны наступил небольшой «конец света», тогда пацифисты могли бы ликовать; президент Союза работодателей Германии Дитер Хундт недаром назвал миролюбцев «волками в овечьих шкурах» («Süd-deutsche Zeitung», 6.2.2003).

Легкость, с которой гуманизм был приспособлен к оправданию далеко не гуманных целей, приводит к мысли о кризисе в этой идеологии. Идеология, конечно, во все времена служила прикрытием неприглядных деяний; выходит, ничего не изменилось, и наше время ничем не лучше прошлых веков. Так или иначе, но иракская война проявила и эти две проблемы: положение Германии в современном мире и кризис гуманистической идеологии.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №17/357
за 28 апреля – 4 мая 2003 года**

ПАЦИФИСТЫ

Против войны в Ираке выступали и продолжают выступать миллионы людей во всем мире; их называют пацифистами, от латинского слова *pacificus*, что означает «умиротворяющий»; пацифисты считают любую войну, даже так называемую справедливую, аморальным действием. В Германии антивоенную политику канцлера Шредера поддерживают около 82% населения – цифра впечатляющая. Во всех западных странах пацифистская идея популярна, не вызывает возражений и кажется понятной и бесспорной. В самом деле, мир лучше, чем война; пацифист автоматически чувствует себя чище и благороднее сторонника силовых акций; он настолько прав, что не нуждается в разъяснении своей точки зрения, не снисходит до спора с противниками и вообще до размышления. Пацифисты всех уровней, выступая в СМИ, ограничиваются невнятной, но сакраментальной фразой типа: «мы против войны, потому что на войне погибают невинные люди»; это способствует успеху; краткие невнятные лозунги всегда имеют наибольший успех: действуя непосредственно на эмоции, они освобождают ум от непосильной для многих нагрузки; к авторам таких лозунгов люди испытывают естественную благодарность.

Лидеры пацифистского движения держатся в тени; проповедниками идеи выступают, чаще всего, левые политики, интеллигенция, особенно, гуманитарная, в последнее время – даже рок-певцы; старательно создается впечатление, будто пацифизм – движение спонтанное; просто, мол, узнали люди про митинг в защиту мира и присоединились; потом разошлись по домам, а между собой даже незнакомы. Это правда, но не вся.

Однажды в ходе антииракской кампании в один и тот же день в демократических странах Запада и Востока на улицы вышли более 6-ти миллионов человек; надо быть очень наивным, чтобы поверить в случайность этой акции.

Любое уличное шествие или митинг требует организации: кроме изготовления и расклейки афиш, для его проведения нужно получить разрешение от властей; обеспечить для участников охрану, транспорт, договориться о выступающих и т.д. – проблем много, и главная из них – финансирование; об этом пацифисты не говорят никогда.

Немецкий журналист Хайнц Дюлонг в своем комментарии для радиостанции «Немецкая волна» говорит о сторонниках мира как о движении неорганизованном, потому, в частности, что «членских билетов оно не выдает»; следовательно, добавим от себя, и членских взносов не собирает, т.е. не может сослаться на этот источник доходов. А денег миротворцам надо много. Например, на финансирование пацифистской кампании в одной только Европе в течение 1979-го года Советский Союз выделил в свое время 200 миллионов долларов; в 70-80 гг движение за мир на 95% финансировалось Москвой. Тогда проводилась кампания против ядерного довооружения НАТО; против советских ядерных ракет в Европе миротворцы не выступали.

Кое-что о пацифистских организациях все же известно. В США центром этого движения является Всемирная рабочая партия, сокращенно – ВРП; она произошла от троцкистской Социалистической партии и существует уже более 40 лет; партия издает газету, но не печатает рекламы и не имеет спонсоров; в ее славной истории – такие акции как поддержка советского вторжения в Венгрию в 1956 году; в Чехословакию – в 1968 и в Афганистан – в 1979-м. Эта партия приветствовала и исламскую революцию в Иране, и правительство Милошевича, уничтожавшее мусульман в Югославии. Непоследовательность ВРП – кажущаяся: для её лидеров приемлемо все, что вредит Соединенным Штатам.

Сегодняшняя ВРП исповедует северокорейский вариант марксизма – так называемое учение «чучхе»; она предана правительству Северной Кореи, Ким Чен Ир – ее вождь и учитель; день рождения Кима партия отмечала как большой международный праздник; в этот день, кстати, были проведены наиболее значительные митинги и шествия против войны в Ираке. Северная Корея в этом конфликте откровенно поддерживала Саддама Хусейна; считается, что деньги для «всемирных рабочих» идут из Пхеньяна или через него.

Официально в партии состоит около 200 человек; их штаб-квартира находится в Нью-Йорке; руководство партии не дает интервью и даже дозвониться до них непросто. Понятно, что 200 человек – это только верхушка айсберга; на самом деле, такие пацифистские организации как «Победить без войны» или «Международный центр действия» – филиалы Всемирной рабочей партии. Лидером, например,

«Международного центра» является – бывший министр юстиции США Рамсей Кларк.

По всей Америке под разными названиями действуют также небольшие группы, формально – независимые, фактически – ячейки ВРП; они связаны между собой, и, если в Вашингтоне, скажем, проводится очередное «мирное» мероприятие, бесплатное место в комфортабельном автобусе получит любой желающий в любой точке США; количество мест неограничено, автобусов у партии много, денег – тоже.

В Англии за мир борются коалиция «Остановим войну» и Мусульманская ассоциация Великобритании; они объединились в 2001-м году, сразу же после 11-го сентября. Центр коалиции – в Лондоне, в нем 20 человек, 10 из них – в штате и на зарплате; по всей стране действует более 300 различных групп пацифистов, большинство из них придерживаются леворадикальной идеологии. Именно здесь родилась идея «живых щитов»: желающим предлагалось поехать в Ирак, чтобы своим присутствием в школах или больницах воспрепятствовать американским бомбардировкам. Иракские власти предложили им защищать промышленные и военные объекты, и часть пацифистов вернулась домой.

15-го февраля в антивоенной демонстрации в Лондоне участвовало около 1 миллиона человек; члены Мусульманской ассоциации шли под антиизраильскими лозунгами; более многочисленная демонстрация борцов за мир состоялась только однажды – в 1938 году: тогда за мир с Гитлером выступило 1 миллион 200 тысяч человек.

Сторонники мира объединяются. В ноябре прошлого года во Флоренции состоялась международная встреча пацифистских групп; эту встречу финансировала организация «Европейский социальный форум»; потом пацифисты встречались в Бразилии; оплатил собрание уже «Всемирный социальный форум».

Вряд ли лояльные граждане, из лучших побуждений выступающие за мир во всем мире, представляют себе истинную сущность этого движения.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №18/358
за 5 – 11 мая 2003 года**

ИЗ ДВУХ ЗОЛ

Выгнав Саддама Хусейна, Соединенные Штаты взяли за израильско-палестинскую проблему; на их план урегулирования под кодовым названием "Дорожная карта" Израиль отреагировал сдержанно, но положительно; палестинская сторона – противоречиво: новый премьер-министр Палестинской автономии Махмуд Аббас провозгласил своей целью окончание войны и создание Палестинского государства; очередной взрыв в Тель-Авиве 30-го апреля и убийство израильтянина 11-го мая – реакция сил, принципиально отвергающих мир с Израилем; это – террористические организации, действующие на территории Палестинской автономии: "ХАМАС", "Исламский джихад", "Мученики Аль-Аксы", "Танзим" и многие другие.

Глава автономии и признанный лидер палестинцев Ясир Арафат более 40-ка лет возглавляет борьбу с Израилем и, как это часто бывает, объявленная цель – создание независимого государства – давно превратилась для него в средство, с помощью которого он манипулирует общественным мнением и удерживает власть в своих руках. Террористическими группами он не командует, он с ними взаимовыгодно сотрудничает; в свою очередь, террористы обеспечивают ему поддержку и послушание масс. Всю жизнь Арафат занимался террором и ничего другого делать просто не умеет; с возникновением государства он должен будет или переучиваться, или отказаться от власти; с учетом его возраста (73 года), второе гораздо вероятнее.

В 1993 году мирный процесс, завершившийся подписанием соглашений в Осло, вернул Арафата из Туниса, где он обосновался было после изгнания из Ливана. В Тунисе «раис» набрал себе новую свиту, оброс новыми заместителями и фаворитами. Тем временем, на территории Палестинской автономии функционировали старые боевые товарищи; для многих из них создание независимого государства оставалось делом, за которое они боролись всю жизнь; соответственно, они видели себя в будущем руководителями этого государства. Новое, вывезенное из Туниса, окружение Арафата, прибыв в Рамаллу, столицу автономии, столкнулось с откровенной оппозицией старых ополченцев и было немедленно названо "тунисской камарильей".

Палестинская администрация и полиция формировались из "тунисцев", местные люди оттеснялись на задний план; автономия превратилась в коррумпированную диктатуру; вторая интифада стала угрожать самому ее существованию.

Не желая обострять конфликт в своих рядах, Арафат приблизил к себе некоторых старых друзей; так, Махмуд Аббас стал генеральным секретарем исполкома Организации освобождения Палестины (ООП), несмотря на то, что являлся неофициальным лидером оппозиции. Под сильным нажимом Америки, к которой в этом вопросе присоединились Европейский Союз, ООН и Россия, Арафат согласился учредить должность премьер-министра и поделиться с ним властью.

Премьером стал Махмуд Аббас; он привел с собой в правительство 10 своих сторонников и даже отвоевал для одного из них, Мухаммеда Дахлана, должность министра безопасности. Это назначение считается очень важным: американцы и Израиль настаивают на прекращении палестинского террора, а Дахлан, человек влиятельный и жесткий, возможно, смог бы обуздать террористов. Именно этого Арафат и боится; он выступает против разоружения террористов, мотивируя это страхом перед гражданской войной, — объясние, таящее в себе замаскированную угрозу. В нарушение плана мирного урегулирования, Арафат организовал Высший совет национальной безопасности, который, по замыслу, должен подчинить себе остальные, близкие по функциям, службы, включая антитеррористические группы, тайную полицию, арафатовскую гвардию и, что самое главное, министерство внутренней безопасности Дахлана. Если эти планы реализуются, Арафат сохранит власть, террор не исчезнет, и надежда на мир будет благополучно похоронена.

Госсекретарь США Пауэлл при посещении Ближнего Востока 10-12-го мая не встретился с Арафатом, т.е. как политический партнер он больше не рассматривается.

Назвать палестинских оппозиционеров миролюбивыми демократами даже с большой натяжкой невозможно; они такие же террористы, как и арафатовские сторонники, и сам Махмуд Аббас обвиняется в организации убийства израильских спортсменов на Мюнхенской олимпиаде в 1972 году. Нельзя их упрекнуть и в излишней честности: если Арафат,

как сообщается, перевел в Париж на счета своей жены и дочери 5,1 миллиона долларов, украденных у автономии, то Аббаса подозревают в присвоении 70-ти миллионов. Но политическая линия у них разная: Аббас – сторонник мира с Израилем и создания палестинского государства прозападного образца; Арафату государство не нужно, ему нужна вечная война. Из двух зол, как известно, выбирают меньшее: Израиль и Америка сделали ставку на Аббаса.

План мирного урегулирования "Дорожная карта" рассчитан на три года; он предусматривает не только прекращение террора и насилия, но и нормализацию жизни палестинского народа, и эта задача может оказаться самой тяжёлой. Под "народом" многие понимают возбужденную толпу, скандирующую антиизраильские лозунги; именно эти кадры чаще всего появляются на экранах телевизоров. Между тем, среди палестинцев, как везде, есть самые разные люди; многие из них мечтают о нормальной спокойной жизни, но жизнь в автономии нормальной ни с какой точки зрения не назовёшь. В детских садах, школах и СМИ идет бесконечная антиизраильская и антисемитская пропаганда, культивируется философия ненависти и смерти, убийство и самоубийство. Безработица в некоторых местах достигает 60-ти процентов; оно и понятно: если все воюют, кто же тогда работает? Живет это население, большей частью, на средства, поступающие со стороны: из Ирана, раньше – из Ирака, Саудовской Аравии, Сирии; Европейский Союз отчисляет палестинцам каждый месяц 9 миллионов евро. Деньги частично разворовываются, частично идут на нужды террора; так называемому народу перепадает не много.

Изменить эту жизнь будет не просто; нужны не только рабочие места, нужны вкус и привычка к работе, учебе, благополучию; люди должны принять другую систему ценностей, можно сказать, иную культуру жизни. Быстро это не делается.

Выбора, однако, нет; именно в таких случаях появляется надежда.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №18/358
за 5 – 11 мая 2003 года**

ОТ РОБИН ГУДА ДО БЕН ЛАДЕНА

Современный терроризм называют международным, и это правильно: в дело террора вовлечен весь свет, группы его сторонников рассеяны по разным странам, и везде находятся люди, организации, иногда правительства, симпатизирующие террористам и даже готовые с ними сотрудничать. Слово «террорист», или, по-старому, «разбойник», раньше вызывало в сознании образ грязноватого бородача с дикими глазами; он прячется от людей и закона, живет в лесу и встреча с ним ничего хорошего не сулит. Его боятся.

Сегодня террористы в некоторых странах существуют почти легально; журналисты берут у них интервью; террорист Ясир Арафат вообще признан одним из самых прогрессивных общественно-политических деятелей и даже награжден Нобелевской премией мира. Правда, США уже отказались вести с ним переговоры о будущем Палестинской автономии, но Европейский союз по-прежнему любит его, как родного. Вид его соответствует пословице «Бог шельму метит», но, скажем, бен Ладен обладает впечатляющей внешностью и импонирующей, картинной манерой поведения; он мог бы сыграть в голливудском фильме роль сказочного халифа из «Тысячи и одной ночи»; возможно, его следовало вовремя отдать в хорошую театральную школу; карьера актёра и сопутствующая ей слава удовлетворили бы его тщеславие и мечты о завоевании мира. Какие бы важные события ни произошли в первой половине 21 века, одним из главных останется 11-е сентября 2001 года, а одной из наиболее заметных фигур – Усама бен Ладен, портреты которого украсят собрания исламистов будущего. В историю он уже вошел, и не всегда со знаком минус.

В странах ислама и Арафат, и бен Ладен – признанные лидеры и герои; но и западная прогрессивная общественность склонна частично оправдывать террор: суть дела, мол, в колониальной системе, в благополучии Запада, в существовании Израиля – эта причина часто выдвигается на первое место; в Европе антиамериканизм позволяет многим с терпимостью относиться к картинному буйству мусульман.

Собственно говоря, так было всегда и везде.

С XIII века и до наших дней любимым героем Европы остаётся Робин Гуд. В XI веке, во время завоевания Англии

норманнами, он возглавлял, по-видимому, один из партизанских отрядов, но известен стал не как борец с завоевателями – не за это мы его любим, – а как разбойник и защитник бедных людей от произвола властей. Бесчисленные народные песни и баллады повествуют о творимом им насилии, которое никого не смущает – напротив, встречает понимание и даже восторг. Сегодня с ним в народном признании может соперничать разве что Че Гевара, международный террорист, бродячий рыцарь революции, агитировавший в 60-е годы XX века за ядерную войну с «капиталистами». Ни одна «левая» сходка в мире не обходится без его портретов.

Все такого рода герои, покоровшие в разные времена мир, независимо от того, легально (Сталин, Гитлер, Саддам Хусейн) они действовали или нелегально, соответствуют некоей вечной человеческой потребности в жестоком и решительном лидере, в том самом барине, который наведет правый и скорый суд. Главное – скорый, т.е. без бюрократических проволочек, длинных рассуждений и расследований, без всего того, что малопонятно, кажется ненужным и сильно раздражает; справедливость, по убеждению многих, очевидна и не требует доказательств; наоборот: то, что требует доказательств, подозрительно и, скорей всего, несправедливо. Долгое разбирательство нудно и утомительно, а скорый суд – это праздник чувств, бунт против рационализма и всяческого житейского занудства; он вызывает радость, и радость эту хочется длить и повторять. Недаром бен Ладен со товарищи так смеялись после удачного налета на Нью-Йорк, а палестинцы в этот день праздновали на улицах и раздавали детям сладости: дети на всю жизнь запомнят, что скорый суд, убийство и самоубийство связаны со сладостью во рту, с радостью всего организма, который в ответ на съеденное выделяет гормоны счастья.

Опросы общественного мнения показали: не только в странах ислама, но и в Европе террористы пользуются симпатией: до и после Второй мировой войны – коммунисты, в 60-70-е годы – члены «Красных бригад»; сегодня, например, каждый пятый итальянец симпатизирует бен Ладену.

Террористические организации сосуществуют с обществом, часть которого по разным соображениям их поддерживает. Эти соображения условно можно было бы разделить

на материальные и идеологические, хотя четкой грани между ними нет. Иран, который, по утверждению американской разведки, укрывает некоторых руководителей «Аль Каиды» и финансирует террористическую группировку «Хизбалла», укрепляет таким образом свое политическое влияние в регионе. «Хизбалла» («Партия Бога» по-арабски) не только обстреливает Израиль с территории Ливана, она строит школы и больницы, имеет свой тренировочный лагерь, а ее лидер, шейх Насралла, избран уже депутатом ливанского парламента. Еще немного, и террористы получат свою страну – Ливан и будут править в ней ничуть не хуже, чем талибы в Афганистане. Исторические параллели – вещь соблазнительная и опасная, но неизбежная. Советская Россия уже в 1919 году, невзирая на гражданскую войну, голод и разруху, организовала в разных странах мира большевистские ячейки. Той же дорогой идет и Иран, активно распространяющий фундаменталистский ислам по всему свету; цель – завоевание государств и превращение их в исламские республики. Поэтому борьба с терроризмом заранее предполагает войны с различными государствами, теми, где террористические группы уже у власти, как это было в Афганистане, или активно поддерживаются существующими там режимами.

Террористические организации закупают оружие у легальных поставщиков, внедряются в незаконную продажу золота и алмазов, сотрудничают с мафиями, коррумпированными государствами и организациями; так, в Америке был арестован руководитель Международного благотворительного фонда («Benevolence International Foundation»): он обманывал жертвователей, говоря им, что переправляет деньги для сирот и больных, а на самом деле отсылал их «Аль Каиде». Террористы продают и покупают наркотики, отмывают деньги и участвуют через подставных лиц в совершенно законных операциях. Разведки различных стран пытаются отслеживать их ходы, но далеко не всегда преуспевают: слишком много заинтересованных лиц втянуто в эту глобальную игру. С учетом всех причин, скорой победы в борьбе с террором не предвидится.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №22/362
за 2 – 8 июня 2003 года**

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) недавно отметила свое 140-летие; она была организована в 1863 году и называлась тогда «Всеобщий немецкий рабочий союз». Партия прошла в свое время естественный для социалистов период увлечения марксизмом; в её программе до сих пор критикуется капиталистический способ производства, который, по мнению членов СДПГ, вызывает, «зависимость вместо свободы, эксплуатацию вместо равенства, обострение классовых противоречий – вместо братства».

Как видим, идеалы немецких социалистов – свобода, равенство и братство; они взяты из времен Великой французской революции, когда все были равны – главным образом, перед гильотиной. Программа косвенно призывает к революции: «...обновления капитализма недостаточно, – сказано в ней, – необходим новый экономический и общественный строй».

Осуществить марксистскую революцию немецкие крайне левые в последний раз попытались в 60-70-х годах прошлого века; с тех пор их практика вполне легитимна и, как долго считалось, успешна. Ирония судьбы состоит в том, что именно социалистам приходится сегодня бороться за новый революционный курс – возвращение к капитализму.

Происходит это оттого, что они у власти; будь СДПГ в оппозиции, она по-прежнему агитировала бы за социальное государство и доказывала бы лозунгами и митингами необходимость расширения, а не свертывания социальных программ. Но у правящей партии другие обязанности и соответственно другие лозунги: сегодня обновления капитализма и в самом деле недостаточно, «надо иметь мужество к изменениям» (слова Шредера); специалисты единогласно рекомендуют капитализацию экономики, и канцлер должен выбирать: уйти в отставку и продолжать бороться за социализм или остаться на своем месте и попытаться совместить социалистическую фразеологию с капиталистической практикой.

Он выбрал второе.

Реформы, предлагаемые правительством, очень осторожны: скажем, платить пособие по безработице не в течение 32 месяцев, а максимум полтора года; сумму пособия уменьшить; плату за лечение частично возложить на самих

больных; ослабить защиту от увольнения. Можно сказать, что общество на предложения правительства отреагировало неадекватно: раскол в партии, резкое противодействие профсоюзов, недовольство граждан. Рейтинг социалистов, а с ними и канцлера, и прежде низкий, упал до 25%; мало кто верит, что нынешняя власть способна вывести страну из кризиса; при этом под кризисом многие понимают неспособность решить экономические проблемы без ущерба для уровня социальной защиты (а это, по мнению специалистов, и в самом деле невозможно). Общественность ставит перед канцлером заведомо невыполнимую задачу; это значит, что она живёт утопическими представлениями о реальности – что, кстати, недавно подтвердилось и в связи с иракским кризисом.

С другой стороны, протесты оправданы: 140 лет социалисты твердили о возможности создать процветающее общество с очень высоким уровнем социальной защиты, и послевоенные Германия, Швеция, Франция эту теорию вроде бы реализовали. Правда, те же дотошные специалисты находят, что европейский социализм всегда держался на долгах, общество жило не по средствам и в конце концов подошло к неминуемому банкротству. С учеными спорить трудно; часть социалистов с ними согласилась, внимая неоспоримым доводам науки и своей карьеры, которая лопнет, если не вступить на тропу войны с собственной практикой и идеологией; Это относится, в первую очередь, к правительству. Но рядовые граждане, жизнь и благополучие которых напрямую зависят от социальных благ, напуганы грядущими переменами; профсоюзам реформы грозят утратой власти; часть истинно верующих членов СДПГ испытывают шок от происходящих в партии перемен.

Официально в Германии сейчас 4,5 миллиона безработных; на самом деле – около семи; многие не регистрируются на бирже труда; они работают «по-черному»; это выгодно и работникам, и работодателям, которые не платят налогов и страховок за своих служащих. По статистике, каждый пятый безработный в Германии не хочет устраиваться на работу; пособие плюс какой-нибудь мелкий джоб дают возможность вполне прилично жить. Государство, таким образом, не только недополучает огромные суммы налогов, но еще содержит и лечит истинных и мнимых безработных.

Компенсировать потери страна пытается через высокие налоги с дохода и оборота; в ответ на это предприниматели закрывают свои гешефты или переводят их (и деньги) в другие страны, где рабочая сила дешевле, а налоговая система – более льготная. В прошлом году в Германии объявили банкротство 37 тысяч предприятий; чтобы активизировать экономику, нужно снижать налоги и создавать более свободный рынок труда, а главное – освободиться от гигантских затрат на содержание социальных служб и вынудить граждан проявлять собственную инициативу в поисках и создании рабочих мест. А государство не должно мешать и вмешиваться. Короче говоря, надо иногда брать пример с Америки, вводя принципы капиталистической экономики.

Канцлер, с одной стороны, клянётся и божится, что он вовсе не собирается разрушать завоевания социализма; с другой, не скрывает от граждан, что промедление смерти подобно: в один прекрасный день может прекратиться выплата пенсий и покрытие медицинских услуг; многие понимают, что половинчатые реформы нынешнего правительства – это только начало, начало конца социального государства.

Касаются эти перемены не одной Германии; то же самое происходит и в других странах с социалистической экономикой – от Франции до Израиля; и везде общество кипит и пенится от возмущения, и профсоюзы объявляют забастовки, а правительства, независимо от политической ориентации, вынуждены проводить непопулярные реформы.

Пришло время управлять без оглядки на идеологию, ибо идеологизация экономики ведёт к коллапсу. Возникает впечатление, что привычное деление на «правых» и «левых» доживает свой век; на смену им приходит прагматизм, что и было зафиксировано на чрезвычайном съезде СДПГ.

подавляющее большинство делегатов поддержало курс реформ «Агенда-2010». Было бы уместно внести изменения в программу партии и выбросить тезис о необходимости **нового** экономического и общественного строя: капиталистическая экономика, к которой «имеют мужество» призывать социалисты, – это хорошо (за 140 лет!) забытое **старое**.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №23/363
за 9 – 15 июня 2003 года**

АНТИГЛОБАЛИСТЫ

В конце мая – начале июня этого года во французском городе Эвиане, на берегу Женевского озера, состоялось заседание так называемой «большой Восьмерки», т.е. глав восьми промышленно развитых стран. Подготовку к встрече и ее ход широко комментировали мировые СМИ; ничуть не меньшее внимание привлекли сопровождающие ее беспорядки: более 100 тысяч так называемых антиглобалистов съехались на франко-швейцарскую границу, перекрыли все возможные подъезды к Эвиану и оккупировали улицы Женевы и Лозанны. Полиция приняла соответствующие меры: витрины банков, международных организаций, ресторанов заколотили досками или опутали колючей проволокой; служащих, по возможности, отправили в отпуска; подземные автостоянки замуровали; школы закрыли; скульптуры и памятники оклеили липкой лентой; с улиц убрали все, чем можно разбить витрины: автоматы, мусорные и почтовые ящики; вокруг города Эвиана расположились войска. В воздухе кружили вертолеты. Принимая во внимание крайне левый характер движения, оставшимся на работе банковским служащим рекомендовали одеться попроще и не носить галстуков (может, и очков?) – совсем, как во время Октябрьской революции в России, не к ночи будь сказано!

После крушения коммунизма и Советского Союза в мировом социалистическом движении образовался некоторый идейный и финансовый вакуум; крайние левые оказались не у дел, отчего в их рядах возникло понятное беспокойство: следовало бурно протестовать, но против чего? Повод вскоре нашелся.

В 70-е годы XX века экономисты и политики с тревогой заговорили о слаборазвитых государствах, бывших колониях. Обретя независимость, эти страны превратились в мировой рассадник терроризма, эпидемий и нелегальной эмиграции в Европу. Тогда же лауреат Нобелевской премии, американский экономист Джеймс Тоббин предложил облагать налогом в 1% все перемещения капиталов за пределами национальных границ, а полученные деньги потратить на развитие бедных государств. Экономисты возражали: это затормозит перемещение капиталов и вызовет кризис мировой экономики; для бедных стран это станет катастрофой.

Но многим идея понравилась; особенно вдохновляла цель – помощь бедным; она идеально вписывалась в вековечный кодекс искателей абсолютной справедливости. Коммунисты, крайне левые, анархисты и просто хулиганы объединились в движение антиглобалистов, основанное на привычной для левых критике капитализма; его теперь предлагалось не упразднить, а лишь усовершенствовать, закрыв именно Международный валютный фонд и Всемирный банк. Главным врагом по-прежнему остались США и промышленно развитые страны, точнее, свободные страны, потому что в несвободных странах такие движения невозможны по определению.

Основные организации антиглобалистов – это международное объединение «АТТАК», «Антикапиталистическая конвергенция», «Мобилизация за глобальную справедливость», «Глобальные акции народов», «Восстанови улицы» и некоторые другие; названия свидетельствуют о том, что антиглобалисты, сами того не замечая, следуют как раз мировой тенденции глобализации, против которой они так шумно протестуют. Деятельность интернациональных корпораций – таких, как Макдональд'с, Найк, Леви'с или Нестле – объект их постоянных нападков. А поскольку эти международные фирмы не закрываются, а напротив, функционируют и ежегодно собираются для обсуждения текущих проблем, то и антиглобалисты всегда при деле: с 1994 года уличные беспорядки и погромы стали привычным сопровождением всех международных форумов.

Любое массовое движение состоит, главным образом, из людей, очень поверхностно понимающих суть привлекшей их идеи; но всегда есть лидеры и теоретики, для которых это – работа, возможность быстро прославиться и сделать карьеру. Лучший пример тут – Йошка Фишер, пришедший в большую политику буквально с улицы. В движении антиглобалистов участвуют также отставные политики-социалисты, например, бывший премьер-министр Португалии Марио Суареш или Верховный комиссар ООН по делам беженцев Мери Робинсон. Есть у антиглобалистов и свой теоретик, это канадская журналистка Наоми Клейн, выпустившая в 2002 году книгу «Нет логотипу»; под логотипом имеются в виду символы товаров и фирм; они используются в рекламе и понятны всем людям в мире.

По мнению независимых специалистов, следует направлять и расширять глобализацию, то есть естественный процесс объединения мировой экономики; открытые границы, дешевая рабочая сила и низкие налоги привлекут в бедные страны инвесторов; они будут строить там свои предприятия, что выгодно всем: бизнесмены получают деньги, местное население работу, страна – налоговые отчисления; Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк и Всемирная торговая организация (ВТО) координируют и, по мере надобности, финансируют развитие третьего мира. Но именно дешевая рабочая сила, зарплаты, несопоставимо низкие по сравнению с доходами предпринимателей, возмущают антиглобалистов и заставляют их говорить о несправедливости и эксплуатации; они исходят при этом из представления о существовании некоей абсолютной справедливости, из теорий, бесконечно далеких от жизни. Ибо в реальной жизни инвесторы не станут вкладывать деньги в малоприбыльный бизнес; в результате часть населения бедных стран не получит никаких, даже низких, зарплат, а страна – налогов; школы, больницы и дороги станут еще хуже; кому от этого будет лучше?

Не меньше, чем эксплуатация, шокирует антиглобалистов реклама. Прибыль фирм от рекламы представляется им чем-то поистине дьявольским; фирменные значки и товары, любимые и признанные во всем мире, вызывают протест и обвинения в манипуляции общественным мнением. Разумеется, такой эффект у рекламы есть; но как без рекламы сориентироваться в огромной массе разнообразных товаров, ежедневно выбрасываемых на рынок? Как разумно и рационально осуществить конкуренцию между фирмами? Как повысить доходы промышленников, а с ними и стремление расширить производство, создать новые рабочие места, поднять зарплаты работникам и отчисления в казну?

На эти и множество других вопросов антиглобалисты не отвечают; они вообще не рассуждают; они критикуют, маршируют и громят; позиция очень удобная в демократическом обществе и для многих достаточно убедительная.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №24/364
за 16 – 22 июня 2003 года**

СМЕРТОНОСНЫЕ: МИФЫ

Все попытки мирного урегулирования израильско-палестинского конфликта до сих пор оказывались безуспешными; большинство обозревателей возлагает за это вину на Израиль; с приходом к власти правительства Ариэля Шарона, агрессивность Израиля стала для многих, особенно, в Европе, аксиомой, т.е. утверждением, не требующим доказательств, что само по себе очень привлекательно. На этом фоне террор, которым отвечали палестинцы на разнообразные мирные предложения, выглядел естественным и справедливым: а как еще разговаривать с агрессорами?

Нетрудно заметить, что отношение к Израилю в этой ситуации копировало антисемитский стереотип прошлых веков, когда виновность евреев для большинства европейцев была настолько очевидна, что не требовала доказательств; а жестокое обращение с ними представлялось необходимым и желательным.

Израиль обычно отвечает на террор различными силовыми акциями: нападениями на палестинские военные лагеря, бомбежкой стратегически важных объектов, уничтожением отдельных террористов, разрушением их домов, перекрытием границ с Палестинской автономией – эта последняя мера не только мешает успешно убивать израильтян, но и лишает палестинцев работы, что, разумеется, не гуманно.

Мировая общественность, сдержанно осуждая взрывы, в целом относится к палестинскому террору с пониманием и сочувствием; израильские контрмеры сочувствия не вызывают, напротив, они вызывают осуждение, тем более, что при этих акциях часто гибнут мирные жители, случайно или намеренно оказавшиеся в опасном месте. Мир сходится на том, что Израиль не должен реагировать на убийства своих граждан палестинцами, но зато должен в ответ на террор держать границы открытыми и обеспечивать палестинцев работой, параллельно создавая для них отдельное независимое государство со столицей в Иерусалиме. Попытки объяснить, что в Палестинской автономии действуют террористические организации, цель которых – не создание палестинского государства, а уничтожение Государства Израиль, до сих пор успеха не имели; даже Палестинская хартия, в которой эта цель обозначена черным по белому, никого не

убеждает. От Израиля требовали, чтобы он вел себя так, как вели себя в течение долгих веков евреи в европейских и российских гетто при погромах: молча терпели или убегали, но ни в коем случае не сопротивлялись. Любое сопротивление со стороны евреев, особенно, если при этом страдают погромщики, вызывает справедливое возмущение правительств и общества в разных странах. И даже тот очевидный факт, что Израиль – способное защитить себя независимое государство, а не бесправное и безоружное еврейское гетто, ничего не меняет; как говорится, тем хуже для факта.

Известно, что труднее всего воспринимается правда, потому что она слишком часто не совпадает с нашими желаниями; в таких случаях на помощь приходит миф. Греческое слово «миф» означает «предание» или просто «выдумка», но выдумка, принятая людьми и ими любимая. В данном случае многие, особенно так называемая «прогрессивная» часть общества, не в состоянии отделаться от своего собственного выдуманного представления о евреях. Победы Израиля в войнах, развязанных арабскими соседями, сопротивление Израиля террору – все это вызывает в мире шок, потому что ломает любимый миф о трусливом, неспособном защитить себя еврее.

Миф действует часто наподобие компьютерного вируса: распространяется и начисто меняет содержание реальных событий, сохраняя их формальные рамки. В качестве примера уместно рассмотреть событие, признанное причиной и началом израильско-палестинского конфликта – оккупацию Израилем территорий на Западном берегу реки Иордан и сектора Газы в результате Шестидневной войны 1967 года. Сегодняшние европейские СМИ, не забывая обвинять Израиль в захвате «палестинских» территорий, деликатно умалчивают о том, что эти территории никогда не были палестинскими; что причиной оккупации стали постоянные войны арабских соседей против Израиля; журнал «Der Spiegel» писал однажды, что история конфликта началась с занятия территорий, следовательно, Израиль – оккупант, а это уже приговор, не подлежащий обжалованию. (На самом деле, и это суждение – не более чем миф; иногда оккупация полезна и необходима; как, например, оккупация союзниками побежденной Германии).

Занятые Израилем в 1967 году территории принадлежали Иордании (Западный берег и Восточный Иерусалим) и Египту (полоса Газы); в дальнейшем обе страны отказались от этих земель в пользу палестинских арабов (ведь и евреи – палестинцы!); причиной был не гуманизм и не национальная солидарность: эти территории превратились в место бесконечных внутренних и внешних конфликтов; благоразумнее было от них вовремя отгородиться.

Оккупация территорий Израилем преследовала разные цели; главным в то время представлялось отодвинуть подальше границы со своими «миролюбивыми» соседями, которые отказывались признать еврейское государство и постоянно развязывали войны, откровенно желая его уничтожить; в более долгосрочной перспективе, когда соседи, даст Бог, угомонятся, Израиль предполагал вернуть им территории в обмен на мир и дипломатическое признание.

Впоследствии именно так было с Египтом, которому Израиль вернул захваченный в той же войне Синай, ликвидировав созданные там поселения. Попытка изобразить Израиль откровенным агрессором, ни с того ни с сего захватившим территории соседних стран, есть, мягко говоря, миф, а точнее – ложь; арабские беженцы (по разным оценкам, от 200 до 700 тысяч) бежали с территории Израиля во время Войны за независимость, навязанной Израилю арабскими странами в 1948 году; не будь этой войны, не было бы и беженцев. Они осели на границах Израиля в лагерях беженцев потому, что не были приняты арабскими странами, хотя места в этих странах хватало. Из 100 миллионов беженцев Второй мировой войны они были единственной группой, не принятой собственным народом.

Изложенное выше – капля в море ближневосточной мифологии; вред, приносимый ею, неисчислим; Израиль теряет доверие к международным организациям; палестинские террористы, чувствуя поддержку со всех сторон, продолжают свои кровавые забавы. Пока лидеры, ответственные за мир в регионе, не найдут в себе мужества трезво оценить конфликт, все попытки его решения будут обречены на неудачу.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №25/365
за 23 – 29 июня 2003 года**

ЕВРОПА ОПЛАЧИВАЕТ ПАЛЕСТИНСКИЙ ТЕРРОР?

Американский план ближневосточного урегулирования «Дорожная карта», принят всеми, кто претендует на влияние в мире, в том числе и Европейским Союзом; выступить опять против Америки, борющейся на этот раз за мир, Европе было бы неудобно. Между тем, этот план не сулит ей никаких дивидендов.

Реакцией на «Дорожную карту» стали, как всегда, взрывы, ответственность за которые взяла на себя палестинская террористическая организация «ХАМАС»; Израиль ответил военной акцией; обычно в таких случаях Европа страстно жалеет палестинцев и обвиняет Израиль в нежелании заключить мир. В этот раз правила игры были нарушены: против мира с Израилем откровенно выступили сами палестинские террористы; более того, они отказались и от предлагаемого им государства и провозгласили борьбу с Израилем до победного конца. Мировая прогрессивная общественность, так долго боровшаяся за право палестинского народа на свою страну, осталась с носом: как говорится, за что боролись, на то и напоролись. Представитель ЕС по внешней политике и безопасности Хавьер Солана заявил, что Евросоюз собирается рассмотреть вопрос о прекращении финансирования группировки «ХАМАС»; слова Соланы можно считать признанием в том, что ЕС помогает террористам и продолжает платить им пособия. Это и есть первый результат «Дорожной карты».

Европа долгие годы поддерживала Палестинскую автономию политически и финансово; официально целью этой поддержки было создать там «открытую плюралистическую информационную систему и тем самым – демократическое палестинское общество». Именно на европейские деньги было создано палестинское телевидение: отстроены помещения, студии, кантина, куплена техника. ЕС оплачивал курсы повышения квалификации палестинских журналистов; даже восстановление здания после израильских бомбежек было возмещено Брюсселем. Не интересовало Европу только одно: какую пропаганду ведут с ее благословения палестинские СМИ. Одна из передач этого телевидения выглядела следующим образом: «Мы верим в победу Аллаха, –

сказал, выступая перед слушателями, шейх Ибрагим Мадж (Ibrahim Madh). – Мы верим, что когда-нибудь мы завоюем Иерусалим, Яффо, Хайфу, Рамле, Лод и всю Палестину, как Аллах это нам завещал. Каждый, кто в эти дни не разделил мученичество, должен проснуться в полночь и спросить себя: почему Бог не дал мне стать мучеником?», т.е. террористом-самоубийцей. В другой передаче правоверный мусульманин возносит молитвы к небу: «О Аллах! – просит он, – уничтожь евреев и их помощников!».

Западные обозреватели давно уже пишут о том, что не только религиозная, но и политическая элита вокруг Ясира Арафата преподносит в СМИ войну против Израиля как вечную задачу с одним единственным решением: сбросить евреев в море; мирные соглашения рассматриваются ими как тактические уловки и промежуточные стадии, этакий отдых и накопление сил перед следующим боем. Все это называется в Европе свободой палестинской правительственной прессы.

Точно так же свободны палестинцы и в воспитании подрастающего поколения; после соглашений в Осло в 1993 году ЕС выделил автономии на школьное дело более 330 миллионов евро и, можно сказать, взял его в свои руки: школьные здания, учебники и их содержание, даже комиссия по написанию и проверке учебников – все поддерживается Брюсселем; шесть европейских государств под руководством Италии финансируют печатанье книг и учебных пособий. Результат впечатляет: Государство Израиль в этих книгах и на географических картах отсутствует, его как бы нет в природе; его территория обозначена как «зеленая линия» или «страна-1948», построенные Израилем города, скажем, Тель-Авив, не упоминаются; ничего не говорится и о возможном мире с Израилем; наличие евреев в регионе признается, но только в глубокой древности; их нынешнее присутствие называется «инфильтрацией»; прямого призыва к терроризму нет, но «мученики» прославляются всячески.

Европа относится серьезно к своей просветительской миссии в Палестине; на это выделено 4,1 миллиарда долларов от Евросоюза, не считая пособий от арабского мира и отдельных стран всех континентов. Деньги эти идут на строительство аэропорта, больниц, содержание полиции, учителей и государственных служащих Арафата. Один из этих

служащих – глава террористической организации «Танзим» Маруан Баргути – обвиняется Израилем в убийстве 26-ти человек. Зарплату служащим Арафата платит Евросоюз.

С июня 2001 года часть «гуманитарной помощи» – 10 миллионов евро в месяц – стала поступать прямо в бюджет автономии; эти деньги были немедленно использованы по назначению: через три месяца, в октябре 2001 года, израильская разведка засекала в Красном море подозрительное грузовое судно; оно пришло из Ирана и оказалось битком набитым оружием в количестве, достаточном для вооружения небольшой армии: ракеты с радиусом действия до 20 км, гранаты, противотанковое оружие, пулеметы, мины и 2200 кг взрывчатки – для трехсот самодельных бомб. Оружие направлялось в полосу Газы; получатель – руководство автономии; приказ о покупке оружия исходил от Арафата. Все это рассказал журналистам капитан корабля.

Примеров такого плодотворного сотрудничества Ясира Арафата с Европейским Союзом много. 6 мая 2002 года израильский премьер Ариэль Шарон передал Евросоюзу 100 страниц «Документов Арафата», изъятых из канцелярий раиса; они однозначно свидетельствовали о том, что палестинские лидеры являются руководителями и инициаторами террора против Израиля. Комиссар ЕС по внешним связям Крис Паттен (Chris Patten) отреагировал мгновенно: 7-го мая он написал письмо министру иностранных дел ЕС. Эти документы, писал он, «никоим образом не подтверждают подозрение, что европейские деньги используются для финансирования террора». Некоторые депутаты Европарламента пытаются время от времени поднять и разъяснить это скандальное дело, но всякий раз натываются на скупые бессодержательные отговорки типа: «мы помогаем, но не проверяем, на что тратится каждый цент» или: «если мы строим водопровод, мы не можем террористам ХАМАСА запретить получать воду». Крис Паттен ещё и хвалит свою работу – особенно «строгий механизм европейской помощи (палестинцам) и последующего контроля». Ну, насчет контроля это он зря: ведь похоже, Европа прекрасно знает, на что идут ее денежки, и ничуть против этого не возражает.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №26/366
за 30 июня – 6 июля 2003 года**

ПРОБЛЕМА ПОСЛЕДНЕЙ РУБАШКИ.

Христианская притча гласит, что наивысшим гуманизмом и добротой будет отдать не одетому свою последнюю рубашку. Нетрудно заметить, что при этом один из двоих все равно остаётся голым и актом доброты проблема не снимается; она может даже усложниться, если, не дай Бог, оба участника акта окажутся одинаково добросердечными: получив одежду и увидев своего благодетеля мерзнущим, второй захочет ему злополучную рубашку вернуть, ведь у того она тоже последняя! Оба они будут просто обречены вечно пихать друг друга захватанную тряпку, оставаясь безукоризненно благочестивыми, но – голыми, – от трагического до смешного, как известно, всего один шаг. Если считать этих двоих с одной рубашкой малой группой, или, что то же, обществом, нетрудно понять, что для пользы дела и граждан доброту желательно сочетать с благоразумием, иначе неимущими станут все. Куда плодотворнее было бы отдать бедняку рубашку не самую последнюю, а еще лучше добавить к ней лопату или иное другое орудие производства, чтобы он мог и согреться, и заработать себе на хлеб: как говорят практичные люди, подари голодному сначала рыбу, а потом удочку. Возможно, глубинный смысл притчи состоит именно в этом, а вовсе не в призыве к бездумному гуманизму, как это понимается большинством.

Рассматривая в Салониках 19-20 июня этого года вопрос иммиграции в Европу, члены ЕС решали вечную проблему с рубашкой. Все послевоенное время Европа, терзаемая чувством вины перед бывшими колониями, принимала всех, жаждущих здесь навеки поселиться; влиятельные левые партии своей пропагандой ввели гуманизм в моду, массы людей следовали ему бездумно, что определяло результаты выборов и государственную политику. Даже консерваторы до поры до времени одобряли этот курс, от которого была и безусловная выгода: тяжелая грязная работа доставалась выходцам из стран третьего мира; страна, принимающая иммигрантов, приобретала репутацию передовой и прогрессивной, что для Германии, скажем, и до сих пор чрезвычайно важно.

В последние годы прошлого века всем стало ясно, что иммиграционная политика нуждается в пересмотре, в одних

странах по причине собственной безработицы, в других – из-за напряженной криминальной ситуации, и везде – из-за непомерных социальных выплат, в том числе и беженцам. Рубежом стало 11 сентября 2001-го года; оказалось, что под видом несчастных беглецов или обеспеченных студентов в Европу приезжают члены мусульманских террористических организаций; чувствуют они себя здесь, как дома, ввиду неограниченного кредита доверия со стороны местных властей. Настроения в обществе изменились; тотальный гуманизм сменился осторожной рассудительностью, власти получили некоторую возможность контролировать и даже пресекать иммиграцию нежелательных персон. В ответ на ужесточение правил въезда увеличилась нелегальная иммиграция; корабли с беженцами из стран Африки и Ближнего Востока стали для Европы настоящим испытанием: что делать с истощенными, измученными людьми, отдавшими последние гроши за то, чтобы попасть в золотую Европу? И что делать с теми, кто уже здесь живет и ждет решения своей судьбы? И как совместить все сегодняшние проблемы с Женевской конвенцией о беженцах, принятой полвека тому назад и пока не пересмотренной, хотя ситуация в мире с тех пор сильно изменилась?

Самое же главное состоит в том, что Европа стремительно объединяется; через год ее население составит уже 450 миллионов человек, цифра, вызывающая одновременно и гордость, и тревогу – новые страны принесут с собой не только экономический потенциал и возможную политическую поддержку Брюсселю, но и свои проблемы, и неизвестно еще, что перевесит. Ясно, что великое переселение народов начнется внутри континента, и иммиграция из далеких экзотических стран окажется для Европы непосильной нагрузкой, от которой желательно избавляться уже сейчас; ясно также, что восточноевропейцы, в большинстве своем люди западной цивилизации и христиане, часто владеющие хотя бы одним из европейских языков, легче адаптируются к новым условиям, чем их африканские или иные братья. В связи с этим решено организовать банк данных о лицах, подавших заявления на иммиграцию в ЕС, мера, подсказанная жизнью, так как многие беженцы приезжают в Европу не только без документов, но как бы с полной потерей памяти: они "забывают" не только город и страну исхода, но даже своё

имя; депортировать такого человека просто некуда; к тому же денег у него нет, в пути он не ел, не пил, еле выжил, в общем, рятуйте, православные! С помощью банка данных предполагается несколько упорядочить процедуру приема беженцев; вводится также усиленный контроль европейских границ и депортация нелегалов в страны их проживания; отпечатки пальцев помогут выявлять фальшивые визы на въезд в ЕС; на все это выделено пока 140 миллионов евро.

В парламентской комиссии ЕС по вопросам иммиграции большинство принадлежит «зеленым» и либералам; они предлагают давать разрешение на рабочую визу в Европе в том случае, если в течение 4-х недель на данное место не нашлось претендентов среди жителей ЕС или проживающих здесь нелегалов, которым разрешается подавать заявление на статус иммигранта; все это будет стимулировать незаконную иммиграцию, что нежелательно. Англия поэтому предложила для желающих въехать в Европу организовать лагеря в странах их проживания, где они могли бы находиться, пока решается их вопрос; это позволило бы избежать напряжения в Европе, где бунты и голодовки нелегалов время от времени сотрясают и разделяют общество.

В конце концов проблема нелегальных беженцев решится естественным ходом вещей, с помощью глобализации; миграция западных предприятий в страны Третьего мира удержит массу народа на месте, даст людям работу и зарплату – ту самую удочку, с которой они сами добудут себе пропитание. Западные страны будут принимать либо политических беженцев, либо нужных им специалистов; Германия, например, при безработице в 4,6 миллиона человек, ощущает острую нехватку в высококвалифицированных специалистах; свои часто покидают страну и уезжают в далекие края, вроде Америки или Австралии, где можно быстрее сделать карьеру и платить более низкие налоги. За последние 10 лет, говорят статистики, в Германию въехало на 3,6 миллиона больше людей, чем ее покинуло; почти каждый 11-й житель страны – иностранец. Старая иммиграционная политика плоха тем, что не помогает решить актуальные проблемы ни беженцев, ни страны, их приютившей.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №28/368
за 14 – 20 июля 2003 года**

КОГО СЕГОДНЯ ТРАВИМ?

Немецкие СМИ описывают скандал с итальянским премьер-министром следующим образом: нехороший человек Сильвио Берлускони в первый же день работы Европарламента устроил прилюдный скандал и оскорбил немецкого представителя; его министры, подхватив эту перспективную тему, облили грязью уже всех немцев; канцлер Шредер отменил свой отпуск в Италии и патриотично остался дома, в Ганновере. Схема простая и хорошо знакомая, однако стоит присмотреться к событиям внимательнее.

Активная травля Сильвио Берлускони началась более двух лет тому назад во время итальянской предвыборной кампании; на место премьер-министра претендовал, кроме Берлускони, Рикардо Илли, красавчик и лидер Демократической партии левых сил, бывших итальянских коммунистов (ИКП); в 1991 году, в связи с крахом коммунизма, они перестали получать деньги из Москвы и срочно трансформировались в демократов. Итальянская коммунистическая партия – крупнейшая в Европе – насчитывала к тому времени 1 миллион 700 тысяч членов; при сильном влиянии на общество, она не обладала реальной властью, к которой десятилетиями рвались ее лидеры. Все напряжение, накопившееся в партии за 70 лет классовой борьбы (ИКП была создана в 1921 г.), Рикардо Илли использовал против Сильвио Берлускони: в предвыборной кампании, а затем, после проигрыша, – в постоянных, но пока бесплодных попытках свалить ненавистного соперника.

Соперник, т.е. Сильвио Берлускони, представляет собой весьма благодарный объект для травли: в политике откровенно «правый», самый богатый человек Италии, из семьи очень скромного достатка (его отец был банковским служащим), он, со своими вульгарными манерами, позёрством и отсутствием надлежащей выдержки, вполне соответствует классическому образу нувориша. Его богатство раздражает, внушает подозрение в контактах с мафией и в нарушении финансовых законов; его государственная деятельность и желание защититься от возможных юридических преследований возбуждает охотничий инстинкт в стане его врагов. Врагов у него много, и не только в Италии. Немецкие масс-медиа буквально преследуют итальянского премьера,

который с 1-го июля в порядке ротации стал на полгода председателем Европарламента; это вызвало уже настоящую истерику; журнал «Der Spiegel» № 27 за этот год вышел с портретом Берлускони на обложке и подписью «Крестный отец – теперь уже для всей Европы». Пожалуй, в хладнокровии и выдержке немецких журналистов тоже не упрекнешь. Если вспомнить, что многие европейские лидеры, включая Ширака и Коля, подозреваются в незаконных финансовых операциях, то возня вокруг Берлускони несколько удивляет истораживает; к тому же личность он незначительная и на роль злодея явно не тянет; предложенные им для Италии экономические реформы очень близки к шредеровским, а стремление быстро принять европейскую конституцию разделяется и Парижем, и Берлином, так же как и желание к 2010-му превратить Европу в самый конкурентоспособный регион мира.

Выступление Сильвио Берлускони в Европарламенте 2-го июля неоднократно прерывалось аплодисментами и было в целом всеми одобрено, особенно по части внутренней политики. Что же касается политики внешней, то в этом вопросе в последнее время – усилиями, главным образом, Франции и Германии, – держится неослабевающее напряжение: речь идет о трансатлантических отношениях.

Иракский кризис выявил нестерпимое желание Европы лидировать в мире и столкнуть с пьедестала Соединенные Штаты Америки; известно, что далеко не все члены ЕС солидарны в этом с президентом Франции Шираком и немецким канцлером Шредером; именно Италия при Берлускони выступает как неизменный и верный друг США; именно Берлускони первым поздравил президента Буша с победой на выборах; Италия полностью поддержала Америку в иракской кампании и продолжает поддерживать до сих пор; в своей программной речи в ЕС Сильвио Берлускони высказался однозначно не только за укрепление дружеских и доверительных отношений с Америкой, но и за то, чтобы Франция и Германия разделили с ней тяготы установления мира в Ираке. Вот этим-то и было вызвано выступление Мартина Шульца (Martin Schultz), представителя Социалистической партии Германии, который тут же набросился на Берлускони с обвинениями в жульничестве и мафиозности.

В ответ Берлускони предложил Шульцу сыграть эсэсовца

в итальянском фильме о тех славных временах. Как объяснил впоследствии один итальянский политик, назвать итальянца «мафиози» – так же оскорбительно, как назвать немца «нацистом»; у каждого народа есть своя любимая мозоль, и наступать на нее нежелательно; Берлускони обязан был это знать, но ведь и Шульц – тоже; канцлер Шредер мог разрядить обстановку простым замечанием Шульцу. Но он счел некорректным поведение Берлускони, хотя тот ведь только защищался, а не нападал. Тогда с криком «наших бьют!» взвились итальянские министры... Философское замечание Йошки Фишера насчет того, что всем людям свойственно ошибаться и не из-за чего поднимать шум, впечатления ни на кого не произвело. Началось то, что называется бурей в стакане воды; перечисление личных недостатков и грехов Берлускони вполне прикрыло истинную причину неадекватной реакции немецкого канцлера на вульгарную перебранку в Европарламенте: страх, что за время своего председательства энергичный и хитроватый итальянец развернет Европейский союз в сторону Америки.

Кажется, в Германии стало нормой постоянно кого-то травить; совсем недавно объектом сосредоточенной травли был президент Буш; сегодня – премьер-министр Италии; обе кампании сопровождаются отчетливой национальной амбициозностью, желанием заявить о себе на мировом уровне и заставить слушаться непокорных в Европе.

Объединение Европы – явление пока что малопонятное; устранение границ большой роли не играет, они и раньше были довольно условными; главное же состоит в том, что любое сообщество предполагает наличие лидеров; за лидерство будут драться; демократический институт ротации не избавляет от злого соперничества внутри ЕС, от желания командовать парадом и даже унижать своих друзей и соседей. Прецеденты уже были: президент Ширак топал ногой и воспитывал восточноевропейцев; председатель Конвента Жискард д'Эстен – Турцию; сегодня Германия наезжает на Италию, а Италия тоже за словом в карман не лезет. В общем, как говорили в старину: все это было бы смешно, когда бы не было так грустно.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №28/368
за 14 – 20 июля 2003 года**

ГРИМАСЫ ДЕМОКРАТИИ

Слово «популизм» происходит от латинского «populus», что означает – простой народ; в современном понимании популизм – это поверхностные, зато понятные широким народным массам лозунги и теории; иначе и быть не может, так как сложные идеи доступны всегда лишь меньшинству.

Популизм в политике почтением не пользуется, что противоречит нормам демократического общества, в котором правительство должно считаться с мнением народа и, по идее, чтить популизм. Парадокс состоит в том, что популистские идеи цветут пышным цветом именно при диктатуре, а при демократии, то есть народовластии, используются весьма умеренно и чаще всего оппозицией; одна из причин противостояния власти и народа в свободных странах состоит в нежелании правительств выполнять популистские требования народа: до добра они не доводят, а за плохое ведение дел политики отвечают на очередных выборах. Правительство в свободных странах, таким образом, не свободно, оно вынуждено лавировать между популизмом и профессионализмом – в этом состоит одно из противоречий демократии.

За примером далеко ходить не надо; совсем недавно отгремел и все еще сильно ощущается иракский кризис; его суть состояла в том, что Америка и Англия считали необходимым ввести войска в Ирак и по возможности установить там контролируемую западными странами демократию; это позволило бы не только свергнуть диктатуру в Ираке, но и начать постепенное очищение Ближнего Востока от террористических групп, открыто угрожающих самому существованию свободного мира. Сторонники силового вмешательства в ближневосточные дела понимали, что завоевать согласие и поддержку собственного и других народов в этом вопросе можно только с помощью популистских лозунгов; уличные шествия пацифистов вполне наглядно демонстрировали силу и мощь дешевой пропаганды; ей следовало противопоставить что-то столь же понятное широким массам. Встречный довод был найден без особого труда; назывался он «оружие массового уничтожения», которым, как считалось, скорее всего, владеет Саддам Хусейн.

И сторонники, и противники этой войны знали, что ещё

в 1991 году у Ирака имелись огромные запасы химического и бактериологического оружия; подозревали, что они не уничтожены, и даже более того – что Багдад пытается создать свою атомную бомбу. Иракский диктатор бахвалился, угрожал и шевелил усами; несчастных инспекторов ООН третировали и гоняли, но даже самые ярые противники войны настаивали на инспекциях в Ираке, т.е. подозревали Саддама в сокрытии недозволенного оружия. Всю эту разрозненную, непроверенную и спорную информацию в конце концов использовали в пропаганде; американский народ поддержал правительство и война состоялась. В ее ходе оружие массового уничтожения, наличие которого воспринималось народами разных стран как главный довод в пользу войны, найдено не было; сведения о том, что Ирак будто бы закупал уран в африканской стране Нигер, не подтвердились. Более того, у Ирака не оказалось вообще никакой боеспособной армии; американцы увидели бедную запущенную страну, полностью подвластную диктатору; единственной формой общественной жизни населения, кроме дозволенных партий, были криминальные разборки и воровство. Вопрос о том, правильно ли сделала Америка, оккупировав Ирак, в связи со всем этим расширился до обвинений президента Буша и британского премьера Тони Блера в сознательном обмане своих граждан.

Несмотря на то, что многие с радостью назовут президента Буша лжецом, в этом деликатном вопросе возможно и другое мнение; оно касается не столько самого Буша, сколько всей демократической системы вообще, ее несовершенства, того, что можно назвать «гримасами демократии».

В самом деле, как должно поступать правительство в случае, если оно убеждено в необходимости какой-либо серьезной акции, например, войны, но в силу сложности ситуации не может доступно изложить свои соображения народу? Так ведь было и перед Второй мировой войной, когда не только немецкий народ, но и вся Европа не понимала, чем опасен Гитлер; государственные мужи, вероятно, понимали, но не могли переубедить народ и поэтому молчали; открыто высказывался только Черчилль, но безрезультатно и себе во вред. Именно в таком положении во время иракского кризиса оказались президент США и премьер-министр Великобритании: они вынуждены были принимать

решения, заведомо непопулярные в демократическом обществе, где правительство должно считаться с мнением народа – особенно это касается вопросов войны и мира. Если бы американское правительство сказало открытым текстом, что желает всеми доступными ему средствами, включая и силовые, изменить ситуацию в мире, которая становится опасной для западной цивилизации, то провал его политики и отставка кабинета были бы неизбежны. Следовательно, надо было действовать дипломатично, применительно к ситуации; а она была осложнена политикой Европы, пожелавшей именно в этот критический момент «пойти своим путем» – формула, никогда не предвещающая ничего доброго.

И решение было найдено: поскольку при закрытости Ирака ничего о его вооруженных силах нельзя было сказать наверняка, для пропаганды взяли непроверенные данные о наличии у Саддама Хусейна неконвенционального оружия. Время и так было непозволительно затянуто, а главная причина войны – борьба с рассадниками террора на Ближнем Востоке – не отменялась наличием или отсутствием этого оружия у Саддама Хусейна. Демократия вынудила правительства согласиться не на обман своих народов, но на определенный компромисс с истиной, вызвавший скандал и новые обвинения в адрес Лондона и Вашингтона. Плакаты с надписью «МИР!», исчезнувшие было с городских балконов, выстирали и повесили снова; их желто-розовая расцветка радует глаз, пропагандируемая ими идея – душу; но, к сожалению, решать жизненно важные вопросы с помощью приятных слов и легких ощущений не всегда возможно.

Странное дело: ведь в конце концов это очень хорошо, что у Саддама Хусейна не оказалось неконвенционального оружия; будь оно – ситуация в Ираке и, возможно, во всем мире была бы куда хуже; хорошо также, что американцы оккупировали Ирак и выгнали Саддама Хусейна, жестокого диктатора и самодура, но плохо, что для решения серьезных проблем правительствам демократических стран приходится идти на сделку с популизмом.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №31/371
за 4 – 10 августа 2003 года**

УХОДИТЬ ЛИ АМЕРИКАНЦАМ ИЗ ИРАКА?

Любая сегодняшняя сводка новостей обязательно содержит фразу: «Иракский народ борется с оккупацией». Расшифровать прикрытый смысл этой фразы не сложно, так как слово «народ» всегда употребляется со знаком плюс, а слово «оккупация» со знаком минус; все вместе означает буквально следующее: хороший иракский народ совершенно справедливо борется с плохими американцами, а иракские партизаны правильно поступают, убивая американских солдат. Таким образом, короткая и вроде бы объективная информация о ситуации в Ираке есть на самом деле хорошо обкатанный пропагандистский штамп, несущий слушателям идею справедливости возмездия за совершенные проступки, в данном случае, за нападение и оккупацию.

Идея возмездия не нова; она сформулирована еще в Ветхом Завете и звучит как «око за око, зуб за зуб»; правда, ветхозаветный вариант призывает не к мести любой ценой, а к адекватности наказания, что и легло в основу современного западного законодательства. Но в Европе все громче звучат голоса в пользу христианского всепрощения и безусловного пацифизма; громогласная компания в поддержку этих моральных ценностей была проведена именно по поводу Ирака и под лозунгом «мир любой ценой»; миролюбцы выступали против любой войны, даже оборонительной. В таком случае позволительно спросить, почему же сегодня пацифисты молчат и не протестуют против нападений на американских солдат в том же Ираке? Почему левые и церковные круги, поддержавшие пацифистов, внезапно забыли про «не убий!» и занялись другими неотложными проблемами, например, вопросом сексуальной ориентации? Общественное мнение как-то очень естественно совершило в своих взглядах поворот на 180° и от осуждения любой войны перешло к ее одобрению, в данном случае – к одобрению партизанской войны против американцев в Ираке. Пацифисты в очередной раз сорвали с себя маску и преподали народам урок лицемерия и лжи.

Что же на самом деле происходит в Ираке? Формально это – партизанская война против американских оккупационных войск; началась эта война как-то странно быстро после всеобщей эйфории по поводу изгнания Саддама Хусейна и

появившейся вследствие этого возможности безнаказанно грабить опустевшие дома и учреждения; первое проявление недовольства американской оккупацией последовало немедленно после запрета грабежей; очевидно, принесенная в страну свобода понималась оккупантами и некоторыми местными людьми по-разному.

Затем в страну вернулись шиитские эмигранты; они покинули Иран, приютивший их и спасший от мстительного Саддама; шиитов в Ираке большинство – 60% населения; к несчастью, Саддам принадлежал к другой исламской религиозной группе – суннитов; будучи безбожником-социалистом, он прижал претендующих на власть шиитов так сильно, что миллион из них во главе со своими вождями много лет тому назад покинул страну и укрылся в братском Иране, где шииты в большинстве и у власти. Иран оценил возможность будущего вмешательства в дела Ирака: в конце концов, Саддам не вечен; когда-нибудь и в Ираке шииты придут к власти и отблагодарят Иран за гостеприимство. Теперь шииты вернулись в Ирак, чтобы восстановить справедливость: для них это означает – исламская республика и власть. Мерным шагом, избивая себя цепями и обливаясь кровью, прошли они в традиционном шествии шахсей-вахсей по улицам иракских городов и по экранам телевизоров всего мира – зрелище, вызывающее ужас и паралич воли.

Американцы, по мнению иракских шиитов, прогнав Саддама, свою миссию выполнили и должны покинуть страну; оставаясь в ней, они автоматически превращаются во врагов правоверных мусульман, поскольку в их планы не входит создание в Ираке исламской республики; совсем наоборот, американцы прибыли на Ближний Восток, чтобы успешнее бороться с исламским фундаментализмом; для шиитов же демократический строй есть несправедливость ничуть не меньшая, чем саддамовская тирания.

Сунниты в Ираке в меньшинстве, их всего 20%, но, благодаря Саддаму, они были привилегированной группой и правили страной; теперь они свои привилегии потеряли, и американцы никак не склонны их восстанавливать; демократическая республика, задуманная американцами для Ирака, исключает племенные, а тем более – религиозные предпочтения. Суннитам ничего, кроме скучного равенства, не светит, и естественно, что они недовольны.

И уж совсем смешно было бы американцам ждать поддержки от бывших членов правящей партии БААС – Арабского социалистического возрождения; члены этой партии, пригретые и выдрессированные Саддамом Хусейном, никогда при демократии не восстановят своего бывшего могущества; они ностальгируют по саддамовской диктатуре не меньше, чем некоторые российские коммунисты – по Сталину.

Есть еще земляки Саддама, живущие в городе Тикрит и вокруг него; среди них много родственников и без лести преданных старых друзей.

Все перечисленные группы населения Ирака заинтересованы в уходе американо-британских сил; многие международные деятели, включая генерального секретаря ООН Кофи Аннана, с ними согласны; Кофи Аннан сказал даже, что демократию нельзя экспортировать.

У американцев же совершенно другой исторический опыт и соответственно – мнение: они именно экспортировали демократию, например, в Германию и Японию, и вполне успешно. Кроме того, нетрудно представить себе, что произойдет в Ираке, если американцы его покинут: борьба за власть и конечно, резня, а более цивилизованно выражаясь, гражданская война. Все вышеперечисленные группировки немедленно бросятся воевать друг с другом; шиитов поддержит Иран, кровно заинтересованный в создании по соседству богатой нефтью исламской республики; курдов опять, как и в 1991 году, прижмут, и они уже навеки потеряют веру в человечество. Вся ситуация на Ближнем Востоке так усложнится в связи с усилением исламского фундаментализма, что можно предвидеть лишь один положительный результат: Европа перепугается и опять прильнет к Америке. Но это будет уже совершенно неважно.

Партизанская война, подаваемая европейскими СМИ как «сражение иракского народа за изгнание оккупантов» на самом деле есть борьба за то, чтобы американцы ушли, а все претендующие на власть в Ираке смогли наконец беспрепятственно вцепиться друг другу в глотки. Совершенно очевидно, что уходить американцам из Ирака сейчас ни в коем случае нельзя.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №32/372
за 11 – 17 августа 2003 года**

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ

Свобода слова в демократическом обществе неприкосновенна, а СМИ всерьез называют «четвертой властью» – в дополнение к парламенту, правительству, и суду. В Англии, например, специальный закон – Королевская хартия – запрещает правительству влиять на редакционную политику радиотелекорпорации Би-Би-Си; законов, охраняющих каким-либо образом правительство от влияния прессы, не существует. Напротив, поскольку СМИ ведут прямую агитацию и пропаганду среди населения, политические лидеры прислушиваются к мнению журналистов. Упомянутая выше Би-Би-Си живет за счет взимаемой с потребителей абонентной платы и, естественно, заинтересована в своей популярности среди населения: чем больше абонентов, тем лучше.

С конца мая этого года Би-Би-Си оказалась в центре скандала, связанного с иракским кризисом. Выступая бескомпромиссно против этой войны и участия в ней Великобритании, компания в своих передачах резко критиковала правительство Тони Блэра; 29 мая журналист Би-Би-Си Эндрю Гиллиган (Andrew Gilligan) обвинил правительство в прямой фальсификации данных об иракской угрозе: речь шла о так называемом «иракском досье», документах разведки, обнародованных в сентябре прошлого года; некоторые факты из этого досье убедили Америку и Великобританию в необходимости срочной ликвидации режима Саддама Хусейна. Гиллиган ссылаясь в своей передаче на источник, близкий к правительственным кругам; он также указывал на трех других сотрудников разведки, будто бы оценивающих «иракское досье» как фальсификацию. Кроме репортажа по Би-Би-Си, Гиллиган опубликовал статью в газете «Mail on Sunday» («Воскресная почта»), где прямо обвинил в сознательном подлоге одного из советников Тони Блэра. Имени своего информатора он вначале не называл, но впоследствии, что называется, раскололся.

В ходе разразившегося скандала оказалось, что человеком, на слова которого ссылаясь Гиллиган в своих материалах, был советник министерства обороны Дэвид Келли; кроме Гиллигана, он беседовал еще с двумя журналистами Би-би-Си – это и дало Гиллигану повод говорить уже о четырех (!) служащих разведуправления; выяснилось также, что

сам Келли к разведке никакого отношения не имел.

Расследование этого дела началось 11-го августа, но совершенно очевидно, что Гиллиган, обвиняя правительство в фальсификации фактов, и сам несколько приукрасил свою информацию. По неизвестным причинам Дэвид Келли 17-го июля покончил с собой.

Разумеется, затеявая этот скандал, сам Гиллиган и руководство Би-Би-Си меньше всего думали о Дэвиде Келли; они метили гораздо выше – в самого Тони Блэра, поскольку именно он обнародовал в свое время факты из «иракского досье». Противники и соперники симпатичного премьера, не дожидаясь результатов расследования, набросились на него самого и на его правительство чуть ли не с обвинениями в убийстве Келли; какой-то журналист на одной пресс-конференции так и сказал Блэру: «Ну что, напились крови? Уйдете теперь в отставку?», сформулировав грубо, но точно настроения и желания антиправительственных кругов.

Гиллигану и его фирме очень хотелось прославиться в качестве героев, сваливших правительство; это было бы выгодно и престижно; они были уверены в успехе своей затеи, суть которой идеально совпадала с общественным мнением, сформированным, в частности, той же Би-Би-Си, и с позицией других британских массмедиа, настроенных пацифистски. И все же история эта, скорее всего, закончилась бы без серьезных последствий, если бы не самоубийство Дэвида Келли – оно вывело скандал на другой уровень и напомнило о неблагополучии в работе СМИ, впрочем, уже не в первый раз.

Несколько лет тому назад во Франции, пытаясь уйти от преследовавших её репортеров, в автомобильной аварии разбилась «королева сердец», как ее называли, британская принцесса Даяна; ее гибель продемонстрировала смертельную опасность невинных игр «папарацци», загнавших её, как зайца на охоте. Впрочем, ничего плохого они не собирались делать, только лишний раз сфотографировать принцессу и ее друга для своих журналов и газет; но хотели этого так сильно и в своем праве на информацию были убеждены так свято, что не заметили, как перешли границу, в тот раз границу скорости – и жизни. Этика журналиста стала тогда на короткое время модной темой для обсуждения.

В случае Келли цель журналиста Гиллигана и поддержавшей его корпорации Би-Би-Си была освящена всей историей западной демократии: они боролись против власти, за правду и за мир; эта борьба была им выгодна и полезна; общественный интерес совпадал с личным; кто и в чем может их упрекнуть?

В демократическом обществе пресса должна быть свободна и независима; с этим никто не спорит; критиковать правительство, проводить расследования, ратовать за всяческую справедливость – ее неотъемлемое право и даже обязанность, но ни то, ни другое не освобождает журналистов от ответственности за результаты их действий. Теоретически с этим согласны все; на практике лучше всего напомнила бы журналисту о могущих быть неприятностях конкуренция, та же самая, что и в бизнесе, поскольку большинство СМИ – фирмы коммерческие; наилучшим, т.е. самым опасным, конкурентом явилось бы влиятельное издание иной политической ориентации. Так, для левой Би-Би-Си было бы очень полезно существование столь же популярной телерадиокомпании, но более консервативного, центристского толка.

Но сегодняшний мир западных массмедиа монополизирован «левыми»; издания других направлений тоже существуют, конечно, но почти не влияют на общественное мнение. Конкуренции, практически, нет; «четвертая власть», громогласно проповедующая демократические ценности, является властью тоталитарной. Это и есть главная причина того, что тон передач Би-Би-Си за последние несколько лет стал развязным, утверждения – часто безосновательными, а пропаганда – иногда популистской и антисемитской.

Снижение уровня не только профессионального, снижение уровня ответственности и привело в конце концов к трагедии – к самоубийству Дэвида Келли, доверчиво вступившего в контакт с безответственной и самоуверенной организацией.

В 2006 году истекает действие охранной грамоты Би-Би-Си – Королевской хартии; критики существующей системы призывают к ее пересмотру.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №33/373
за 18 – 24 августа 2003 года**

УРОКИ АВАРИИ

14-го августа все агентства мира объявили, что в южной части Канады и на севере Соединенных Штатов по неизвестной причине отключилось электричество; большинство узнавших эту новость немедленно предположили теракт; точная причина аварии неизвестна до сих пор, но президент Буш сразу выступил и заверил своих граждан, что дефект в энергосистеме вызван вполне обычными техническими причинами и будет устранен. Страна вздохнула с облегчением. Репортеры дружно отметили спокойствие и взаимопомощь, проявившиеся во время этой аварии; никакой паники, почти полное отсутствие грабежей – естественного, казалось бы, следствия кромешной тьмы и бездеятельности полиции; оппозиция даже не попыталась использовать эту полумку для нападок на правительство.

Между тем, жизнь без электричества оказалась совершенно невозможной; теоретически это было понятно всегда, тем более, что перерывы в подаче энергии в США случались и раньше. Но тогда население реагировало совсем не так покладисто на внезапно возникшие неудобства; нынешний случай был пережит сравнительно легко, многие восприняли его как интересное приключение, несмотря на то, что жизнь в пострадавших районах с населением примерно в 50 миллионов человек в буквальном смысле слова замерла: прекратилась работа не только общественного транспорта, но и бензоколонк, эскалаторов и лифтов, компьютеров, телефонов и факсов, промышленных и прочих предприятий, магазинов и ресторанов, банков и биржи, школ и университетов, библиотек и театров, холодильников и прачечных – короче, остановилось все. Светилась только статуя Свободы да работали больницы – на всякий случай они обеспечены резервными бензиновыми генераторами. И всё же люди не унывали; частники бесплатно подвозили пешеходов; застрявшие безнадежно и далеко от дома ночевали на улицах; добровольцы регулировали движение; лотошники раздавали напитки и бутерброды; телевидение показывало улыбающиеся, почти безмятежные лица.

Внимание информационных агентств было, естественно, сосредоточено на США, а не на Канаде, точнее же – на Нью-Йорке; США и Нью-Йорк сегодня – не только центр мира:

после 11-го сентября 2001 года они – наиболее вероятный объект для действий мусульманских террористов; именно поэтому жители пострадавших регионов восприняли аварию почти с радостью, по принципу – какое счастье, что это не теракт! Похоже, что американцы усваивают философию, выраженную русской пословицей «не до жиру – быть бы живу»; она, кстати, достаточно точно объясняет причины знаменитого российского долготерпения: россиянам всегда было «не до жиру»; теперь этому начинают учиться американцы.

Учение, как известно, свет, хотя в данном конкретном случае оно, конечно, тьма, а точнее, мрак – во всех отношениях, потому что добродушная реакция американцев на тяжёлую аварию в энергосистеме свидетельствует о том, что населением страны владеет страх перед невидимым и на все готовым врагом. Боятся не только Америка; все сообщения о неблагоприятных происшествиях в любой западной стране начинаются с упоминания теракта – считают его возможным или исключают, но всегда имеют в виду. Люди привыкли бояться террористов и находят это нормальным, хотя с чего бы это Америке, например, могущественной и богатой стране, вооруженной лучшим современным оружием, бояться каких-то бандитов, прячущихся в горных пещерах незнамо где? Страх – показатель слабости, беспомощности; в чем-то западная демократия слабее бескомпромиссных фанатиков, и последняя американская авария – хороший тому пример.

Губернатор штата Нью-Мексико, демократ Билл Ричардсон (Bill Richardson), критикуя энергосистему США, сказал в сердцах, что она находится на уровне стран третьего мира. Опустив техническую сторону дела, отметим, что ни в одной стране третьего мира отключение электричества не вызвало бы последствий, сравнимых с американскими. Там до сих пор многие ездят на лошадях, ослах или верблюдах, готовят пищу на древнем очаге, стирают вручную; сельским хозяйством занимается большой процент населения, далеко не всем необходимы магазины для покупки продуктов, а о холодильниках целые провинции и не слыхали. И это относится не только к государствам Черной Африки, но и к странам гораздо более развитым, таким как Китай, Индия, Египет или даже Бразилия. Таким образом, образ жизни большинства населения в третьем мире вполне соответствует

уровню технической оснащенности их стран; авария энергосистемы не станет для них катастрофой, чего нельзя сказать о западном мире, стопроцентно зависимом от благ цивилизации; Эта зависимость и есть уязвимое место Запада, его слабость; не исключено, что в террористических центрах, оборудованных, как известно, новейшей техникой, тоже внимательно наблюдали за аварией в Америке и пришли к тем же, для них весьма утешительным, выводам.

В 2001 году, когда американцы начинали войну с талибами – союзниками бен Ладена, немецкое телевидение показывало много документальных фильмов об Афганистане; говорилось о десятилетиями длящихся войнах, о тяжелом климате и песчаных бурях, об отсутствии водопровода, канализации и современного медицинского обслуживания. Завершая одну из передач, ведущий однажды заметил, что «западный человек не смог бы и двух суток прожить в таких условиях». Наверно, он был прав; он не сказал только, что афганский человек, очутившись на Западе, быстро освоился бы и смог бы жить здесь как угодно долго.

Борьбу с терроризмом многие определяют как войну цивилизаций. Если принять это определение и учесть все сказанное выше, можно придти к некоторым выводам, например, к заключению, что западный человек, проиграв эту войну, потеряет гораздо больше, чем житель Йемена или Судана – по той простой причине, что ему приспособиться к жизни без привычных благ цивилизации – таких как электричество – будет практически невозможно. Можно понять также, почему жители развитых стран так боятся своих фанатичных врагов, которые страха не знают и пределов своей жестокости не устанавливают. Совсем не удивительна поэтому решимость, с которой Америка бросилась в бой с террористами: последняя авария продемонстрировала, как легко разрушить западную цивилизацию, все достижения которой, технические и моральные, в любую минуту могут обернуться слабостью и привести к поражению. Если вовремя не принять превентивных мер.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №34/374
за 25 – 31 августа 2003 года**

ООН И ТЕРРОР В БАГДАДЕ

Нападения на представительство ООН в Багдаде мировая общественность не ожидала. Руководство ООН было так уверено в своей безопасности в Ираке, что отказалось от охраны, которую предлагали американцы. Теперь Совет служащих ООН требует расследовать, почему их штаб-квартира в Багдаде не была надежно защищена, и обвиняет в этом Америку, хотя уместнее было бы обратиться к Кофи Аннани. Именно он заявил, что нападение «не было спровоцировано» деятельностью его организации, что ООН «желала помочь иракскому народу», что ничего общего с американо-британскими целями у ООН нет и быть не может и что именно поэтому её контора в Ираке не боялась за свою безопасность. Из слов Генсека, обманутого в своих надеждах, ошеломлённого вероломством и неблагодарностью, можно заключить, что теракт совершил «иракский народ», которому ООН «желала помочь» и выступала против вторжения.

ООН в коем случае прямо не обвиняет народ в терроре: это, заявляет она, дело рук приспешников Саддама Хусейна и народу вредит. Но если так, почему тогда ООН отмежевывается от англо-американской политики в Ираке, направленной именно на борьбу со сторонниками изгнанного диктатора?

Лидеры ООН, по-видимому, не замечают несуразности своих заявлений; можно было бы объяснить это растерянностью в экстремальной ситуации, если бы так не было всегда; иракский кризис – просто последний пример слепоты этой организации; она так часто прячет голову в песок, что уже давно и в упор не видит реальности.

Когда американско-британские войска в марте этого года вошли в Ирак, они не встретили там серьезного сопротивления; было известно, однако, что у Саддама имеется неплохая регулярная армия, Республиканская гвардия и Специальная Республиканская гвардия (до 120 тысяч чел.), а также пять разного рода служб безопасности с обученным и хорошо вооруженным персоналом. Мировые средства массовой информации до сих пор задаются вопросом, куда они все делись; попробуем на этот вопрос ответить.

Вскоре после нападения союзников Саддам издал приказ, который обязывал всех его военных переодеться в

гражданское платье, сохранить оружие и начинать партизанскую войну, «бороться за каждый дом», особенно, в Багдаде. Саддам был, как известно, параноик, помешанный на своей необыкновенной личности; болезненно подозрительный, он, с другой стороны, переоценивал безусловную преданность людей лично ему и его идеям. Ему не приходило в голову, что, переодевшись в штатское, многие из его войска, особенно чином пониже, тут же пойдут домой, в свои деревни, где и останутся, учитывая развал власти и неясность ситуации. Разошлись, конечно, не все; часть военных выполнила приказ; в гражданской одежде они подходили или подъезжали к американским солдатам, получившим приказ ни в коем случае не стрелять в мирное население, начинали с ними разговор и неожиданно открывали огонь; в первые дни войны было несколько таких случаев.

Тем не менее, по всей стране осталось без дела много обученных военных, вооруженных, молодых и деятельных; они, скорее всего, желали мирной жизни и работы и, как всегда в слаборазвитых странах, относились к американцам неоднозначно – со смесью зависти, враждебности и восхищения. Они ждали, что уж американцы точно за считанные дни приведут Ирак в порядок; и, не дождавшись, были разочарованы; кроме того, для жизни нужны деньги, т.е. работа; единственным рабочим инструментом у них было оружие, а единственной востребованной специальностью – военная служба: и в армии, и в террористических группах. Вот они-то, эти дезертиры Саддама, и воюют сейчас в Ираке.

Политики и журналисты совершенно напрасно обвиняют просаддамовские силы во взрыве представительства ООН в Багдаде; сторонники и наемники Саддама нападают на оккупационные войска, что естественно, но навряд ли стали бы взрывать представительство международной организации, которая защищала их страну и правителя до последней минуты и сейчас отмежевывается от американской политики в иракском вопросе. Взрыв устроили другие силы.

В Ираке действуют исламские террористические группы; они борются против любого западного представительства, и, скажем, Еврокомиссия, которая занимается в Ираке гуманитарной помощью населению, поняла это мгновенно: на завтра после взрыва, в среду, 20-го августа, ЕК заявила о том, что сворачивает свою деятельность в Ираке.

Представительство ООН в Багдаде остается, так заявил ее Генеральный секретарь; существует мнение, что иракский кризис и независимая позиция Соединенных Штатов подорвали авторитет этой международной организации; она до сих пор осуждает интервенцию в Ирак, но считает для себя необходимым участвовать в восстановлении страны и тем самым – своей роли в мире, а также в развитии демократии в Ираке. В уставе ООН записаны основные принципы этой организации: равноправие, мир, демократия и права человека; исламские фундаменталисты, напротив, уважают и признают только мусульман и требуют неуклонного выполнения законов шариата – от всех; несогласные подлежат уничтожению. Поскольку не согласен весь западный мир, ему была объявлена война два года тому назад, 11-го сентября 2001 года. Взрыв представительства ООН в Багдаде имеет тот же смысл, это подтверждение и продолжение войны с иудео-христианским миром, и никакие заигрывания с террористами и раздоры с Америкой не помогут.

Кроме общих соображений, объясняющих террор в Ираке против международных организаций, имеются и частные. Террористические группы Ближнего Востока, количество которых пугающе растет, совершенно явно ищут себе убежище, страну, в которой они могли бы расположиться и спокойно заняться своими делами: организовать тренировочные лагеря, завязать контакты, накапливать оружие и рассылать свои отравленные стрелы в дальние и ближние пределы. И делать это открыто, никого не боясь, что называется, как у себя дома. Таким домом был для них одно время Афганистан; сейчас на примете по крайней мере, две страны – Ливан и, конечно, Ирак – из-за нестабильности, разрухи и партизанской войны, которую они попытаются превратить в войну за ислам. В Ираке, таким образом, общие и конкретные цели исламских фундаменталистов совпадают; нападение на представительство ООН – начало борьбы за Иракскую исламскую республику.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №35/375
за 1 – 7 сентября 2003 года**

ЖАРКОЕ ЛЕТО В БЕРЛИНЕ

Вечером 28 августа метеорологи сообщили о конце небывалой жары, свалившейся на Европу этим летом; генеральный секретарь Социал-демократической партии Германии Олаф Шольц (Olaf Scholz) и глава фракции социал-демократов в Бундестаге Франц Мюнтеферинг (Franz Müntefering) вздохнули с облегчением и – высказали предположение, что канцлер Шредер на следующих выборах в 2006 г. снова выставит свою кандидатуру с Йошкой Фишером вкуче; в ответ канцлер отреагировал неопределенно, так, как будто он пока еще не задумывался над столь отдаленной перспективой. Однако через несколько часов тем же вечером из правительственных и партийных кругов поступило сообщение о том, что канцлер «таки да» собирается баллотироваться на следующих выборах и тащит за собой Йошку Фишера. Немецкие обозреватели по разному расценивают этот демарш: возможно, это все погода, но могут быть и другие соображения...

Никто не сомневается, что слухи эти распространяются с ведома канцелярии Шредера; вопрос в том, с какой целью. Канцлер Шредер пришел к власти первый раз в 1998 году; избрали его, во-первых, потому, что Гельмут Коль, предыдущий премьер Германии, занимал свой пост уже 16 лет подряд и многим избирателям – особенно, молодым – хотелось перемен. «Когда мне было 8 лет, – сказал кто-то из них, – правительство возглавлял Коль, теперь мне 24 – и все еще Коль! Хватит!». Во-вторых, новый кандидат, Шредер, выглядел весьма современно: он был молод, подтянут, хорош собой и произносил приличествующие случаю прогрессивные фразы. Он выиграл.

Через четыре года, в 2002 году, к началу следующей избирательной кампании, общество казалось разочарованным Герхардом Шредером, не сумевшим решить ни одной насущной проблемы; сам же он, напротив, вошел во вкус – не работы, нет, но статуса; ему нравилось возглавлять крупнейшее европейское государство, красоваться на трибунах и на приемах, заразительно смеяться и разыгрывать роль человека, уверенного в своем неизменном успехе; провалы в работе его ничуть не смущали; но кто сказал, что карьера и работа – одно и то же?

Вторую предвыборную кампанию Шредер вёл нестандартно; он не мог претендовать на второй срок, ссылаясь на успехи первой каденции; напротив, о результатах своей деятельности напоминать не следовало, надо было изобрести другой лозунг, выигрышный для канцлера. Тут подвернулся иракский кризис, а вместе с ним – антиамериканизм, пацифизм и прочие вещи, хорошо знакомые ему с молодых ранних лет; к тому же рядом был Йошка Фишер, в отличие от канцлера, завоевавший популярность и признание во всем мире; формально он числится в партии «зеленых», и, благодаря ему, они собрали достаточно голосов, чтобы вместе с социалистами получить большинство в парламенте.

Сейчас, спустя почти год после выборов, рейтинг канцлера и «красно-зеленой» коалиции весьма низок; рейтинг Йошки Фишера необычайно высок; его прочт в министры иностранных дел Европы, и совершенно естественно, что Герхард Шредер боится этого назначения, как огня; возможно, нынешняя заявка Шредера означает примерно следующее: «голосуя за меня, вы голосуете и за Фишера; но без меня вы лишаетесь и его. Подумайте!». Сам Фишер помалкивает, держится нейтрально-дружелюбно, в нем как-будто ничего не осталось от того марксиста-скандалиста, каким он был в молодости; вся его карьера делается с тех пор без видимых усилий с его стороны; как известно, так не бывает. Комментаторы расценивают сообщение о третьем сроке канцлера и его заместителя как согласие Фишера остаться в Берлине, как его фактический отказ от карьеры в Брюсселе. Вряд ли это так. Вопрос о министре иностранных дел Европы будет решаться в 2005 или 2006 годах; время еще терпит, и пока что незачем портить отношения с шефом, т.е. с канцлером Шредером. Биография Йошки Фишера полна неожиданных поворотов, возраст у него – самый подходящий для нового взлета /51 год/, а манера – в самый раз для дипломата-международника. Он уйдет в Европейский Совет, если будет возможность, но рисковать не станет.

Биографы Шредера отмечают, что, будучи человеком необычайно тщеславным, он всегда вёл себя по принципу «что посмеешь, то и пожмешь», т.е. довольно нахально; сам он однажды сказал в беседе с американскими дипломатами, что с детства неудачи вызывают в нем чувство типа «подождите, я вам еще покажу!»; зная всю слабость своей позиции,

он пытается теперь заранее ее укрепить – начинает предвыборную кампанию за три года до выборов, держит, так сказать, площадку, выигрывая время и приучая народ к мысли, что канцлером будет он. Нахальство, говорят, – второе счастье в жизни; уверенность в себе, неизменно демонстрируемая Шредером, многим импонирует.

Обычно претенденты на первое место в государстве, желая привлечь избирателей, предлагают пути решения главных проблем страны – это так называемая предвыборная программа, как правило, полная невыполнимых обещаний. Все это знают, но таковы правила игры; они не лишены смысла: в конце концов, будущий премьер должен все таки поломать себе голову и попытаться заслужить доверие народа; он обязан показать знакомство с проблемами, желание их разрешить и проявить хотя бы скромные способности к этому роду занятий; кроме того, слово – не воробей, за невыполненные обещания можно и погореть.

Все эти правила Шредер регулярно нарушает; по своему, он человек замечательный, из тех, кто ходит сам по себе; сейчас он опять затевает что-то нестандартное, никак не связанное с неотложными делами и проблемами Германии, давая понять своим противникам, что главным для него есть и будет не безработица и реформы, которыми можно заниматься вечно, а забота о сохранении должности. Почеловечески его понять можно. На следующих выборах, в 2006 году, он выйдет на трибуну, обопрется на руку и приглушенным голосом многозначительно заговорит о мировых проблемах, не дающих ему спать по ночам; и все будут обязаны сочувствовать и соглашаться. В качестве левого политика он дружит с интеллектуалами и точно знает, какие фразы надо произносить в данный исторический момент. Впрочем, в области левой фразеологии мало что меняется.

Без сомнения, уже сейчас канцлер кое-что выиграл: во-первых, поставил на место противников в собственной партии; во-вторых, связал Йошку Фишера обещанием остаться в Берлине; и в-третьих, отвлек внимание общества от своих неудач в борьбе с экономическим кризисом. И вообще, не надо ничего слишком серьезного; живите легче.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №24/364
за 16 – 22 июня 2003 года**

ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

В годы нашей молодости считалось, что человек рождается добрым и благородным, готовым на подвиги во имя всеобщей любви и мира; если он все же вырастает бандитом – клейма ставить негде, – то виноватым в таком неожиданном повороте судьбы считали общество. Рассуждение это даже тогда представлялось некорректным: в самом деле, каким образом общество урождённых ангелов может сформировать монстра?

Современная наука считает, что 60% качеств человека являются врожденными, 20% формируются в семье и только 20% – в обществе; оно и есть та питательная среда, в которой реализуются (или нет) внутренние склонности человека. Актуализируя проблему, скажем, что такая незаурядная личность, как Ясир Арафат, может стать наглядным пособием для подтверждения этой новой точки зрения.

Еще совсем недавно он был символом мира, во всяком случае, для европейцев; прошлым летом на Парижском кинофестивале с большим успехом демонстрировался фильм об Арафате; перед сеансом над городом летали разноцветные воздушные шары с портретом улыбающегося Арафата – голуби мира да и только. Если вспомнишь, что до Второй мировой войны символом мира был для европейцев Гитлер, а после войны – Сталин, удивление проходит, но остается впечатление, что среди врожденных качеств человека чаще всего встречается дефект восприятия, описанный когда-то немецким писателем XIX века Эрнстом Т.А. Гофманом в сказке «Крошка Цахес»: все уродливое и подлое тешит душу и кажется людям прекрасным. Самое забавное, что установила такой порядок добрая фея: она пожалела уродца и наделила его способностью нравиться людям.

Последние события на Ближнем Востоке заставили даже закоренелых миролюбцев усомниться во внутреннем и внешнем ангелоподобии Арафата; 9-го сентября телепрограмма «Феникс» (PHOENIX) обсуждала ближневосточную ситуацию под девизом «Арафат – вечный борец?» – пока со знаком вопроса; утверждать это, а тем более, заменить приличное слово «борец» куда более подходящим «бандит» в Европе еще не решаются. Оно и понятно: арабские и европейское общества как раз и были той средой, которая его

врожденным и благоприобретенным качествам придала необходимый статус – легитимность. Вся история палестинского движения – результат политической и финансовой помощи арабских стран и Европы, те самые 20%, превратившие египетского паренька с криминальными позывами в опытного политика-террориста. Судьба вознесла Арафата до трибуны ООН и Нобелевской премии мира; это не только его заслуга, но и примета современного мира с правящей в нем доброй феей – гуманистической идеологией.

Последняя инициатива американцев, известная как «Дорожная карта», должна была привести палестинцев и израильтян к миру; этого не случилось; палестинцы под руководством Ясира Арафата стали бороться не за мир, а за должность раиса и сохранение статус-кво, т.е. войны; дорога к миру грозила Арафату потерей должности и влияния.

Внутри Палестинской автономии у Арафата есть и враги, и соперники; в первую очередь это те, кто в самом деле стремится создать государство и занять в нем достаточно высокую позицию; один из них, Махмуд Аббас, одно время возглавлял кабинет министров ПА; но убедился в невозможности сотрудничать с Арафатом и подал в отставку.

Арафат, желая сохранить видимость демократии, не упразднил должность премьер-министра, но посадил на нее своего человека – спикера палестинского парламента Ахмеда Корея. Первые же заявления Корея продемонстрировали его безоговорочную преданность шефу; взрывы, прогремевшие в Тель-Авиве и в Иерусалиме, стали салютом в честь победы Арафата: он не только остался на своем посту, но сохранил террористические организации и состояние войны.

Один из важнейших постов в ПА – пост министра внутренней безопасности – займет Нассер Юсеф, ветеран ЦК движения «Фатх»; между новым кандидатом и Арафатом существуют трения, и Арафат, конечно, попытается согнуть в дугу Юсефа и подведомственное ему министерство.

Первая попытка реализации «Дорожной карты», таким образом, провалилась; зато многим стало ясно, что одна из главных причин провала – Арафат и те, кто его активно поддерживает; их стараниями борьба за мир в регионе превратилась в борьбу за войну. В Палестинской автономии есть люди, с которыми можно вести переговоры, но пока у власти Арафат, он сделает все, чтобы этих людей убрать с дороги.

В этой ситуации израильское правительство стало рассматривать возможность убрать с дороги самого Арафата.

Разумеется, на улицы вышли десятки тысяч палестинцев, среди них больше половины детей; утверждаясь в знакомой роли доброго дедушки, Арафат на одной из демонстраций приголубил ребенка; это особенно хорошо сочетается с манерой его боевиков использовать детей в качестве «живых щитов». Укрепившись дома, Арафат обратился за поддержкой к международной общественности, в первую очередь, к Лиге арабских стран и к ООН. Лига поддержала его и пригрозила Израилю: в случае высылки или «ликвидации» Арафата арабские страны, имеющие с Израилем дипломатические отношения, угрожают их разорвать.

Реакция западного мира на предложение убрать Арафата довольно интересна: все, включая Америку, высказались вполне прагматично, в том смысле, что неплохо было бы убрать Арафата, но, к сожалению, не поможет; есть мнение, что ситуация может даже ухудшиться.

Между тем, совершенно очевидно, что Арафата следует объявить международным преступником и судить не в Иерусалиме, а в Гааге; но у кого из политиков достанет смелости назвать черное – черным? Пока таких героев на международной арене не видно. Не слышно и не видно также пацифистов; на Ближнем Востоке Арафат борется за войну, а пацифисты как воды в рот набрали. И все же от «Дорожной карты» некоторая польза есть: изменилось отношение к ближневосточному конфликту: многие поняли, что такое Арафат: нет митингов в защиту мира на Ближнем Востоке, но и за Арафата никто откровенно на Западе не выступает. Это первое. Второе и очень важное обстоятельство состоит в том, что внутри Палестинской автономии окрепла и перестала таиться оппозиция Арафату. И это может оказаться решающим фактором в ближневосточном урегулировании.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №38/378
за 22 – 28 сентября 2003 года**

ГЕРМАНИЯ И ИРАК

Положение в Ираке, судя по сообщениям СМИ, просто ужасно: каждый день кто-то гибнет, конфликтам нет конца; время от времени из небытия выплывают голос и облик свергнутого Бармалея, он призывает к борьбе. Специалисты же, в отличие от левой прессы, оценивают ситуацию в Ираке как вполне нормальную; борьба за власть и сопротивление грядущим переменам тут вполне естественны. Единственной неожиданностью для американцев оказалось очень плохое техническое состояние иракской промышленности; они надеялись, например, что освобожденный Ирак сможет на одной только продаже нефти в течение первых трех лет заработать от 50 до 100 миллиардов долларов; оказалось, что рассчитывать можно всего на 12 миллиардов за первые два года; одно только восстановление линий электропередач обойдется в 18 миллиардов. Президент Буш запросил у Конгресса дополнительно 86 миллиардов долларов; план послевоенного восстановления Европы, так называемый план Маршалла, стоил Америке вдвое меньше.

Опрос общественного мнения, недавно проведенный в Ираке, показал, что большинство населения поддерживает действия американской администрации; на экономическом форуме в Дубае временный министр финансов страны сообщил о планируемых вскоре экономических реформах, которые дадут возможность иностранным компаниям свободно участвовать в восстановлении иракской экономики.

Недавно избранный Правящий Совет Ирака находится под американским контролем; следовательно, распределение заказов будет зависеть от Америки. И тут действие в спектакле, который разыгрывают на международной сцене Франция и Германия, достигнет, по-видимому, своей кульминации. Не исключено, что произойдет это 23-24-го сентября на Генеральной Ассамблее ООН, где будет обсуждаться новая резолюция США по Ираку. Для канцлера Шредера складывается в целом не очень комфортная ситуация.

Он, конечно, хотел бы для немецких фирм получить заказы из Ирака. Поскольку контролировать этот доходный бизнес будет Америка, Франция, скорей всего, не получит ничего; Германия же должна пойти на уступки. Канцлер давно согласился расширить немецкий военный контингент

в Афганистане и взамен не посылать войска в Ирак; Вашингтон принял этот вариант и помог таким образом Шредеру достойно выйти из деликатной ситуации – не нарушать обещания немецким избирателям насчет неучастия Германии в иракских делах. Но нарушить придется.

Уже известно, что Германия будет за свой счет обучать иракских солдат и полицейских; 20-го сентября на встрече с французским президентом Шираком и британским премьером Тони Блером Шредер громогласно объявил, что «мировое сообщество должно предоставить Ираку перспективу демократии и стабильности»; тем самым он согласился с предположением, что до сих пор Германия отказывала Ираку в такой перспективе; одновременно канцлер повторил, что ООН должна играть более важную роль в переустройстве Ирака и что войскам союзников следует в течение нескольких месяцев покинуть страну. Но Америка тоже ждет поддержки от мирового сообщества; в чем же суть расхождений между Вашингтоном и Европой?

Американцы хотят, чтобы независимо от роли ООН в иракском восстановлении, руководство этим процессом принадлежало им; кроме того, считают они, создание более или менее демократической системы в Ираке займет много времени и потребует американского военного присутствия. Президент Буш и его правительство ни на минуту не забывают о том, что Ирак – это только часть проблемы, называемой борьбой с мировым терроризмом; в этом теперь с ними согласился и канцлер Шредер. Требование передать управление Ираком в руки местных властей и ООН совершенно очевидно невыполнимо: местной власти просто не существует, Кофи Аннан не готов направить в Ирак войска ООН; Германия не будет воевать в Ираке; НАТО пока – тоже нет. Таким образом, в случае выполнения требований Франции и Германии Ирак получит анархию и гражданскую войну.

Трудно поверить в то, что Ширак и Шредер этого не понимают. Понимают и желают использовать. Передача управления Ираком в руки ООН, точнее, Совета Безопасности, изменила бы ситуацию коренным образом в пользу Франции; Франция – постоянный член СБ ООН, имеющий право вето, и этим правом она воспользуется, можно не сомневаться. Она будет тормозить всё, что не выгодно ей, и самым наглым и бесцеремонным образом добиваться своих

целей. Германия, временный член Совета Безопасности, окажется в полной и унижительной зависимости от Франции; ее будут держать «на голодном пайке» и подкармливать только для того, чтобы Берлин соглашался и голосовал «за». Германия, а точнее, канцлер Шредер, уже сейчас не может решить свои проблемы без президента Ширака. Шредер будет баллотироваться на следующих выборах в 2006-м году; для выигрыша ему необходимо решить внутренние экономические проблемы, главные из них – безработица и бюджетный дефицит; этот дефицит – не только внутренняя, но и внешнеэкономическая проблема Германии, поскольку его величина нарушает так называемый Пакт стабильности для государств – членов ЕС, что грозит Германии финансовыми санкциями и, конечно, не добавляет канцлеру популярности среди избирателей. Не в силах справиться с внутренними задачами, Шредер, как это свойственно ему, переносит центр тяжести проблемы на внешнеполитический уровень: вместе с Францией, которая тоже в долгах, как в шелках, он пытается изменить условия Пакта стабильности таким образом, чтобы плохая финансовая ситуация, оставшись без изменений, считалась бы вполне сносной. Словом, действует по естественному для него принципу «не быть, но считаться». Оба лидера, старательно изображая из себя мудрых политиков, проявляют преувеличенную заботу о европейской экономике в долгосрочной перспективе, они постоянно встречаются, много говорят и демонстрируют немислимое единство. Между тем, цели у них разные: если для президента Ширака иракский вопрос – это борьба с Америкой за лидерство в мире, за великую Францию и за себя в роли Наполеона, то для канцлера Шредера Ирак и антиамериканская политика – отвлекающий маневр, с помощью которого он выиграл выборы и пытается удержаться в своем кресле.

В последнее время им не везет. Лихорадочные попытки перетянуть на свою сторону Великобританию и Испанию оказались безуспешными; Франция заявила, что не наложит вето на новую американскую резолюцию по Ираку; впрочем, надеяться на нее нельзя. Об этом полезно было бы помнить и канцлеру Шредеру.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №39/379
за 29 сентября – 5 октября 2003 г.**

ИРАКСКОЕ ДОСЬЕ

Секретные документы британской разведки, условно обозначенные в СМИ как «иракское досье», официально называются «Иракское оружие массового поражения. Оценка британского правительства». Опубликованные в сентябре 2002 года с предисловием Тони Блэра, они стали решающим аргументом в споре об интервенции в Ирак и до сих пор находятся в центре внимания мировой общественности. Авторы доклада, в частности, считали, что иракские ученые и инженеры с 1998-го года работали над созданием ядерного оружия и через пару лет будут его иметь; что свое химическое и биологическое оружие Ирак может задействовать через 45 минут после поступления приказа; что Ирак скрыл от инспекторов ООН около 20-ти ракет с радиусом действия 650 км и что в обход контроля ООН в 2002-м году использовал на военные нужды три миллиарда долларов.

Приводятся также факты необычайной жестокости и репрессий режима против собственного народа. Короче говоря, 50 страниц «иракского досье» свидетельствовали о том, что Саддама Хусейна надо бить и как можно скорее, что и было сделано. На чрезвычайной сессии парламента Великобритании, начавшего свою работу через три часа после опубликования «иракского досье», консервативная оппозиция поддержала в этом вопросе правительство. Соединенные Штаты приветствовали публикацию этих документов – они подтверждали точку зрения президента Буша.

Как известно, 20-го марта прошлого года войска союзников вошли в Ирак, а 9-го апреля – в Багдад; оружие массового уничтожения, о котором так много и так подробно говорилось в «иракском досье», обнаружено не было.

В мае 2003-го года журналист Би-Би-Си Эндрю Гиллиган (Andrew Gilligan) обвинил правительство страны в сознательной подтасовке разведывательных данных «иракского досье» в целях оправдания интервенции в Ирак; он ссылался при этом на информацию, полученную от четырех сотрудников британской разведки. В ходе скандала и разбирательства оказалось, что речь идет не о четырех, а об одном сотруднике, и не разведки, а министерства обороны; его имя – Дэвид Келли (David Kelli) – было названо Эндрю Гиллиганом, обещавшим ему сохранить тайну интервью. После

огласки Дэвид Келли покончил с собой, но, как говорили древние, не всегда «post hoc, ergo propter hoc» («после того – значит, вследствие того»). Причина смерти Дэвида Келли до конца не разгадана: выяснилось, что он и его жена в 1998 году приняли бахаизм – религию, развившуюся из шиитского ислама и возникшую в Иране в 40-е годы XIX века; в настоящее время центр бахаизма находится в Хайфе (Израиль). За полгода до описываемого скандала Келли сказал английскому дипломату Дэвиду Браучеру (David Broucher), что если Багдад атакуют, «я буду найден мёртвым в лесу» – такое точное предсказание обстоятельств своей смерти может говорить о каких-то сектантских обычаях, но точнее об этом пока ничего не известно. Браучер сообщил об этом факте в ходе расследования в лондонском суде.

Руководство Би-Би-Си прошлым летом полностью подержало своих сотрудников и отказалось извиниться перед правительством Великобритании. Скандал приобрел уже безудержный истерический характер, журналисты открыто обвиняли Тони Блэра в убийстве и требовали его отставки. Было назначено независимое расследование во главе с судьей лордом Хаттоном (Hutton); оно длилось 4 месяца; его результаты были опубликованы 28-го января этого года.

Многие не сомневались в том, что суховатый и респектабельный лорд Хаттон пригвоздит Тони Блэра к позорному столбу «за безоговорочную поддержку президента США» – фраза из газеты «Берлинер Цайтунг» («Berliner Zeitung»), которая как раз 28-го января, в день обнародования отчета Хаммера, развивая эту тему, писала следующее: «Сегодня судья Хаттон представит результаты расследования аферы Келли. Вот тогда-то британцы и узнают, в какой мере их правительство раздувало угрозу, исходящую от Ирака».

Доклад лорда Хаттона, вопреки ожиданиям, снял все обвинения с правительства Великобритании: ни министры, ни сам Тони Блэр ничего не изменили в донесениях разведки; они не давили на Дэвида Келли, не угрожали ему; его уход из жизни был добровольным.

«Передовая» общественность, особенно европейская, была шокирована. Би-Би-Си реагировала на доклад лорда Хаттона мгновенно: председатель попечительского совета телерадиокорпорации Гэвин Дэвис (Gavin Davies) заявил об уходе в отставку уже 28-го января; вслед за ним покинул пост

генеральный директор Би-Би-Си Грэг Дайк (Greg Dyke), а затем уволился и хорошо откормленный, самодовольный молодой человек, заваривший всю эту кашу, – журналист Эндрю Гиллиган. Руководство Би-би-Си принесло свои извинения правительству за распространение неверной информации. Извинился также и Гиллиган; непонятно только, почему он так долго ждал – целых четыре месяца: разоблачение чужой лжи требует иногда много времени и сил, но сам-то лжец с первой минуты знает правду! Гиллиган сознательно наврал, а затем молчал, надеясь на несовершенное расследование и на поддержку со стороны общественного мнения, – и проиграл. 1-го февраля толпа пацифистов в ярости сожгла перед британским парламентом несколько экземпляров доклада Хаттона; журналисты левой прессы не скрывают разочарования результатами расследования.

Между тем, вопрос об иракском оружии массового уничтожения остается открытым: невозможно пока доказать его наличие, и точно так же бездоказательно его отсутствие. На этот счет существуют всего лишь мнения, и было бы правильно обеим сторонам – и сторонникам, и противникам войны в Ираке – воздержаться до поры от слишком самоуверенных заявлений, особенно, сейчас, когда так позорно провалились попытки Би-Би-Си и других СМИ облыжно обвинить правительство Великобритании в подделке документов. «Иракское досье», на основании которого был в 2002-м году сделан вывод о наличии у Саддама Хусейна неконвенционального оружия, – это не собрание лозунгов и напыщенных фраз; это факты и цифры, изложенные британской разведкой; трудно предположить, что все они – выдумка.

Итак, первый вопрос, связанный с иракской войной, решён: правительство Великобритании сделало выводы об иракских вооружениях, базируясь на материалах разведки. Возникает второй вопрос: насколько эти материалы обоснованы? США и Великобритания назначили независимое расследование и на эту тему. Любопытно было бы ещё узнать, почему журналист Би-Би-Си, теперь уже бывший, Эндрю Гиллиган так решительно выступил против Тони Блэра, кто за ним стоял и кто ему платил. Но эта тема пока не обсуждается.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №07/399
за 16 – 22 февраля 2004 г.**

КАК ЭТО МОЖНО БЫТЬ ПЕРСИЯНИНОМ?

В «Дневнике» братьев Гонкур /Эдмон и Жюль Гонкур, французские писатели XIX века/ есть такой эпизод: однажды на светской посиделке после рассказа путешественника о поездке в Персию один из гостей воскликнул: «Как это можно быть персиянином?». Фраза эта стала крылатой; в ней нет ничего пренебрежительного по отношению к жителям этой страны, напротив, она свидетельствует о географическом провинциализме европейцев.

Персия (с 1935-го года – Иран) в старые времена воспринималась как легендарная страна, вроде Атлантиды; она была символом загадочного Востока с его красавицами, гаремами, жестокими властителями и коварными евнухами, умением заклинать змей и тайным знанием о жизни. Наше время, к сожалению, не располагает к сказкам; слово «Иран» вызывает вполне прозаические ассоциации: шах, нефть, муллы, землетрясение и, в последнее время, – ядерное оружие. Не до романтики.

До 1979-го года Ираном управлял шах Мохаммад Реза Пехлеви; он считался просвещенным правителем, дружил с Америкой, Европой и даже с Израилем и продавал им нефть; он приватизировал землю и промышленность; страна быстро развивалась и богатела, а Тегеран вскоре стали называть «восточным Парижем»: женщины модно одевались, в театрах можно было слушать американских певцов и смотреть русский балет, а сортов водки Иран выпускал больше, чем Советский Союз. Шах ориентировался на Запад; возмущенную этим исламскую оппозицию он прижал и частично изгнал. Его режим оставался безусловно тираническим: партия существовала только одна, казной распоряжались государственные чиновники, а тайная полиция беспощадно расправлялась с недовольными.

1-го февраля 1979-го года народ вышел на улицы, шах бежал из страны и не вернулся; вместо него по трапу самолета, прямо таки с небес, спустился красивый представительный старик с седой бородой – аятолла Хомейни, прошедший в изгнании 15 лет; вскоре он объявил Америку «большим Сатаной», а себя – пожизненным духовным руководителем исламской республики Иран. Началась новая жизнь, и без особых перемен она продолжается до сих пор.

Все это могло бы остаться внутренним делом Ирана, если бы не глобализация, если бы в мире не сложилась ситуация, при которой внутренних дел у стран и народов почти уже не осталось – все дела стали общими; не только «одна луна – на всех», но и одна беда. Беда Ирана заключалась в том, что новое руководство никому не доверяло ни внутри страны, ни за ее пределами; понимая, что любить его не за что и рассчитывать приходится только на силу, оно закручивало гайки и создавало параллельную существующей систему власти: религиозная власть во главе с Советом стражей революции подчинила себе президента, парламент и местные органы управления. Иран содержит даже две армии: одна обычная, оставшаяся от шаха, но почищенная, другая – Корпус стражей исламской революции /КСИР/; каждая из них имеет свою пехоту, воздушный и морской флот; обе обязаны защищать страну и бороться за торжество ислама во всем мире. Если вместо слова «ислам» поставить «коммунизм», станет ясно, что человеческая фантазия в этих вопросах не слишком изобретательна.

Во внешней политике нового Ирана просматриваются те же факторы, что и во внутренней: вместо сотрудничества со странами и правительствами, создаются параллельные, враждебные им структуры – террористические организации, действующие в пользу иранских исламистов; наиболее известная из них, но не единственная – Хизбалла, она воюет с территории Ливана против Израиля, но главная ее цель – завоевание и подчинение Ливана. И, конечно, предел мечтаний иранских властей – ядерное оружие: оно обеспечило бы им долгое и надежное существование.

За 25 лет такой власти некогда богатая и уверенно развивающаяся страна впала в кому: национализация земли и промышленности парализовали экономику, запрет на противозачаточные средства (от Сатаны!) вызвал прирост населения почти вдвое, люди в возрасте до 25 лет составляют большую часть населения, безработица – около 30%. Число наркоманов безудержно растет. Каждый четвертый образованный иранец уезжает за границу. Восторги и надежды населения давно испарились; студенты периодически выходят на улицы и требуют реформ; нынешний президент Ирана считается даже прогрессивным, но религиозные власти блокируют любое возможное изменение, потому что возможны

изменения только двух родов: или подавление, или демократизация, пускай и самая умеренная.

Иранская оппозиция и не просит радикальных реформ, не требует сменить исламскую идеологию демократией западного типа, но хотела бы улучшить экономическое положение и уровень жизни. Власти же прекрасно понимают, что любое послабление – не в их пользу, что дай только волю – и реформы будут нарастать, как снежный ком, и в конце туннеля им лично ничего не светит. Но и откровенных репрессий в Иране пока нет; перед нынешними парламентскими выборами (20 февраля) была сделана попытка тихого удушения оппозиции: 2000 реформистских кандидатов в депутаты получили – каждый лично, без широкой огласки – отвод от участия в выборах; узнав об этом, еще свыше 500 депутатов сняли свои кандидатуры в знак протеста. Предвыборная кампания в Иране превратилась в скандал.

Так же скандально выглядит и внешняя политика. Властям явно не везет: не только помощь палестинским террористам, но и разработку ядерного оружия не удалось скрыть от мировой общественности; а тут еще «вышел из толпы дядька», пакистанский ученый-ядерщик, и как на духу, рассказал о своих замечательных гешефтах, в том числе и с Ираном. Инспекторы МАГАТЭ (агентство по атомной энергии ООН) тут же наводнили страну, на границе её, в Ираке, стоят американские войска, создают угрозу и давят на психику.

В таких условиях выборы и в самом деле лучше было бы, как того требует оппозиция, отложить, но отложить на неопределенное время оппозиция не согласится, она хочет диктовать сроки, а принять ее диктат означает для власти признать свое поражение.

Иранский фактор для Ближнего Востока и для всего мира чрезвычайно важен, и дело не только в нефти или в Израиле, как думают многие; Иран давно уже из загадочной Персии превратился в исламскую страну на пороге изменений; от того, какой она выберет путь, зависит очень многое на Ближнем Востоке и во всем мире. И сегодня на вопрос «Как это можно быть персиянином?» есть, к сожалению, только один ответ: «Таки трудно!»

Ася Левина.

**"Русская Германия" №08/400
за 23 – 29 февраля 2004 г.**

НОВЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ АНТИСЕМИТИЗМ

Антисемитизм – явление старое, даже застарелое (как раньше говорили о сифилисе); новой может быть причина, будто бы объясняющая и, стало быть, оправдывающая очередную вспышку болезни. Таких причин за последние две тысячи лет называлось много, некоторые из них широко известны: например, евреев обвиняли в том, что они убили бога – Иисуса Христа; при этом, по статистике, 70% католиков даже не подозревает, что Христос был евреем; он критиковал иудаизм в духе еврейской культурной традиции, но никогда его не отвергал; многие из тех, кому этот прискорбный факт известен, яростно его оспаривают, а Ватикан на этот счет помалкивает. Широко распространено мнение, что евреи кладут в мацу кровь христианских младенцев, шпионят, отравляют колодцы, тайком составляют планы мирового господства («Протоколы сионских мудрецов»), жадны и трусливы, не умеют пахать и воевать, но умеют торговать, и вообще: если в кране нет воды, уж мы знаем, кто ее выпил.

На самом деле, антисемитизм не нуждается в обоснованиях, он иррационален. Не однажды расследования доказывали, что младенцев убивали не евреи, а родственники жертв; что книга о мировом еврейском заговоре – грубая полицейская фальшивка; что шпионом был не Дрейфус, а французский офицер-католик, граф Эстергази, и что в войне с Гитлером по количеству Героев Советского Союза на 1000 человек населения евреи среди народов СССР заняли третье место (после осетин и русских). Но разве факты когонибудь убеждают? Человек всегда верит в то, что вызывает в нем приятные чувства, а одно из самых приятных чувств – это, к сожалению, ненависть или, точнее, эйфория ненависти. Можно сослаться на Гитлера, в этих вопросах он разбирался вполне профессионально: «Понимание, – писал он, – слишком шаткая платформа для масс. Единственная стабильная эмоция – это ненависть». То есть, с точки зрения фюрера, люди глупы и злы, и взывать надо к их эмоциям, а не к разуму. Он так и поступал – и, как известно, преуспел, его теория была подтверждена экспериментом.

Сегодняшний антисемитизм базируется на мифе о жестоких израильтянах и несчастных палестинцах; в нем, как и в других сочинениях подобного рода, 90% лжи; тем больше

он вызывает доверия. Этот миф тщательно отработывается в европейских СМИ: Израиль по телевизору – это всегда мирные арабы, а евреи – только солдаты и религиозные ортодоксы. Среднестатистический немецкий телезритель уверен, конечно, что нормальных цивилистов, как они выражаются, среди израильтян просто нет, что Палестина – это арабская страна, незаконно захваченная вооруженными до зубов фанатичными евреями; в таком случае, почему бы их и не убивать? Лицемерные осуждения палестинского террора со стороны европейских лидеров сопровождаются открытой политической поддержкой и щедрым, но не афишируемым финансированием палестинских боевиков. Эту нечистоплотную игру очень правильно оценили определенные круги Европы: за последние три года, по американским оценкам, антисемитизм здесь поднялся до уровня 1930-х годов.

Руководство Европейского Союза отвергало до поры до времени тревожные запросы со стороны еврейских общественных организаций, утверждая, что антисемитизма в Европе нет и что евреи, мол, слишком болезненно реагируют на обыкновенную критику в адрес Израиля. Вполне возможно, что нападения на синагоги и еврейские кладбища, избиения еврейских детей в школах, антисемитские карикатуры и статьи в прессе большинство европейцев воспринимает не как антисемитизм, а как нормальное и привычное отношение к евреям. Недаром в передачах об антисемитизме присутствует всегда только Голокост, как будто постоянные издевательства, гонения и изгнания, погромы, грабежи и убийства евреев в Европе на протяжении почти двух тысяч лет не считаются преступлением. Голокост возник не на пустом месте, европейцы двигались к нему медленно, но уверенно; осуществили четко, потом слегка озадачились, да и то под американским послевоенным сапогом.

Весной 2002 года Европейский центр наблюдения за расизмом и ксенофобией (EUMC), базирующийся в Вене, попросил в конце концов специалистов Технического университета Берлина обследовать уровень антисемитизма в Европе; 100-страничный отчет поступил к заказчикам уже в феврале 2003-го года; ознакомившись с ним, они испытали шок – и скрыли документ от широкой общественности. И только осенью 2003-го года Даниэль Кон-Бендит (Daniel Kohn-

Bendit), депутат Европарламента от французских «зелёных», наперекор воле ЕС, опубликовал отчет, из которого следовало, в частности, что больше половины населения Европы считает Израиль главной угрозой миру. Иными словами, для сегодняшних европейцев, жителей наиболее просвещенной и демократической части света, как и в средние века, главным врагом являются евреи.

Сделав хорошую мину при плохой игре, лидеры Евросоюза поторопились отмежеваться от результатов обследования; верховный представитель по внешней политике и безопасности ЕС Хавьер Солана /Yavier Solana/ попросил не путать антисемитские выступления в Европе с деятельностью ЕС, критика которого в адрес Израиля не разжигает, мол, антисемитские настроения. Венский центр, попытавшийся скрыть позорный отчет, наказали временным прекращением финансирования, хотя ему понятно, что без команды из Брюсселя социологам EUMS и в голову бы не пришло прятать документ от общественности.

После этого руководство ЕС уже не могло высокомерно отмахиваться от надоевшей проблемы; после бурных дебатов с представителями еврейских организаций, они провели в Брюсселе конференцию на высшем уровне по вопросу антисемитизма в Европе. Конференция состоялась 19 февраля этого года; средства массовой информации уделили ей минимум внимания.

Сегодняшняя Европа явно страдает головокружением от успехов, но не реальных, а предвкушаемых, что особенно опасно. В мае, после присоединения очередных десяти стран, население континента достигнет 450 миллионов, и европейские лидеры уже чувствуют себя королями нового рейха. Упрекая Америку и даже Израиль в проведении колониальной политики, ЕС не замечает, что по сути дела в Европе создается новая империя, амбициозная и нетерпеливая, страстно желающая, как часто повторяют комментаторы немецкого телевидения, быть первой в мире. Увлеченные этой целью, брюссельские политики явно склоняются к тому, чтобы решать проблемы с помощью старого испытанного средства – ксенофобии и антисемитизма.

Ася Левина.

**"Русская Германия" №09/401
за 1 – 7 марта 2004 г.**

СУД ИДЁТ

Совсем недавно в мире существовало довольно твёрдое представление о внутренних и внешних делах государства; считалось, что вмешательство в его внутренние дела со стороны недопустимо и что международные организации должны заниматься общемировыми вопросами и кризисными ситуациями. Сегодня строгого разделения на внутренние и внешние государственные дела уже не существует, роль международных организаций резко возросла и в отношениях между ними и отдельными государствами все чаще под внешне благополучным сотрудничеством скрывается взаимное недоверие.

Изящный и женственный Кофи Анан, лауреат Нобелевской премии мира, гражданин Ганы, женатый на родственнице Рауля Валленберга, сделал невероятную карьеру в ООН и, похоже, не намерен останавливаться на достигнутом. Аппетит приходит с едой: именно в его ведомстве еще в 1998-м году возникла гениальная идея придать ООН, кроме прочих, функции высшего судьи, наделенного полномочиями казнить и миловать всех без исключения; новая инстанция получила название «Международный уголовный суд при Организации Объединенных Наций»; он начал свою работу в голландском городе Гаага в 2003 г. Формально суд должен расследовать массовые убийства, военные преступления, геноцид и другие крупные нарушения прав человека в случае, если разбирать их откажутся национальные суды стран, на территории которых эти нарушения имели место.

Соединенные Штаты не признали это новое учреждение, функции которого были не ясны, а круг полномочий не разработан; безусловно было только одно – нестерпимое желание чиновников ЕС и ООН во главе с Кофи Ананом прибрать к рукам международные дела. Америка предложила заинтересованным странам помощь в развитии собственных судебных систем, чтобы разные государства могли заниматься своими проблемами самостоятельно. Но ООН и ЕС это предложение отвели. Бельгия, по-видимому, надеялась, что суд расположится в Брюсселе, где к этому времени уже появился некий зародыш международного суда: с 1993 года в Бельгии был введен закон о наказании военных преступников независимо от их гражданства, места и даже,

добавим от себя, факта совершения преступления, то есть Бельгия, никого не спросясь, попыталась присвоить себе права высшей юридической инстанции мира. Тогда речь шла о геноциде в африканской стране Руанда, бывшей бельгийской колонии, где в результате межплеменной войны было уничтожено около 800 тысяч человек.

Разобравшись с этим делом и войдя во вкус, бельгийские законники обратили свое пристальное внимание на Израиль: они вспомнили, что в 1982-м году в Ливане арабы-христиане устроили резню мусульман в двух лагерях палестинских беженцев – Сабра и Шатилла; при этом погибло около 800 человек; Ариэль Шарон был в то время министром обороны Израиля; дело это разбиралось в израильской госкомиссии; было решено, что Шарон несет косвенную ответственность за действия арабов-христиан Ливана (фалангистов), поддерживавших Израиль в его борьбе с террористами Арафата. Шарон принял решение комиссии и ушел в отставку в 1983-м году.

Но бельгийцам этого было мало; они приняли к рассмотрению жалобу группы палестинцев «Жертвы терроризма» и решили сами судить Шарона и других израильских высших офицеров. Дело начало принимать скандальный оборот, особенно, когда в Брюссель пошли жалобы на государственных деятелей Америки и Европы; закончилось оно быстро и нелепо: американцы потребовали прекратить самосуд и пригрозили, что в противном случае переместят штаб-квартиру НАТО куда-нибудь в Восточную Европу. Бельгийцы отменили закон, но идея создания международного суда не потеряла своей привлекательности; Кофи Анан, с 1996 года генеральный секретарь ООН, поддержал проект; местом для суда определили Гаагу. Шел уже уже 2002 год, у голландцев за плечами была Сребреница, где в 1995-м году сербы перебили 7500 мужчин-мусульман при откровенном попустительстве голландских войск. Возможно, Голландия надеялась строгим отношением к чужим грехам обелить свою запачканную репутацию; как бы там ни было, Международный суд обратился в первую очередь к югославским делам, а затем, по традиции, к израильским. И главным действующим лицом в этой истории оказался Кофи Анан.

21 октября 2003 года Генеральная Ассамблея ООН, по настоянию арабских стран, осудила возведение Израилем

защитной стены и попросила лично Кофи Анана проследить за выполнением ее решения. 28 ноября Кофи Анан представил в ООН доклад, в котором говорилось, что Израиль резолюцию не выполняет. 10-го декабря Генеральная Ассамблея ООН передала дело в Гаагский суд и потребовала от него дать оценку правовых последствий строительства израильской стены. Против этого решения выступили США, Европейский Союз, Австралия и Россия; за – арабские государства и их союзники. Напомним, что западные страны не одобряют строительство Израилем защитной стены, но считают, что это дело находится вне компетенции Международного трибунала. В Израиле рассмотрением этого вопроса занимался тогда Высший суд справедливости (БАГАЦ). Тем не менее, 23-го февраля в Гааге началось рассмотрение палестинской жалобы.

Накануне, 22 февраля, движение «Бригады мучеников Аль-Аксы», близкая к организации «Фатх», возглавляемой Арафатом, совершила теракт в Иерусалиме, при котором было убито 8 человек. Арафат сурово осудил эту акцию – за несвоевременность: он считал (и сказал), что взрывать израильский автобус надо было после суда, а не до. Европейские СМИ эти его слова стыдливо опустили.

Тем временем в Гаагу прибывал народ: израильтяне, европейские евреи, несколько тысяч членов международной организации «Христианские друзья Израиля» и просто люди, возмущенные сложившейся ситуацией. Растерявшиеся власти начали запрещать все подряд: еврейские демонстрации, мирное шествие христиан с портретами жертв палестинского террора, а также присутствие на суде родственников погибших, мотивируя это тем, что они **«никого не представляют»**. Христиане подали в голландский суд – демонстрации были разрешены, но откровенная непристойность всей затеи привела к тому, что европейские СМИ о ней после 24 февраля не упоминают. Зато почти постоянно муссируется тема слежки за чиновниками ООН, в первую очередь – за Кофи Ананом. Подслушивать, конечно, некрасиво, а все же было бы очень интересно узнать, с кем и о чем конфиденциально договаривается этот маленький, скрытный и очень недоброжелательный человек.

Ася Левина.

**Для "Русской Германии" №10/402
на 8 марта 2004 года (не принята)**